№ 1841 5.

ПАНТЕОНЪ
РУССКАГО
и
ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ
ТЕАТРОВЪ.

Часть вторая.

Издатель В. Поляковъ. САНКТПЕТЕРБУРГЪ. Редакторъ Ѳ. Кони.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ.

ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

предпринятъ съ тою цѣлію, чтобы доставить публикѣ чтеніе легкое, пріятное, разнообразное и въ тоже время вполнѣ знакомящее съ развитіемъ, ходомъ и настоящимъ состояніемъ драматическаго искусства, музыки, живописи и другихъ искусствъ въ Россіи и во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы.

Пантеонъ заключаетъ въ себѣ слѣдующаго рода статьи:

I. *Отдѣльныя піесы въ стихахъ и прозѣ*, извѣстныхъ *русскихъ* и *иностранныхъ писателей:* трагедіи, драмы, комедіи, оперы, и только *лучшіе* водевили. Въ составъ этаго отдѣленія входятъ піесы, *игранныя на сценѣ* и *неигранныя*, замѣчательныя по своему созданію и изложенію.

II. *Исторія театра:* взглядъ на развитіе сценическаго и драматическаго искусствъ, какъ у насъ, такъ и въ другихъ странахъ.

III. *Панорама всѣхъ современныхъ театровъ:* отчетъ о всѣхъ новостяхъ сцены, музыки, и другихъ художественныхъ явленіяхъ въ Европѣ и другихъ странахъ свѣта.

IV. *Біографическіе и характеристическіе очерки* знаменитѣйшихъ русскихъ и иноземныхъ драматическихъ писателей и артистовъ.

V. *Отдѣльныя сцены*—историческія и взятыя изъ частной жизни, въ стихахъ и прозѣ.

VI. *Повѣсти и разсказы*, могущія подать мысль для драмы, комедіи или водевиля.

VII. *Забавные куплеты и стихотворенія.*

VIII. *Библіографическіе обзоры сочиненій*, относящихся къ искусствамъ сценическому и драматическому и во всѣхъ другихъ родахъ.

IX. *Смѣсь:* анекдоты; замѣчанія на декораціи, костюмы и музыку значительныхъ піесъ; острыя слова; каламбуры и театральные слухи.

X. Кромѣ того при каждой книжкѣ *Пантеона* будетъ прилагаться нумеръ Текущаго *Репертуара Русской Сцены*, состоящій изъ лучшихъ водевилей оригинальныхъ или переводныхъ, имѣвшихъ успѣхъ на русскихъ театрахъ, и критическіе отчеты о всѣхъ піесахъ, представляемыхъ на московской и петербургской сценахъ.

Словомъ *Пантеонъ* есть полный сборникъ литературно-художественныхъ статей, который, слѣдя безпрерывно за ходомъ искусствъ и театровъ, не можетъ быть изданъ вдругъ и потому выходитъ *выпусками* или книжками, отъ пяти до десяти листовъ компактной печати, въ два столбца, и раздѣляется на *четыре части*. При каждомъ выпускѣ выдается по одному и по два художественныхъ приложенія, состоящихъ: *изъ портретовъ знаменитыхъ писателей и артистовъ; картинокъ театральныхъ, маскерадныхъ и модныхъ костюмовъ; забавныхъ сценъ, декорацій*, гравированныхъ на стали, на мѣди, или литографированныхъ и раскрашенныхъ за границею или въ Россіи, и изъ *музыки*, народной, или заимствованной изъ новыхъ оперъ, балетовъ, водевилей и танцевъ, аранжированныхъ для *форте-піано*.

Редакціею *Пантеона* завѣдуетъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Кони.

Подписная цѣна на все изданіе въ 1841 году: **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ**, *съ пересылкою* во всѣ города Россійской Имперіи и *съ доставленіемъ* на домъ въ С. Петербургѣ.

Подписка принимается въ магазинѣ издателя, *книгопродавца Полякова*, на Невскомъ проспектѣ, возлѣ Михайловской улицы, въ домѣ графини Строгановой; въ его же книжной-лавкѣ въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной линіи, подъ *№* 17. Иногородныя особы благоволятъ адресоваться въ *Газетную Экспедицію* Санктпетербургскаго Почтамта.

Издатель, С. Петербургскій книгопродавецъ Василій Поляковъ.

Печатать позволяется. Августа 31 дня, 1841 года. Цензоръ *А. Никитенко.*

СЕМНАДЦАТЬ И ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ,

или

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ,

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. П. С. Ѳедорова.

(Сюжетъ заимствованъ изъ піесы Скриба).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Въ 1-мъ дѣйствіи:

Марья Андреевна Кочкина. (60 лѣтъ.)
Софья Петровна, ея дочь. (17 лѣтъ.)
Александра Сергеевна Снуркова. (17 лѣтъ).
Семенъ Ильичъ Бураковъ. (40 лѣтъ.)
Викторъ Михайловичъ Стрѣлкинъ. (25 лѣтъ.)
Андрей.

Во 2-мъ дѣйствіи:

Семенъ Ильичъ Бураковъ. (73 лѣтъ.)
Софья Петровна. (50 лѣтъ.)
Илья Семеновичъ Бураковъ. (23 лѣтъ.)
Анна Ѳедоровна Лунская. (18 лѣтъ).
Викторъ Михайловичъ Стрѣлкинъ. (58 лѣтъ.)
Марѳа.

Дѣйствіе происходитъ въ С. Петербургѣ. Первое—въ 1808 году, въ квартирѣ Кочкиной; второе—въ 1841 году, въ домѣ Буракова.

Музыка для перваго дѣйствія составлена изъ старинныхъ романсовъ, а для втораго набрана изъ лучшихъ оперъ и частію сочинена вновь К. Н. Лядовымъ.

СЕМНАДЦАТЬ И ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ,

ИЛИ

ДВѢ ГЛАВЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

МОЛОДОСТЬ.

Комната, бѣдно-убранная. Въ глубинѣ театра входная дверь. Налѣво, съ боку, также дверь. Направо окно; близь него, у стѣны, комодъ и на немъ маленькой туалетъ. Впереди налѣво столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софья, (*одна сидитъ у стола, на которомъ разбросаны рукодѣлья, и читаетъ книгу. Работа ея пришпилена къ подушечкѣ.*) «Премилъ, увидѣвъ идущую Марію, указываетъ ему на нее и Викторъ летитъ къ ней, какъ нѣжный голубь къ страстной своей подругѣ!» (*отирая слезы.*) Наконецъ онъ возвратился!... О, я это предчувствовала... бѣдная Марія! Какъ она страдала! въ какой нищетѣ она жила!... и какъ сходна ея участь съ моею... живу съ маменькой въ бѣдности, тружусь съ утра до ночи... и жду своего Виктора!... для него жертвую богатымъ женихомъ, огорчаю маменьку... а Викторъ?... скоро ли-то онъ возвратится?... устроилъ ли онъ свое состояніе? будетъ ли онъ моимъ?... (*Вздыхаетъ и продолжаетъ чтеніе.*) «Какой восторгъ, какая нечаянность! Марія останавливается отъ удивленія и радости, цѣпенѣетъ, не вѣритъ глазамъ своимъ, но услышавъ возникнувшій Викторовъ голосъ, сіе произносящій: Марія! божественная Марія! наконецъ тебя я вижу! Какъ я счастливъ! безъ памяти упадаетъ къ объятія супруга своего, съ слезами его и свои радостныя слезы соединяетъ.» (*) (*Говоритъ*). Романы страсть моя, а вѣдь содержаніе въ нихъ всегда почти одно и тоже: безъ любви, безъ разлуки и безъ сватьбы никогда дѣло не обходится... да оно и натурально!... Вотъ хоть бы мой романъ!...

(На голосъ: «Мѣста тобою украшенны,»)

Едва я Виктора узнала,
Едва любовь запала въ грудь,
И ужь судьба его умчала
На цѣлый мѣсяцъ въ дальній путь!...

Что дѣлать! Викторъ мой—комисіонеръ! Чѣмъ чаще будетъ онъ въ командировкахъ, чѣмъ больше будетъ получать прогоновъ, тѣмъ скорѣе можетъ поправить свое состояніе.

(*) Изъ старинаго романа: «Россійская Памела».

У маменьки свои резоны,
Безъ денегъ ей ничто и честь!
А сбереженные прогоны
Насъ могутъ къ счастію привесть!...

Еслибъ только спровадить моего противнаго жениха... Боже мой!... кто-то идетъ!... не маменька ли?... (*Прячетъ книгу и принимается за работу.*) А! да это Сашечка!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Александра и Софья.

Александра, (*входя въ среднюю дверь.*) Здравствуй, моя Софочка!

Софья. Сашечка, дружокъ!... насилу ты къ вамъ зашла!... совсѣмъ пропала... а еще такая близкая сосѣдка, два шага, а вотъ ужь недѣля, какъ я тебя не видала.

Александра. Маменька была нездорова... но, слава Богу, теперь почти совсѣмъ поправилась, сегодня даже понесла мою работу.

Софья. А ты ужъ кончила?

Александра. Все! дюжину чепчиковъ, да дюжину кофточекъ нашила въ эту недѣлю... для какой-то невѣсты шью, Софочка... богатая, купчиха... выходитъ за генерала.

Софья. И я шью для невѣсты: дочь камердинера... а женихъ у нея какой-то важный чиновникъ...

Александра. Да!... что это, у насъ пронесся слухъ, будто и ты выходишь за мужъ? Я вѣдь пришла спросить... правда ли, Софочка?

Софья. Почти, мой дружокъ... а ты и не спровѣдаешь.

Александра. Какъ же ты не пришлешь сказать?

Софья. Не могла, душечка, сама ничего не знала... у насъ вѣдь все наизворотъ... вчера только объявила мнѣ маменька...

Александра. Кто жъ твой женихъ? хорошъ ли, любезенъ ли?

Софья. Чудо, что такое!... отставной титулярный совѣтникъ и винный откупщикъ! Словомъ, Семенъ Ильичъ Бураковъ...

Александра. Откупщикъ!

Софья. Бездѣлица!... и богатъ такъ, что ужасъ!

Александра. А, вотъ это дѣло другое! И молодъ?

Софья. Лѣтъ подъ-сорокъ.

Александра. Такъ стало быть ты и не прочь?

Софья. Нѣтъ, душечка, очень прочь... я неиначе хочу выти замужъ, какъ по любви...

(На голосъ: «Стонетъ сизый голубочекъ.»)

Любить душой, терпѣть страданья,
Наперекоръ судьбѣ итти,
Вотъ, мой дружокъ, мои желанья,
Отрада въ жизненномъ пути!
У горя буду я подъ властью,
Хоть воду только стану пить,
Но предпочту несчастье счастью,
Вѣкъ буду плакакать и любить!
Въ любви, одна дорога къ счастью:
Несчастья ждать, несчастной быть!

Александра, (*вздыхая*). Правда твоя, Софочка... но однакожъ, ты согласилась выти за этого откупщика?

Софья. Я вовсе не соглашалась... этого хочетъ маменька... но я все-таки не теряю надежды: быть можетъ, эта сватьба еще не состоится... я послала къ Семену Ильичу записочку, въ которой откровенно призналась, что его не люблю.

Александра. И прекрасно сдѣлала... откровенность нигдѣ не мѣшаетъ...

Софья. Я, однакоже, не все ему сказала... даже и маменька не знаетъ всѣхъ моихъ секретовъ... только тебѣ я могу ихъ повѣрить... Сашечка, душечка!... вѣдь я влюблена!

Александра. Влюблена?

Софья. Ты удивляешься?

Александра. Нисколько!... если я те-

бѣ признаться... вѣдь и я, Софочка, влюблена!

Софья. Видишь какая! и до сихъ поръ ни слова!... (*Садятся ближе къ сцень.*) Разскажи же, въ кого?... Мой—совершенный душка!... мололъ, любезенъ, хорошъ собой!

Александра. И мой также!

Софья. Глаза черныя! сердце огонь!... волоса такъ и вьются... точно у Купидона!

Александра. Совершенно мой!

Софья. Не мудрено, дружокъ... у насъ съ тобой одни вкусы... ну что жъ, твой тебѣ объяснялся въ любви?

Александра. Нѣтъ, до сихъ поръ еще у насъ и помину не было о любви... мы только объясняемся глазами...

Софья. Вотъ умора!... нѣтъ, мы такъ не по вашему..? у насъ даже до того дошло, что я понимаю любовь его по скрыпкѣ.

Александра. Онъ играетъ на скрыпкѣ?

Софья. Какъ самый отличный камеръ-музыкантъ!

Александра. Двѣ капли волы мой!

Софья. Въ особенности изъ «Русалки...»

«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой...»

Ахъ, какъ онъ мило это играетъ... и я понимаю что онъ хочетъ выразить: онъ зоветъ меня въ свою хижинку... а ты знаешь: гдѣ любовь, тамъ—и хижинка убога съ милымъ будетъ рай!... А покуда только никому ни слова!... мы даже съ нимъ переписываемся...

Александра. Ахъ, я воображаю, какъ пріятно писать къ милому и получать отъ него отвѣты!... какая разница писать и разговаривать!

(На голосъ: «Радость выслушай два слова.»)

Я ужасъ какъ всегда робѣю,
Когда съ мущиной говорю,
Онъ взглянетъ — тотчасъ покраснѣю,
Онъ къ ручкѣ—я огнемъ горю!
Съ нимъ бы цѣлый вѣкъ болтала,
А спроситъ что—придешь въ тупикъ!...

Софья.

Подъ часъ намъ всѣмъ бы не мѣшало
Держать на привязи языкъ.

Александра.

Вотъ въ письмахъ прямо выльешь душу,
Въ нихъ все могу *я* разсказать.

Софья.

А я невольно какъ-то трушу,
Когда придется мнѣ писать.
Мужчины за дѣла такія
Берутъ съ дѣвицъ процентъ съ нуля:
Вѣдь письма не слова пустыя—
Они на чувства векселя.

Я страхъ боюсь, чтобъ не поймала насъ маменька... она ужъ, кажется, и то меня подозрѣваетъ... а какъ онъ пишетъ!... съ какимъ чувствомъ, съ какимъ жаромъ... постой, я тебѣ покажу его письма. (*Хочетъ подойти къ комоду; но въ эту минуту слышенъ кашель Кочкиной*). Погоди! это маменька... послѣ...

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Кочкина.

Кочкина, (*входя въ среднюю дверь*). Ну, такъ... опять шитье въ сторонѣ.

Александра. Здравствуйте, Марья Андревна!... здоровы ли вы?

Кочкина. Слава Богу!... а твоя маменька?

Александра. Была больна, теперь получше...

Кочкина. Ну, что скажешь?... не принесла ли опять романовъ?...

Александра. О, нѣтъ...

Софья. Она принесла мнѣ узорчикъ... (*беретъ со стола узоръ*). Посмотрите, маменька, какой миленькой!

Кочкина. Помилуй, да это твой?

Софья. Нѣтъ, маменька: похожъ немножко на мой, но гораздо лучше...

Кочкина, (*про себя*). Узорчикъ!... кажется, онѣ хотятъ меня провѣсть... тутъ что нибудь да другое...

Софья. Ну что, маменька?

Кочкина, (вздыхая). Письмо твое я

отправила съ нашимъ дворникомъ... ты не послушалась меня!... что дѣлать!

Софья, (*въ сторону*). О, Викторъ!

Кочкина. Будешь послѣ жалѣть, да ужъ поздно!...

Софья. Никогда, маменька, никогда!

Александра. Есть о чемъ жалѣть... она его не любитъ.

Кочкина. А тебѣ что за нужда? не въ свое дѣло мѣшаетесь, сударыня! чѣмъ болтать здѣсь пустяки съ Софьей, лучше бы шли домой... да занялись дѣломъ... вѣдь у васъ вѣрно есть работа?

Александра. Теперь нѣтъ, я все дошила... вотъ развѣ маменька пришлетъ новую.

Кочкина. Ну, такъ поди же, вѣрно она ужъ принесла.

Александра. Прощай, Софочка!

Софья. Прощай, мой дружокъ!

Александра, (*тихо Софьѣ*). Я еще забѣгу къ тебѣ сегодня... (*Кочкиной.*) Прощайте, Марья Андревна.

Кочкина. Прощай!... (*Александра убѣгаетъ въ среднюю дверь.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Софья и Кочкина.

Кочкина, (*смотря въ слѣдъ Александрѣ*). Вертушка! вѣтренница! такая же непослушная... только огорчаетъ бѣдную мать.

Софья. Вы вѣчно сердитесь, маменька.

Кочкина. Еще бы и не сердиться... отказаться отъ такой значительной партіи...

Софья. Мнѣ все равно.

Кочкина. Все равно? Какъ бы не все равно... гдѣ ты найдешь такого жениха?... вѣдь у него мѣшки золота... у него какъ сыръ въ маслѣ катайся...

Софья. Мнѣ не нужно богатства.

Кочкина. Чего жъ тебѣ надо? Какого еще мужа?... не генерала ли?... важная ты птица!

Софья. Важная не важная, а дочь благороднаго человѣка...

Кочкина. Да безъ гроша денегъ... безъ куска хлѣба... а что и честь, какъ печего есть... вышла бы замужъ за Семена Ильича, такъ одѣвалась бы не хуже генеральши... въ каретѣ бы разъѣзжала... пила бы шеколадъ, ѣла бы конфекты...

Софья. И не навидѣла бы мужа.

Кочкина. Полюбила бы... мало ли что вамъ кажется до замужства, вышла бы замужъ, заговорила бы другое.

Софья. Не думаю.

Кочкина. Погоди, дай сроку, сама будешь каяться... дѣвичья красота не прочна.

Софья. Я не измѣню своихъ мыслей: какъ думаю въ семнадцать лѣтъ, такъ буду думать и въ пятьдесятъ... характеръ мой не можетъ измѣниться... я вѣчно буду презирать и жадность и корыстолюбіе.

Кочкина. Наврядъ ли...

Софья. Я не мужчина, маменька... богатство для меня ничто... вода, кусокъ черстваго хлѣба и свобода располагать своими чувствами — вотъ все, что мнѣ нужно.

Кочкина. Да ужь ты не влюбилась ли, въ самомъ дѣлѣ?...

Софья, (*съ усиліемъ*). Да... я люблю...

Кочкина. Этого еще недоставало!... Въ кого же, сударыня, въ кого?... ужъ вѣрно въ какого нибудь офицерчика...

Софья. Ну, онъ хоть не военный... но почти военный... онъ служитъ въ Коммисаріатѣ... и теперь уѣхалъ въ армію... повезъ деньги... онъ, конечно не богатый человѣкъ... но дайте ему еще раза два съѣздить въ дальную командировку, посмотрите, какъ онъ поправитъ свое состояніе.

Кочкина. Боже мой! да ужь это не тотъ ли франтъ, что живетъ напротивъ

насъ... какъ бишь его... да, Стрѣлкинъ!.. я замѣчала не разъ, онъ что-то все сюда посматриваетъ... вѣчно у окна, какъ бѣльмо на глазу.

Софья, (*съ замѣшательствомъ*). Нѣтъ, маменька, это не онъ... (*въ сторону*). Сказать ей, бѣда!... она, пожалуй, заколотитъ и окно...

Кочкина. Полно такъ ли?... не лжешь ли?... онъ тоже комисаріатскій... наша лавочница разсказывала мнѣ, что онъ ѣздилъ куда-то и только что возвратился...

Софья, (*въ сторону, въ радости*). Викторъ возвратился!...

Кочкина. Но если этотъ хватъ тебя обморочилъ, такъ совѣтую выкинуть свою любовь изъ головы... онъ голь, какъ соколъ... тебѣ не видать его, какъ ушей своихъ... намъ не чѣмъ кормить нищихъ... (*Надѣвая очки и смотря на работу Софьи*). Займись-ка лучше работою.

Софья. Да я ужъ совсѣмъ дошила кофточку.

Кочкина. Сколько же еще у тебя остается?

Софья. Только лѣвъ, а десять готовы.

Кочкина. Такъ снеси ихъ... можетъ быть, отдадутъ деньги... а у насъ завтра не на что и хлѣба купить.

Софья, (*снимая передникъ*). Боже мой!... итти въ такую даль!...

Кочкина. А тебѣ бы все разъѣзжать... не хочешь выти за Семена Ильича, такъ изволь таскаться пѣшкомъ.

Софья. Да если я пойду, маменька... тогда, пожалуй, такъ устану, что не въ состояніи буду ѣхать и въ театръ.

Кочкина. Въ какой театръ?

Софья. Да какъ же, маменька, вѣдь у насъ есть ложа...

Кочкина. Ложа?... ты забыла, что билетъ у Семена Ильича... теперь ужъ мы не должны ни чѣмъ отъ него пользоваться... вотъ если бъ ты согласилась...

Софья. Ахъ, маменька, не напоминайте лучше мнѣ... (*Вдали наигрываютъ на скрипкѣ: «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой.»—Софья говоритъ въ сторону*). Онъ играетъ! играетъ!... ахъ!... нѣтъ... я ему не измѣню... (*Кочкиной.*) Я сейчасъ пойду, маменька... снесу работу.

Кочкина, (*въ сторону*). Пустить ее одну... пожалуй, этотъ головорѣзъ побѣжитъ за ней... (*вслухъ*). Нѣтъ, дай лучше, я сама снесу...

Софья. Какъ вамъ угодно. (*Отдаетъ бѣлье Кочкиной*).

Кочкина. Ноги мои хоть и слабы, да я вѣрно скорѣй тебя схожу...

Софья. Наймите извощика, маменька.

Кочкина. Было бы на что... еслибъ ты слушалась меня, такъ не пришлось бы мнѣ на старости лѣтъ таскаться пѣшкомъ... (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ V.

(Музыка все еще продолжается.)

Софья, (одна).

Боже мой, какъ она меня терзаетъ... я, конечно, очень дурно дѣлаю, что не слушаюсь ея совѣтовъ... еслибъ я не любила такъ Виктора... онъ все еще играетъ!.. Какъ бьется мое сердце... (*Подходитъ къ окну и отворяетъ его, музыки болѣе не слышно*). Онъ у окна... увидалъ меня... кланяется... здравствуйте, Викторъ Михайловичъ... кладетъ руку къ сердцу.. о, и я васъ люблю... люблю еще пламеннѣе, сильнѣе... что это? онъ спрятался, вѣрно увидалъ маменьку... (*Высовываясь за окно*). Такъ и есть... вотъ она, повернула за уголъ... Какая удобная минута!.. вотъ, онъ опять подошелъ къ окну... что это? надѣваетъ шляпу... показываетъ на меня... онъ хочетъ притти сюда... Боже мой, что мнѣ дѣлать?.. отъ чего жъ не позволить?... его никто не увидитъ... а мнѣ вѣдь надобно же поговорить съ нимъ... (*машетъ ему рукой*). Ну, хорошо, придите... я позволю...

Убѣжалъ... онъ придетъ сюда!.. придетъ сюда!.. Боже мой, сердце мое такъ и хочетъ выскочить.

(На мотивъ стариннаго гавота.)

Мнѣ это тайное свиданье,
Быть можетъ, слишкомъ повредитъ.
Но кто терпѣлъ въ любви страданья,
Тотъ мой поступокъ извинитъ.
Играть страстями не годится...
Въ примѣръ хоть маменьку бы взять:
Не дай ей кофею напиться,
День цѣлый будетъ тосковать.

А я все таки боюсь... (*Оглядывается и видитъ Стрѣлкина*). Ахъ, онъ ужь здѣсь!..

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Софья и Стрѣлкинъ.

Стрѣлкинъ. Софья Петровна!..

Софья, (*съ смущеніемъ*). Ахъ, Викторъ Михайловичъ!..

Стрѣлкинъ. Боже мой, какъ я счастливъ!..

Софья. Наконецъ вы возвратились!.. я ужь васъ ждала...

Стрѣлкинъ. Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я спѣшилъ сюда... маменька наша ушла?

Софья. Ушла.

Стрѣлкинъ. Далеко?

Софья. Очень далеко, на Пески... Ну, если кто видѣлъ, какъ вы сюда вошли?

Стрѣлкинъ. Никто не видалъ, клянусь честью, никто... я надѣлъ на глаза шляпу...

Софья. Ахъ, я все таки боюсь...

Стрѣлкинъ. О, вы вѣрно меня не любите?

Софья. Стыдитесь! да согласилась ли бы я принять васъ...

Стрѣлкинъ. Неужели вы меня любите! Я все еще не вѣрю!

Софья. Какъ вамъ не совѣстно... ужь когда я рѣшилась къ вамъ писать!..

Стрѣлкинъ. Но только эта отрада и остается у меня... это ужасно! безчеловѣчно!.. вотъ ужь четвертый мѣсяцъ, какъ сердце мое наполнено... какъ оно горитъ чувствами... какъ я васъ люблю... и только во второй разъ имѣю еще счастіе говорить съ вами... Да! четвертый уже мѣсяцъ, какъ судьба забросила меня на квартиру, прямо противъ вашихъ оконъ... на другой же день я увидѣлъ васъ, у вашего окна за работою... взглянулъ--и сердце мое забилось радостнымъ трепетомъ! Я сказалъ: вотъ она! и сердце сказало: да, вотъ она!... Я сказалъ: она должна быть моею! и сердце сказало: она должна быть твоею... Всякій день я сталъ смотрѣть на васъ и замѣтилъ, что вамъ не противны были мои огненные взгляды...

Софья. Всѣ сосѣди наши отзывались о насъ съ такой похвалою!

Стрѣлкинъ. Потомъ, я осмѣлился поклониться--и вы начали отвѣчать на мои поклоны...

Софья. Я удостовѣрилась въ вашей скромности, въ вашемъ постоянствѣ...

Стрѣлкинъ. Долго ломалъ я себѣ голову: какъ съ вами познакомиться?.. Явиться прямо къ вамъ не смѣлъ...

Софья. Да и маменька бы ужасно разсердилась.

Стрѣлкинъ. Но, вдругъ, случай доставилъ мнѣ счастіе быть съ вами на балу у палатскаго надсмотрщика... Этого вечера я никогда не забуду...

Софья. Это было въ четвергъ, 18 іюня... у меня записанъ этотъ день въ календарѣ.

Стрѣлкинъ. Ахъ, какъ было тогда весело! Я танцовалъ съ вами весь вечеръ, открылся въ любви, и получилъ дозволеніе писать къ вамъ... мы постоянно писали другъ къ другу двѣ недѣли, какъ вдругъ опять я долженъ былъ отправиться въ командировку...

Софья. Какъ мнѣ скучно было безъ васъ... я всякій день плакала...

Стрѣлкинъ. А я... я просто страдалъ...

(На голосъ: «На толь, чтобы печали.»)

По дорогѣ груды кочекъ,
А тележка безъ рессоръ...
То трезвонитъ колокольчикъ,
То ямщикъ горланитъ вздоръ.
Все померкло въ непогодѣ,
Занесло туманомъ даль,
И на сердцѣ и въ природѣ
Грусть, томленье и печаль!

Софья. Боже мой, какая печальная картина!

Стрѣлкинъ. Ужасная!

Софья. И какъ вы описываете! Какъ совершенный сочинитель.

Стрѣлкинъ. Помилуйте... Но я все перенесъ съ мужествомъ... наконецъ тяжкое время миновалось... я возвратился... и какое благополучіе... говорю съ вами, говорю глазъ на глазъ...

Софья. Можетъ быть, васъ опять скоро пошлютъ?..

Стрѣлкинъ. Не знаю... но какъ ни горько, а я желалъ бы еще поскорѣе съѣздить въ командировку... еще двѣ три поѣздки, и тогда счастіе наше устроено... я составлю капиталецъ, получу прибавку жаловавья...

Софья. Неужели?

Стрѣлкинъ. Ей Богу! дѣла мои поправляются понемножку... скоро уже я могу явиться къ вашей матушкѣ... положу предъ ней тысячу рублей на ваше приданое и скажу, что безъ васъ жить не могу... тогда ужъ я вѣрно получу ея согласіе...

Софья. О, вѣрно получите... только бы...

Стрѣлкинъ. Что?

Софья. Нѣтъ... я говорю, только бы скорѣе пришло это время... *(въ сторону)*. Я чуть не проговорилась о Семенѣ Ильичѣ... этого онъ не долженъ знать...

Стрѣлкинъ. Но, позвольте... не рекомендоваться ли мнѣ теперь вашей маменькѣ?..

Софья. Нѣтъ, нѣтъ... вы испортите все дѣло... какъ быть! потерпимте горе, надежда наша еще не потеряна... пройдетъ время, проглянетъ и для насъ красное солнышко...

Стрѣлкинъ. А если вы мнѣ измѣните?

Софья. О, никогда! ваша или ничья!

Стрѣлкинъ. Боюсь, вы влюбитесь въ кого нибудь другаго?

Софья. Какъ вамъ не совѣстно!

Стрѣлкинъ. Что дѣлать! эта мысль ни днемъ, ни ночью не даетъ мнѣ покоя... Но клянусь вамъ честью, Софья Петровна... если вы выдите замужъ за другаго, я въ ту же минуту убью себя!..

Софья. О, не говорите!

Стрѣлкинъ. Да-съ! застрѣлюсь, зарѣжусь, или утоплюсь... для меня все равно...

Кочкина, (за сценой). Ну такъ, двери растворены.

Софья. Боже мой! маменька! я пропала! уйдите скорѣе! *(Быстро запираетъ на замокъ среднюю дверь).*

Стрѣлкинъ. Помилуйте! куда жъ я пойду? вы запираете дверь.

Софья (шопотомъ). Не сюда, не сюда! Тутъ васъ увидитъ маменька.

Кочкина, (за сценой, стучась въ дверь). Софья, отвори!

Стрѣлкинъ (также шепотомъ). Боже мой! куда же?

Софья. Я сама не знаю!..

Стрѣлкинъ. Нельзя ли въ окно?

Кочкина, (стучась). Софья!

Софья. Нельзя! увидятъ сосѣди!.. Но изъ моей спальни... тамъ окно въ палисадникъ... и вы можете незамѣтно выйти на улицу.

Кочкина, (стучась). Софья! да отворишь ли ты?

Софья. Скорѣе! скорѣе!..

Стрѣлкинъ. Прощайте, мой ангелъ!

Софья. Ахъ, пожалуйста, ступайте... *(Стрѣлкинъ уходитъ въ дверь на лѣво.)*

Кочкина, (за сценой). Софья! Софья!

Софья, (отворяя дверь). Сейчасъ, маменька!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кочкина, Софья, потомъ Андрей.

Кочкина (*съ узелкомъ*). Что ты, никакъ съума сошла! ужь я стучала, стучала...

Софья. А я была въ спальнѣ, маменька...и только что теперь услышала...

Кочкина. И къ чему ты заперла эту дверь?

Софья. А за тѣмъ, маменька, что я никакъ не могла запереть двери въ сѣни... вѣрно испортился замокъ...

Кочкина (*подозрительно*). Вотъ что! постой, я посмотрю... но что жъ это, я слышала здѣсь шумъ...

Софья. А! это, вѣрно, маменька, котенокъ; какъ я вошла сюда, такъ онъ игралъ съ бумажкой.

Кочкина. Котенокъ?.. постой-ка... (*Идетъ къ дверцамъ алькова*).

Софья, (*загораживая ей дорогу*). Маменька!.. да что это какъ вы скоро возвратились?..

Кочкина. А тебѣ досадно?.. пусти, что ты мнѣ загораживаешь дорогу?

Софья, Я? нѣтъ... (*въ сторону*) Я пропала, если онъ тамъ!..

Кочкина, (*отворивъ дверь, и осматривая комнату*). И опять окно отворено!

Софья. Да, жарко, маменька! (*въ сторону*) Слава Богу! онъ ушелъ!

Кочкина. То-то! смотри у меня!

Софья. Что, маменька?

Кочкина. Такъ... да что ты, какъ будто, сама не своя?

Софья. Я, маменька, не хотѣла вамъ признаться... я немножко уснула...

Кочкина. Нашла время спать! лучше бы работала.

Софья. Да устала немножко... ну, что получили ли вы деньги?

Кочкина. Какія деньги! Я принесла всю работу назадъ... мнѣ встрѣтился лакей Семена Ильича... онъ везъ сюда кордовки съ подарками...

Софья. Что это значитъ? Развѣ Семенъ Ильичъ не получилъ моего письма?

Кочкина. Вѣрно еще не получилъ.... постой, я позову Андрюшу... (*въ среднюю дверь*). Андрюша! войди сюда!.. (*Входитъ лакей съ двумя кордовами*). Поставь сюда на столъ...

Софья (*тихо Кочкиной*). Что вы дѣлаете, маменька? Какъ можно намъ принимать подарки, когда я послала ему отказъ!

Кочкина (*Софьѣ*). Такъ неужели я стану разсказывать все лакею... можно будетъ и послѣ отослать... (*лакею*) Кланяйся, Андрюша, барину.... Что, молъ, въ исправности все получили!

Андрей. Слушаю, сударыня! (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

Софья. Да, маменька... надобно скорѣе все отослать... а то онъ подумаетъ... (*Отворяя одну картонку*). Ахъ, какая прекрасная матерія, маменька, посмотрите—прелесть! бѣлый атласъ! вѣрно для салопа!..

Кочкина. Не тронь!.. зачѣмъ ты открыла? это не наше!

Софья. Вотъ еще! неужели нельзя и посмотрѣть... я ничего не испорчу... Маменька! посмотрите! какія блонды!

Кочкина. Да, эти блонды не дешевы!

Софья. Что за вуаль! чудо!

Кочкина. Да, если-бъ его продать, такъ эти деньги прокормили бы насъ мѣсяца два!.. ужъ твоему коммисаріатскому и во снѣ не пригрезится подарить такой...

Софья, (*въ сторону*). Нужды нѣтъ! а все я останусь тебѣ вѣрна, мой безцѣнный Викторъ!

Кочкина (*открывая другую картонку*). Ахъ, какіе чепчики! какая шляпка! (*Вынимаетъ шляпку*).

Софья. Ахъ, какая красота!.. (*надѣвая шляпку*) Посмотрите, маменька, идетъ ли ко мнѣ?

Кочкина. Удивительно какъ къ лицу! посмотрись сама въ зеркало!

Софья, (*смотрясь въ зеркало*). Да, премиленькая шляпка!

Кочкина, (*роясь въ первой кардонкѣ*). Посмотри, посмотри, сколько перчатокъ, сколько башмаковъ! И какихъ ужъ тутъ нѣтъ: и розовые, и бѣлые, и голубые.

Софья. Маменька! а посмотрите какіе кружева.

Кочкина. Чудо! помнишь, ты обшивала кофточки для купчихи Кармановой... Куда тѣмъ—гораздо были хуже!

Софья. Въ тысячу разъ хуже!

Кочкина. И отказываться отъ такого жениха! Боже мой! какъ бы ты была съ нимъ счастлива!

Софья. Какъ будто въ нарядахъ и счастье!

Кочкина. Еще бы нѣтъ!.. А теперь все это пойдетъ къ другой!

Софья. Къ другой?

Кочкина. Конечно къ другой; у Семена Ильича за невѣстами дѣла не станетъ...говорятъ, свахи не даютъ ему покоя... а тебя онъ самъ выбралъ, самъ сталъ свататъ! Вѣдь это какая честь... а кабы ты надѣла всѣ эти наряды да вышла на улицу... Боже мой! да наши сосѣдки съ ума бы сошли отъ зависти.

Софья. О, у насъ презавистливыя сосѣдки!

Кочкина. А ужъ особливо дочки нашего хозяина.

Софья. Да, онѣ бы съ досады обкусали всѣ губы!

Кочкина. Ты, только что на улицу, и всѣ окошки настежь; осмотрятъ тебя съ головы до ногъ! А ты идешь себѣ подъ ручку съ мужемъ, да и знать никого не хочешь: не васъ, молъ, выбралъ, а меня!

Софья (*въ сторону*). Ахъ, если бъ это все принадлежало Виктору!.. Но у него ничего нѣтъ!.. (*Вынимая изъ кардона ящичекъ*). Маменька, серги! бриліантовыя серги!

Кочкина. И что за крупные камни! вѣдь это ужъ просто капиталъ!

Софья, (*въ сторону*). А теперь у меня нѣтъ и золотыхъ сережекъ!.. (*вслухъ*) Надѣньте-ка мнѣ, маменька. (*Кочкина пристегиваетъ ей серги*). Покрѣпче застегните...

Кочкина. Экіе бриліанты, подумаешь! вѣдь это тысячами пахнетъ... а теперь отъ твоего непослушанія, я должна на старости лѣтъ мучиться, биться изъ копѣйки!

Софья (*въ сторону*). Бѣдная маменька!.. какъ мнѣ ея жаль... а Викторъ!.. ахъ!.. (*взглянувъ въ кардонку*). Что въ этой бумагѣ? (*развертываетъ*). Шаль! Маменька! вѣдь это турецкая шаль!

Кочкина. Турецкая! настоящая турецкая! Постой, сложимъ-ка! (*складываютъ шаль и Софья ее надѣваетъ*). Вотъ такъ! нѣтъ, постой, я пообдерну... теперь ровно! взглянись-ка теперь въ зеркало! да ты, теперь, настоящая барыня! Графиня да и только!

Софья. Ахъ, какая шаль! прелесть! я всегда завидовала, у кого видала шали, а такой я еще и не видывала!..

Кочкина. Да! а теперь у тебя нѣтъ и порядочнаго шолковаго платочка!

Софья. Что дѣлать!..

Кочкина. Что дѣлать!.. пошла бы за Семена Ильича, такъ все бы у тебя было... и мать бы успокоила на старости.

Софья, (*въ сторону*). Да, я жестоко съ ней поступаю!.. я много грѣшу... а Викторъ!.. ахъ!.. (*Вслухъ*). Ну, маменька, пора и спать!..

Кочкина. Постой! пройдись-ка по комнатѣ!.. (*Софья прохаживается*). Точно пава! такъ сердце и радуется!.. ну, повернись-ка ко мнѣ... чудо!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, **Бураковъ**, который войдя за минуту предъ симъ, разсматриваетъ Софью.

Бураковъ. Помилуйте! не чудо, маменька, Марья Андреевна, а истинная, вылитая красота!

Софья. Боже мой! Семенъ Ильичъ!

Бураковъ. Мое нижайшее почтеніе, маменька... *(Подходитъ къ рукѣ Кочкиной).*

Кочкина. Здравствуйте, Семенъ Ильичъ! А мы и не видали, какъ вы вошли...

Бураковъ. Помилуйте, прямо въ дверь! Софья Петровна... позвольте и вашу безцѣнную ручку!... *(Цѣлуетъ руку у Софьи.)* Помилуйте, какъ къ вамъ все это идетъ... да не снимайте-съ... позвольте полюбоваться...

Софья, (снимая наряды и укладывая въ кардоны.) О, нѣтъ... мнѣ, право, такъ совѣстно!

Бураковъ. Помилуйте! что за совѣсть! помилуйте.... все это вамъ принадлежитъ.... Покорнѣйше прошу принять....

Софья. Я, право, не знаю...

Бураковъ. Помилуйте, помилуйте... что тутъ церемониться.... покорнѣйше прошу...

Софья (Кочкиной). Чтожъ это, маменька... неужли онъ еще не получилъ моего письма?

Кочкина (Софьѣ). А вотъ я спрошу... *(Буракову).* Скажите, Семенъ Ильичъ, вы давно изъ дома?

Бураковъ. Да съ 8-ми часовъ утра, маменька, все разъѣзжаю... хлопотъ бездна... помилуйте!... И свадебныя дѣла, да и денежныя какъ нарочно тутъ навязались.

Софья (Кочкиной). Такъ онъ еще не получилъ?..

Кочкина (Софьѣ). Все равно... надобно его предупредить...

Бураковъ.

(На мотивы стариннаго экосеза и вальса.)
Да-съ, Марья Андревна,
Желалъ бы душевно
У васъ я сегодня пораньше быть,
Да мнѣ, на досаду,
Пришлось по подряду
Сто двадцать пять тысячъ съказны получить.
(Рѣчи во время ретурнеля.)

Кочкина. Сто двадцать пять тысячъ! Господи! сколько денегъ! Слышишь, Софья!

Софья. Я не глуха, маменька...

Бураковъ, (на ту же музыку.)
Взять деньги не чудо!
Однакожъ, оттуда,
Мнѣ нужно ихъ было въ ломбардъ отвезти,
Тамъ взять два билета,
И кончивши это,
По свадьбѣ въ порядокъ дѣла привести!
(Рѣчи во время ретурнеля.)

Софья. По свадьбѣ! *(Кочкиной, тихо.)* Боже мой, маменька, чтожъ вы не скажете?

Кочкина (Софьѣ). Погоди.

Бураковъ, (на ту же музыку.)
Вы, Софья Петровна,
Дивитеся словно,
А, право, дивиться тутъ нечего вамъ:
Ужъ мнѣ надоѣло
Откладывать дѣло!
Пора, ужъ, ей-Богу, скорѣй по рукамъ!
(Рѣчи во время ретурнеля.)

Софья (Кочкиной, тихо). Маменька, слышите? Да скажите ему скорѣе!

Кочкина, (Софьѣ). Воля твоя, не достаетъ духу!

Бураковъ, (на ту же музыку.)
Квартира готова,
Отдѣлана снова,
А мебели нѣмецъ работалъ для насъ...
Купилъ экипажи,
Лошадокъ и даже
Вамъ, Софья Петровна, корову припасъ!
(Рѣчи во время ретурнеля.)

Кочкина. И корову припасъ! скажите пожалуйста!

Бураковъ. Помилуйте, холмогорскую!... Да что—корова!..

(На ту же музыку.)
Мигни мнѣ разочикъ
Вотъ этотъ глазочикъ,
Что хочетъ, все мигомъ исполнить готовъ!
По первому слову,
Не только корову,
Куплю имъ, пожалуй, хоть стадо коровъ!

Кочкин а. Прошу покорно! этакой хозяинъ! ну что можетъ быть пріятнѣе своей коровы... особенно холмогорской... всегда свѣжія сливки для кофея.

Софья, (дер гая Кочкину). Маменька!

Бур аковъ. Да ужъ помилуйте! Я для Софьи Петровны готовъ растранжирить все состояніе, не только корову купить... Лишь бы только быть имъ по сердцу...

Кочкина (Софьѣ). Слышишь?

Софья (Кочкиной). Да, слышу, маменька...

Бураковъ. А ужъ что принадлежитъ до нарядовъ, такъ вы ни о чемъ не извольте безпокоиться, Софья Петровна... Помилуйте, все приготовлено: и капоты и салопы и платья, все до ниточки, только покорнѣйше прошу принять... много обяжете! И все это уложено такъ, знаете, аккуратно въ комодахъ... сама мадамъ укладывала...

Кочкин а (Софьѣ). Слышишь, Софья? Ну что послѣ этого намъ съ нимъ дѣлать?

Софья (Кочкиной). Ахъ, маменька, я сама не знаю!

Бураковъ. Но это все необходимое... это я обязавъ былъ сдѣлать... помилуйте! Ужъ если женюсь, такъ у меня жена ни въ чемъ не должна нуждаться... только заикнись—все предъ ней явится!...

Кочкин а (Софьѣ). Слышишь, Софья?

Бураковъ. Но вотъ еще вещица.... покорнѣйше прошу принять, дорогая невѣста... въ пять тысячъ фермуаръ! (*Подаетъ Софьѣ ящичекъ*).

Кочкина. Фермуаръ! въ пять тысячъ!

Бураковъ. Помилуйте! намъ это ничего!

Софья, (открывъ ящичекъ). Ахъ, маманька! взгляните, что за прелесть! что за бриліанты! такъ и горятъ!

Бураковъ. А вотъ и для маменьки подарочекъ. (*Отдаетъ Кочкиной футляръ съ очками*).

Кочкин а. И мнѣ!.. (*вынувъ очки*). Золотыя очки! (*Софьѣ.*) Нѣтъ, Софья!.. отказывай ему сама... а у меня языкъ не ворочается.

Бураковъ. А это вамъ на булавки, Софья Петровна... (*Хочетъ отдать ломбардный билетъ*).

Софья. Что это?

Кочкин а. Ломбардный билетъ?...

Бур аковъ. Въ небольшую сумму... помилуйте! всего-то въ десять тысячъ!

Кочкин а. Въ десять тысячъ!... батюшка, Семевъ Ильичъ!

Софья. Но я...

Бур аковъ. Помилуйте... что церемониться! будете моей женой, все будетъ у насъ общее... ну, да я вижу, вы совѣститесь, Софья Петровна, такъ припрячьте хоть вы, маменька... (*Отдаетъ билетъ Кочкиной*).

Кочкин а, (Софьѣ). Что мы станемъ говорить послѣ этого? посмотри, что онъ для насъ дѣлаетъ!

Софья (Кочкиной). Правда, маменька, онъ очень добрый человѣкъ...

Бураковъ, (п од ойдмежду тѣмъ къ окну). Но чтожъ это не ѣдутъ? покорнѣйше прошу какъ долго! (*смотря въ окно*). А! пріѣхали! пріѣхали! взгляните-ка, Софья Петровна!

Софья, (подойдя къ окну). Что это! карета! Маменька, карета! ахъ, какая карета!

Бураковъ. Помилуйте, какъ же иначе!... Это для васъ, Софья Петровна!

Кочкина, (п дойдя къ окну). Для Софьи! карета!... скажите пожалуйста!.. Не даромъ же ты видѣла сегодня во снѣ карету!

Бураковъ. Скажите пожалуйста! такъ Софья Петровна видѣла во снѣ карету!

Кочкин а. Да-съ! и будто въ каретѣ-то сидѣли вы Семенъ Ильичъ!

Бураковъ. Что вы говорите? покорнѣйше прошу! и ужь не Софьей ли Петровной сидѣлъ?

Кочкина. Да, съ Софьей!

Софья, (тихо Кочкиной). Маменька, что вы? я вамъ этого совсѣмъ не говорила...

Кочкина, (*тихо*). Молчи, ради Бога! видишь какъ это ему пріятно! (*вслухъ, смотря въ окно*). Ахъ, Софья, посмотри, какъ всѣ высунулись въ окна! Этакъ ихъ озадачила эта карета...

Бураковъ. Пусть ихъ любуются, маменька... помилуйте, намъ же пріятнѣе... а позвольте-ка вамъ сказать словечко... (*Отводитъ Кочкину на другую сторону*). Что жъ, Софья Петровна, согласна-ли?... (*Разговариваютъ тихо*).

Софья, (*особо у окна*). А Виктора нѣтъ у окна... куда же онъ дѣлся?... бѣдняжка!.. конечно, я его буду вѣкъ любить... но Богъ знаетъ, когда еще выйду за него замужъ?.. Если онъ всегда будетъ такъ бѣденъ, маменька ни за что не согласится.

Кочкина (*Буракову*). Да вотъ позвольте... она сама вамъ скажетъ... (*подходитъ къ Софьѣ, между тѣмъ какъ Бураковъ остается на другой сторонѣ*). Ну, что жъ ты скажешь, Софья?... Онъ проситъ твоего отвѣта; не ужели ты ему откажешь?...

Софья. Ахъ, маменька! чего вы отъ меня требуете?

Кочкина. Неужели все это добро должно итти въ чужія руки?

Софья. Ахъ, маменька!... это ужасно!...

Кочкина. Такой отличный человѣкъ!.. Ты будешь съ нимъ совершенно счастлива... а я-то ужь какъ буду счастлива!.. неужели ты захочешь меня огорчить?

Софья. Маменька!

Кочкина. Отказъ твой можетъ меня убить!

Софья. Не говорите, маменька!.. (*Съ усиліемъ*). Я... я согласна!...

Кочкина. Неужели! вотъ ужь добрая, вотъ послушная дочь; примѣръ для всѣхъ дѣвицъ!

Софья. Это я дѣлаю только для васъ... для васъ одпѣхъ, маменька!.. (*въ сторону*.) О, какъ я несчастна!

Кочкина, (*Буракову*). Она давно согласна, Семенъ Ильичъ, только стыдно ей было сказать... ну, знаете, дѣло дѣвичье!...

Бураковъ. Помилуйте, знаю, маменька, знаю. Такъ вы согласны, Софья Петровна, быть моей женой?...

Софья. Я ужь сказала маменькѣ...

Бураковъ. Помилуйте! желаю слышать изъ вашихъ устъ!

Софья. Да, я согласна! вотъ вамъ моя рука!... (*Подаетъ ему руку, въ сторону*.) О, Викторъ!

Бураковъ. Много благодаренъ! счастливъ, необыкновенно счастливъ.... но теперь еще покорнѣйшая просьба къ вамъ. У меня вздумано—сдѣлано!... помилуйте, чѣмъ откладывать дѣло въ долгій ящикъ... я весьма бы желалъ обвѣнчаться рѣшительно сегодня...

Софья. Какъ, сегодня?

Бураковъ. Да-съ! помилуйте! вѣдь у меня все готово! сядемъ въ карету да и маршъ... подъ вѣнецъ... послѣ ко мнѣ, пообѣдаемъ... а вечеромъ въ театръ... гостей никого не будетъ, кромѣ двухъ свидѣтелей... оба искренніе мои пріятели... помилуйте, къ чему намъ гости... сдѣлаемъ балъ послѣ...

Кочкина. Правда, правда!... чтожъ ты скажешь, Софья.

Софья (*въ сторону*.) Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... ужь терпѣть горе за одинъ разъ... (*вслухъ*.) Какъ вамъ угодно... я на все согласна!

Бураковъ. Такъ дѣло кончено.... Позвольте же мнѣ на минутку васъ оставить... только съѣздить къ моимъ свидѣтелямъ... Ивану Иванычу Сѣдакову, да къ Михайлѣ Михайлычу Кубышкину... они живутъ недалеко... и меня ждутъ... а васъ бы, маменька, я покорнѣйше просилъ съѣздить за подвѣнечнымъ платьемъ... возьмите карету...

Кочкина. Хорошо, батюшка, Семенъ Ильичъ... да готово ли?

Бураковъ. Помилуйте, все готово! я

ужъ былъ у мадамы... и деньги заплатилъ... только стоитъ взять...

Кочкина. А гдѣ жъ это?

Бураковъ. Помилуйте, близехонько.... вотъ адресъ!... Пойдемте же, я посажу васъ въ карету... До свиданья, Софья Петровна!

Кочкина (про себя.) Я поѣду въ каретѣ! Боже мой! ногъ подъ собой не чувствую!... думала ли я когда нибудь ѣздить въ каретахъ!... (*Софьѣ.*) Прощай, мой дружочикъ!... моя умница!... я сейчасъ вернусь!... а между тѣмъ ты бы причесала себѣ головку.

Бураковъ. Помилуйте! парикмахера пришлю, француза! ужъ я подрядилъ! Ну-съ, ѣдемте! (*Уходитъ съ Кочкиной въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Софья, потомъ Александра.

Софья. Все кончено!... я должна разстаться съ Викторомъ, разстаться на вѣкъ!... Боже мой, Боже мой! что со мною будетъ?... какъ я несчастна!... какъ мнѣ грустно!... (*плачетъ*).

(На голосъ: «Мой другъ, хранитель ангелъ мой.»)

Все не по мнѣ, все надоѣло!...
(Смотря въ окно.)
И Виктора нѣтъ у окна...
Вотъ, маменька въ карету сѣла...
Я позабыть его должна!
(Отходя отъ окна.)
Несчастнѣй нѣтъ меня на свѣтѣ!
За что судьба ко мнѣ такъ зла?
Къ чему мнѣ всѣ наряды эти?
(Разсматривая наряды.)
А шляпка чудо какъ мила!

Александра, (*входя въ среднюю дверь.*) Софочка!

Софья. Сашечка, дружокъ!

Александра. Что это значитъ? маменька твоя поѣхала въ каретѣ... ее посадилъ какой-то толстый мужчина!...

Софья, (*бросаясь къ ней на шею, со слезами.*) Ахъ, Сашечка! я очень несчастна!

Александра. Боже мой! что съ тобою?

Софья. Все кончено! я выхожу за мужъ!

Александра. Какъ! неужели за этого....

Софья. Да, мой дружокъ!

Александра. Боже мой! да онъ не хорошъ... такой мѣшокъ... неужели ты рѣшилась?

Софья. И ты еще спрашиваешь!... Меня заставляютъ насильно!. .

Александра. Но, ужь это—просто тиранство!

Софья. Именно, тиранство, Сашечка...

Александра. Но ты бы не соглашалась...

Софья. Все я дѣлала, мой дружочикъ... маменька и слышать не хочетъ.... она говоритъ, что я убью ее, если не выйду за этого несноснаго Буракова!...

Александра. Ужъ точно, несносный!... мѣшокъ, чурбанъ! надоѣлъ!... Боже мой! Какъ мнѣ тебя жаль... (*смотря на кардоны.*) А это что?

Софья. Ахъ, это, душечка, его подарки..

Александра. Подарки? позволь посмотрѣть... (*Смотря на наряды.*) Ахъ, какая прелесть! ахъ, какая шляпка!... (*Схватываетъ шляпку и надѣваетъ ее предъ зеркаломъ.*) Бѣдняжка!... Чудо что за шляпка!... Я думаю, не дешево стоитъ...

Софья, (*со слезами.*) Да! это изъ лучшаго магазина, съ Невскаго проспекта!...

Александра. Это и видно; не хочется даже снять!... (*Снимаетъ шляпку и кладетъ въ кардонъ.*) Да нельзя ли еще поправить какъ нибудь этого дѣла... подумаемъ вмѣстѣ...

Софья. Невозможно, Сашечка!...

Александра. Бѣдняжка!... (*смотря въ кардонъ.*) А тутъ еще что?...

Софья, (*всхлипывая.*) Тьма всякой всячины... и шали и матеріи и бриліанты...

Александра. И бриліанты? Ахъ, покажи!

Софья, (*отдавая ей футляръ съ фермуаромъ.*) Вотъ посмотри, фермуаръ...

Александра. Прелесть, прелесть, и прелесть!... ну, перестань, не плачь!... защеголяешь же ты, Софочка... (*Кладетъ футляръ на столъ.*)

Софья. Что мнѣ въ нарядахъ!... Ахъ, Сашечка... у меня есть къ тебѣ просьба...

Александра. Какая? говори... я для тебя готова на все!

Софья. Возьми къ себѣ мои письма... знаешь, отъ него...

Александра. О, съ большимъ удовольствіемъ...

Софья, (*подойдя къ комоду и вынимая письма.*) Я боюсь, чтобъ они не попались въ руки моего жениха... (*Отдаетъ ей письма.*) А по временамъ, я буду пріѣзжать къ тебѣ и читать...

Александра, (*взявъ письма.*) Ты будешь ѣздить въ каретѣ?

Софья. Да... (*Со вздохомъ*). Онъ мнѣ подарилъ карету... я буду ее присылать за тобой...

Александра. Ахъ, я ужасно люблю ѣздить въ каретахъ... посмотрите-ка, сколько у нея писемъ...

Софья. И вѣдь это написано съ небольшимъ въ мѣсяцъ.

Александра. Скажите! Разъ, два три... (*пересчитываетъ.*)

Софья. Всего двадвать два письма.

Александра. Двадцать два письма въ мѣсяцъ! Видно онъ тебя очень любитъ!

Софья. Ахъ, до изступленія!... да тутъ еще моихъ черновыхъ двадцать писемъ... пусть и они у тебя хранятся...

Александра. О, да и ты не скупа!... Боже мой, какъ мнѣ его жаль!... бѣдняжка! что съ нимъ будетъ, когда онъ узнаетъ?

Софья. Ахъ, не говори! я съ ума сойду!

Александра, (*разсматривая письма.*) Но чтожъ онъ тебѣ писалъ?... любопытно было бы прочесть... позволь хоть одно.

Софья. Пожалуй, читай... отъ тебя нѣтъ секретовъ!...

Александра, (*развернувъ одно письмо и читая*). «Милый мой ангелъ, несравненная моя Софья Петровна!... вы не повѣрите, какъ услаждаетъ мое бренное бытіе ваша неземная любовь!...» Какъ онъ краснорѣчиво, какъ пламенно пишетъ!...

Софья. О, вѣдь онъ сочинитель... нѣтъ, посмотри конецъ...

Александра, (*перевертывая письмо.*) «Будьте счастливы на земли, какъ были счастливы въ раю наши праотцы до грѣхопаденія...» Очень мило!... «не забывайте лишь того, кто, посвящая вамъ всю свою жизнь, желаетъ одного блаженства обладать вами!... вашъ на вѣки Викторъ Стрѣлкинъ!...» Боже мой!

Софья. Что съ тобой?

Александра. Его зовутъ Викторъ Стрѣлкинъ?...

Софья. Да...

Александра, (*въ сторону.*) Это мой!

Софья. Теперь ужъ отъ тебя нечего скрываться... письма въ твоихъ рукахъ... да... это твой сосѣдъ, Сашечка!... ты его вѣрно, знаешь?..

Александра Да... я видала его...

Софья. Неправда ли, какъ онъ хорошъ?

Александра. Такъ... не дуренъ!

Софья. Помилуй! это, просто, прелесть, а что за душа!

Александра. Ну... знаешь, о немъ не очень-то хорошая идетъ молва!

Софья. Что ты говоришь?

Александра. Право! говорятъ, такой вѣтренникъ!... (*въ сторону.*) Я не лгу... онъ вотъ ей пишетъ письма... а самъ такъ и ищетъ случая какъ бы увидать меня...

Софья. Кто бы это думалъ!

Александра. Да, поди вотъ, узнай человѣка! нынче молодежъ стала пренепостоянная!... одну дѣвушку имъ трудно любить... а по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ разомъ!

Софья. Что ты говоришь?

Александра. Да!

(На голосъ: Мужчины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ.)

Иная ихъ умомъ плѣняетъ,
У этой глазки хороши,
Въ той цвѣтъ лица ихъ восхищаетъ,
А въ этой доброта души!
Но это впрочемъ на досугѣ,
Не тѣмъ плѣняетъ ихъ жена:
Душа и красота супруги
Въ чужихъ душахъ заключена!

Софья. Боже мой! давича ты не то говорила!...

Александра. Да, давича... съ тѣхъ поръ ужъ я испытала непостоянство этихъ ужасныхъ людей!

Софья. Боже мой! не измѣнилъ ли тебѣ твой... какъ его зовутъ?...

Александра. Развѣ ты не знаешь... (*въ сторону*). Чуть не проговорилась... (*Вслухъ*). Но что тебѣ за нужда знать его имя... онъ неблагодарный, злой, вѣтренный человѣкъ!...

Софья. Бѣдная Сашечка!

Александра. Совѣтую тебѣ... ступай за своего Буракова... право, ты будешь съ нимъ счастливѣе...

Софья. Право, я тебя не понимаю.

Александра. Онъ тебя больше будетъ любить, чѣмъ твой Викторъ...

Софья. Такъ ты противъ него... но какія же доказательства имѣешь ты о его непостоянствѣ...

Александра. Не спрашивай меня!... довольно того, что онъ много тебя обманывалъ...

Софья. Боже мой! почему же ты его знаешь?

Александра. Потому что... тс... кто-то идетъ!

Софья. Спрячь письма!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣже, Бураковъ.

Бураковъ, (*входя въ среднюю дверь.*) Вотъ и я! не правда ли, скоро вернулся?

Софья. Да, очень скоро...

Бураковъ. Помилуйте! Какъ же и не спѣшить! такое пріятное дѣло! А маменька, неужели еще не возвратилась?

Софья. Нѣтъ еще...

Бураковъ. Покорнѣйше прошу! нѣтъ у меня такъ все ужъ обдѣлано... все готово!.. (*Смотря на Александру, Софью.*) А это, позвольте спросить, что за барышня?

Софья. Это моя пріятельница, Семенъ Ильичъ... мой лучшій другъ...

Бураковъ. Вотъ-съ!... позвольте же рекомендоваться... (*Подходитъ къ рукѣ Александры.*) Ужъ вамъ вѣрно Софья Петровна докладывала, что я имѣю честь быть ихъ женихомъ...

Александра. Какъ же! и такъ много васъ хвалила!

Софья, (*дергая Александру.*) Сашечка! что ты!

Бураковъ. Помилуйте, неужели?... это до чрезвычайности пріятно... а вы, вѣрно, не откажетесь присутствовать на бракосочетаніи вашей пріятельницы?

Александра. Если позволите... и если Софочка этого желаетъ...

Бураковъ. Помилуйте! весьма пріятно! вѣрно и Софья Петровна очень рада...

Софья. О, конечно... и ты еще спрашиваешь, мой дружокъ!...

Александра. Такъ я отпрошусь у маменьки...

Софья. Отпросись, да приди сюда скорѣе... ты меня одѣнешь...

Бураковъ. Вотъ-съ, и прекрасно! а парикмахеръ сію минуту будетъ...

Александра. До свиданія же, Софочка!... я сію минуту прибѣгу... (*въ сторону*). Отплачу же я этому Виктору!...

этакой вѣтренникъ!... (*Убѣгаетъ въ среднюю дверь*).

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Софья, Бураковъ и Андрей, (съ письмомъ.)

Бураковъ (*Андрею*). Ты что?

Андрей. Къ вамъ принесли на домъ какое-то нужное письмо...

Софья (*про себя.*) Боже мой! не мое ли?

Бураковъ. Кто принесъ?

Андрей. Дворникъ-съ! здѣшній дворникъ!

Бураковъ, (*взявъ письмо*). Здѣшній?

Софья, (*поспѣшно*). Ахъ, отдайте мнѣ это письмо...

Бураковъ. За чѣмъ?

Софья. Такъ... не читайте его!...

Бураковъ. Ба, ба, ба! да это не отъ васъ ли?... такъ и есть, ваша рука!... Нѣтъ ужъ, помилуйте.... позвольте прочесть....

Софья (*въ сторону*). Боже мой! что мнѣ дѣлать?...

Бураковъ (*Андрею*). Ну, ступай домой!... Смотрите, будьте у меня въ порядкѣ... да! постой! поди сюда... смотри, вотъ это твоя барыня... проси ручку... (*Андрей кланяется.*)

Софья. Но зачѣмъ...

Бураковъ. Помилуте, какъ же.... Проси, дуракъ!...

Андрей. Позвольте, сударыня...

Бураковъ. Софья Петровна!

Андрей. Позвольте, сударыня Софья Петровна! (*Софья даетъ ему руку, онъ ее цѣлуетъ.*)

Бураковъ. Ну теперь ступай! (*Андрей уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

Бураковъ, Софья, потомъ Кочкина.

Бураковъ. Такъ-то-съ! теперь позвольте ужъ прочесть! Вѣдь, помилуйте, такое пріятное письмо...

Софья. Послѣ, послѣ, Семенъ Ильичъ!...

Бураковъ. Нѣтъ, ужъ воля ваша... покорнѣйше прошу извинить... помилуйте... Нетерпѣніе, желаніе...

Софья. Сдѣлайте одолженіе, не читайте... вы заставите меня краснѣть...

Бураковъ. Тѣмъ лучше.... помилуйте, весьма пріятно... ну, да хорошо-съ, я не стану на васъ смотрѣть... (*Распечатываетъ письмо*).

Софья, (*съ крикомъ*). Семенъ Ильичъ!...

Кочкина, (*вбѣгая въ среднюю дверь, съ узломъ*). Семенъ Ильичъ!... Боже мой! Боже мой! какое происшествіе!...

Бураковъ. Что такое? что такое?

Кочкина. Сейчасъ... я только что вышла изъ кареты... уфъ!... вотъ платье, Софья... (*Отдаетъ узелокъ*).

Бураковъ. Ну-съ?..

Кочкина. Только что вышла... гляжу, тьма народу напротивъ нашего дома... спрашиваю: что такое? Чтожъ узнаю... противъ насъ живетъ какой-то комиссіатскій...

Софья, (*въ сторону.*) Боже мой! это Викторъ!

Бураковъ. Ну-съ?

Кочкина. Говорятъ, вотъ ужъ полчаса стучатся въ его комнату и нѣтъ никакого отвѣта...

Софья. Боже мой!

Кочкина. А изъ щелей такъ, говорятъ, и несетъ пороховымъ запахомъ!

Бураковъ. Ужъ не застрѣлился ли?

Софья. Несчастный!

Бураковъ. Покорнѣйше прошу! позвольте! нельзя ли еще ему помочь!...

Кочкина. Пойдемте, пойдемте, Семенъ Ильичъ... авось мы поможемъ...

Бураковъ. Помилуйте! съ большимъ

удовольствіемъ!... помогать несчастнымъ — нашъ долгъ....

Софья. Ахъ, скорѣе!...

Бураковъ. Бѣгу, бѣгу!... вы не безпокойтесь, Софья Петровна... я въ минуту вернусь... главное, надо послать за докторомъ....

Кочкина. И за слесаремъ!... *(Уходитъ съ Бураковымъ въ среднюю дверь.)*

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Софья, потомъ Стрѣлкинъ.

(Въ продолженіи этого явленія до конца музыка: «Среди долины ровныя.»)

Софья, (*падая на стулъ*). Боже мой! я совсѣмъ теряю силы!... Несчастный Викторъ! неужели онъ убилъ себя?... и этому я причиною... онъ вѣрно узналъ о моей свадьбѣ и не могъ перенесть этого несчастія... *(Въ другой комнатѣ слышенъ стукъ упавшаго цвѣтника).* Что это? Кто тамъ въ комнатѣ?..

Стрѣлкинъ, (*высовываясь изъ боковой двери*). Софья Петровна!

Софья. Боже мой! чей голосъ...

Стрѣлкинъ. Это я!..

Софья, (оглянувшись.) Вы живы!... *(Слышны за сценой голоса Кочкиной и Буракова).* Не входите, не входите!... *(Быстро подбѣгаетъ къ двери на право, запираетъ ее и въ изнеможеніи падаетъ въ кресла).* Боже мой!.. мнѣ дурно! мнѣ дурно!..

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СТАРОСТЬ.

Комната довольно хорошо убранная. Дверь въ глубинѣ театра и двѣ по бокамъ. Надъ дверью съ правой стороны, небольшое круглое окно; впереди, на лѣво, столъ; на немъ бумага, чернила и перья; съ лѣвой же стороны, окно; у задней стѣны, пульпитръ съ нотами и на немъ скрыпка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бураковъ, Илья Семеновичъ, Лунская.

Бураковъ сидитъ у стола съ газетами въ рукахъ. Съ одной стороны, возлѣ него, шьетъ Лунская, съ другой Илья Семенычъ куритъ трубку.

Бураковъ (*Ильѣ*). Да брось, сдѣлай милость, эту проклятую трубку... помилуйте, маменька придетъ, опять подниметъ шумъ... ты вѣдь знаешь, какъ она не любитъ этого зелья?

Илья Семенычъ. Сейчасъ докурю, батюшка!

Бураковъ. И что вкусу нашелъ! помилуйте! словно конфекты какіе! да отвори хоть окно! пусть пройдетъ запахъ... помилуйте! сами никогда не догадаются....

Илья Семенычъ, (*отворяя окно*). Ну, и не буду курить!

Бураковъ. Не въ томъ дѣло, братецъ... ужъ кури, кури... только бы Софья Петровна не увидала!... А что, не пришла еще Софья Петровна?

Лунская. Нѣтъ еще.

Бураковъ. Да куда она пошла?

Лунская. Она сказала, что ей нужно видѣть Лаврентья

Бураковъ. Помилуйте! такъ она опять пошла къ этому ханжѣ?

Илья Семенычъ. Ужъ точно ханжа! выказываетъ себя такимъ смиренькимъ, такимъ добродѣтельнымъ, святошей,—

что матушка души въ немъ не слышитъ... а я слышалъ, что онъ, просто, лицемѣръ....

Бураковъ. Молчи, не смѣй такъ говорить! Если услышитъ маменька... смотри!...

Илья Семенычъ. Но, батюшка... вы сами его терпѣть не можете!...

Бураковъ. Помилуйте! да тебѣ-то какая нужда! если онъ нравится маминькѣ, такъ и тебѣ долженъ нравиться...

Лунская. Конечно, при Софьѣ Петровнѣ нельзя говорить о немъ дурно... но предъ вами нечего скрываться... Признаюсь, Семенъ Ильичъ, и я терпѣть его не могу!...

Бураковъ. Анюта! перестань!

Лунская. Да и что въ немъ хорошаго?

Бураковъ. Конечно, ровно ничего!

Илья Семенычъ. Только что дѣлаетъ вамъ непріятности!...

Бураковъ. Да еще какія! помилуйте... по его милости, я долженъ теперь по средамъ и пятницамъ поститься!... Какой у насъ сегодня день?

Илья Семенычъ. Воскресенье.

Бураковъ. Слава Богу!... сегодня быть можетъ пригласитъ его Софья Петровна къ обѣду.

Илья Семенычъ. Удивительно весело!

Бураковъ. Весело не весело, за то мы хорошо поѣдимъ: у насъ тогда только и столъ хорошъ, когда обѣдаетъ Лаврентій Петровичъ... а въ другіе дни я всегда выхожу голоднымъ изъ-за стола... и все по его же милости... помилуйте! натолковалъ Софьѣ Петровнѣ о какомъ-то воздержаніи.... ужъ эти мнѣ ханжи!

(Новая музыка.)

Совѣтъ такихъ людей бѣда!
Они къ посту насъ пріучаютъ,
А сами за столомъ всегда
За трехъ, злодѣи, уплетаютъ!
О воздержаніи твердятъ,
Мораль преподаютъ народу,
Всѣмъ воду пить одну велятъ,
А сами пьютъ вино какъ воду!...

Илья Семенычъ. Но я васъ не понимаю, батюшка... вамъ не нравится этотъ человѣкъ, зачѣмъ же вы не скажите матушкѣ?

Бураковъ. Помилуйте, вотъ еще выдумалъ!... сказать ей, чтобъ она раскричалась... нѣтъ, ужъ извини!... я терпѣть не могу шума... а у Софьи Петровны предурная привычка... какъ начнетъ кричать, такъ цѣлый день не уймешь!... Однимъ только и избавляешься отъ ея крика: возьмешь шляпу да и пойдешь въ Лѣтній Садъ...

Илья Семенычъ. Но, мнѣ кажется, справедливость...

Бураковъ. Что тутъ справедливость!.. помилуйте! только будь не по ея вкусу, вотъ и справедливость... ты думаешь, что она тебя балуетъ...

Илья Семенычъ. Ну, не очень-то, батюшка!

Бураковъ. Помилуйте! Какъ же еще баловать?... она тебя балуетъ, и очень!.. ты у нея не то, что я!... вотъ ужъ тридцать три года какъ я женатъ, и въ это время врядъ ли хоть разъ она меня побаловала какъ слѣдуетъ!

Лунская (*въ сторону.*) Бѣдняжка!

Бураковъ. Но я не жалуюсь, помилуйте! Она ни сколько не виновата, ужъ у нея такой характеръ... во всемъ виноватъ я одинъ... я думалъ, вотъ женюсь на бѣдной дѣвушкѣ, такъ буду, просто, властелинъ надъ своей женой, но за то я и наказанъ!... Помилуйте! въ первый же день нашей свадьбы я затѣялъ исторію... и изъ за чего-же? изъ сущаго вздора!... она еще передъ свадьбой написала ко мнѣ письмо... знаете, такое письмо... въ родѣ шутки... помилуйте, она хотѣла меня испытать... а я имѣлъ глупость принять все за серьезное... я ужъ вспомнилъ объ этомъ письмѣ послѣ вѣнца... прочелъ—да, какъ мужъ, и давай сердиться!.. за то какъ я теперь и каюсь!.. этотъ случай былъ причиною, что она взяла надо мной власть... я самъ увидѣлъ, что былъ виноватъ предъ нею!...

Да, дѣти мои! если мужъ разъ провинится предъ женою, жена цѣлый вѣкъ будетъ сильнѣе его во всемъ... вотъ тебѣ урокъ, Ильюша... женишься, берегись подозрѣвать понапрасну свою жену...

Илья Семенычъ. Кстатѣ, батюшка... я давно хотѣлъ съ вами поговорить о весьма важномъ дѣлѣ...

Бураковъ. О важномъ дѣлѣ?... помилуйте! такъ лучше бы поговорилъ съ маменькой!..

Илья Семенычъ. Боже мой, батюшка.. вы ужь слишкомъ себя унижаете... надобно же и вамъ имѣть свой голосъ... вы мой отецъ, мнѣ нужно прежде ваше согласіе... и если я его получу, то и матушка, мнѣ кажется, не должна противиться вашей волѣ...

Бураковъ. Конечно, оно такъ, въ порядкѣ вещей... но, помилуйте, въ чемъ же дѣло, Ильюша?

(Новая музыка.)

Илья Семенычъ.

Предъ вами тайну я скрываю...
Мечты всѣ заняты однимъ...
Давно душою я страдаю,
Давно люблю я и любимъ...

Бураковъ.

Ты любишь? да кого жъ?

Илья Семенычъ.

Аннету!
И буду вѣкъ ее любить!

Бураковъ.

Анюту любишь? и вотъ эту?

Илья Семенычъ.

Да, батюшка!

Бураковъ.

Не можетъ быть!
Помилуйте! да гдѣ же были
Глаза мои и голова?

Илья Семенычъ.

Другъ друга въ тайнѣ мы любили...

Бураковъ, (Луиской.)

И ты?

Луиская.

И я!

Бураковъ.

А! какова!

Илья Семенычъ.

Мнѣ безъ Аннеты, Богъ свидѣтель,
Все тоже, что живя не жить!

Луиская.

И я... и я, мой благодѣтель,
Лишь съ нимъ могу счастливой быть!

Илья Семенычъ.

О, дайте жъ намъ согласье ваше...

Бураковъ.

Я не бракую этотъ бракъ...

Илья Семенычъ.

Рука ея и счастье наше
У васъ въ рукахъ...

Бураковъ.

Все это такъ!
Но вотъ ты голова какая...
Но васъ, все это трынъ трава!...
А тутъ, вотъ видишь, запятая...

Илья Семенычъ. Какая же запятая?

Бураковъ, (оканчиваетъ куплетъ).

Что скажетъ маменька сперва?...

Илья Семенычъ. О, батюшка, вы поговорите ей... она вѣрно согласится...

Бураковъ. Помилуйте! я ничего бы болѣе не желалъ... но вотъ бѣда: тутъ могутъ быть затрудненія...

Илья Семенычъ. Какія же затрудненія...

Бураковъ. Какъ какія? помилуйте! да ужь, во-первыхъ, у Анюты нѣтъ ничего...

Илья Семенычъ. Ничего?

Бураковъ. Разумѣется, ничего... какъ опекунъ ея, я долженъ это знать лучше тебя.

Луиская. Ахъ, правда! родители мои ничего мнѣ не оставили... и еслибъ не Семенъ Ильичъ... еслибъ онъ не принялъ меня въ свой домъ и не воспиталъ меня какъ дочь свою...

Бураковъ. Ну, ну! ни слова объ этомъ!

Илья Семенычъ. Помилуй, Аннета! а этотъ запечатанный пакетъ, который оставила тебѣ маменька!...

Бураковъ. Пакетъ?... какой это пакетъ?

Луиская. Онъ принадлежитъ не мнѣ... Онъ адресованъ на имя какого-то Виктора Михайлыча Стрѣлкина... стариннаго друга покойной маменьки, котораго я, однакожъ, никогда не видала...

Бураковъ. Стрѣлкинъ! нѣтъ, я не при-

помню этакой фамиліи... только, помилуйте, на вредъ ли въ этомъ пакетѣ найдете вы ломбардные билеты...

Лупская. О, я и не думаю!... вы знаете, какъ маменька моя всегда нуждалась... а она не была вовсе скупа!

Илья Семенычъ. Но все таки бѣдность Анеты не должна препятствовать нашему счастію... у меня есть руки, я могу трудиться!

Бураковъ. Помилуйте! да и свое состояніе какое! все тебѣ же достанется!... но маменька...

Илья Семенычъ. Ее должна убѣдить наша любовь.... уговорите ее, батюшка!

Бураковъ. Помилуйте! вы хотите, чтобъ она затѣяла со мной ссору...

Илья Семенычъ. О, небойтесь!... (*Ласкаясь къ Буракову.*) Батюшка!...

Лупская (также.) Семенъ Ильичъ!..

Бураковъ. Охъ вы, плутишки!

Софья Петровна (за сценой.) Ванюшка! Маруська!... этакіе лѣнтяи...

Вмѣстѣ. *Бураковъ и Илья Семенычъ.* Маменька!

Лупская. Софья Петровна.

Бураковъ. Тсъ! ни слова!... какъ будто и рѣчи у насъ не было!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Софья Петровна.

Софья Петровна, (отворивъ дверь, говоритъ за кулисы.) Прикажите билетъ къ воротамъ.... да проворнѣе! прошу у меня не спать!

Бураковъ. Что такое случилось, Софья Петровна?

Софья Петровна. А то, что мы по напрасну занимаемъ такую большую квартиру.. я приказала прикленть билетъ, что она отдается въ наймы...

Бураковъ. Помилуйте, Софья Петровна, да неужели ужъ намъ изъ своего дома нанимать квартиру?

Софья Петровна. Ужъ вы съ вашимъ помилуйте, ничего несмыслите!... Я отказала верхнимъ жильцамъ... они не заплатили мнѣ впередъ за мѣсяцъ... такъ мы и переѣдемъ на мѣсто ихъ въ четвертый этажъ...

Бураковъ. Высоконько!...

Софья Петровна. За то больше будете сидѣть дома... не станете таскаться въ Лѣтній Садъ!... А эта перемѣна доставитъ намъ лишнихъ тысячу рублей..

Бураковъ. Да тамъ всего-то, кажется, три чистыхъ комнаты!

Софья Петровна. И того для насъ много!... что за роскошь такая! роскошничать грѣхъ! кабинета вамъ не нужно, можете дремать и у меня въ спальной... ну, а тутъ останется Илюшѣ комната, да другая чистая!

Бураковъ. А для Анюты-то?

Софья Петровна. Она обойдется и безъ комнаты!

Бураковъ. Помилуйте! Какъ же это можно?

Софья Петровна. Пожалуйста, не извольте разсуждать со мною... еслибъ я все слушалась васъ, такъ намъ скоро бы и ѣсть было нечего... вы ужъ черезъ-чуръ чивы! Прости Господи, просто, расточитель!

Бураковъ. Помилуйте! да мы, съ нашимъ состояніемъ, какъ бы не жили... все бы не прожились...

Софья Петровна. Съ нашимъ состояніемъ! да вы сами не знаете своего состоянія... молчите лучше... или вы опять хотите затѣять шумъ...

Бураковъ. Я ничего не говорю!...

Софья Петровна. То-то ничего!... у васъ все такія мысли... только сердите!... Господи, прости мое согрѣшеніе... (*Илью Семенычу.*) Здравствуй, Илюша... (*Илья Семенычъ, цѣлуетъ у нея руку. Лупской.*) А ты что это дѣлаешь, сударыня?

Лупская. Шью для себя пелеринку...

Софья Петровна. Въ праздникъ! вотъ нашла время! этакіе все грѣховодники!

брось! брось!... все моды на умѣ, прости Господи!

Лунская. Я, Софья Петровна...

Софья Петровна. Молчите! не разсуждайте!... (*Илью Семеныча.*) Да что это, Илюша, ты какъ будто блѣденъ сего дня?

Илья Семенычъ. Я не знаю, что вамъ такъ кажется, матушка?

Софья Петровна. Не кажется, а дѣйствительно такъ... (*Буракову.*) Ну, посмотрите хоть вы на него... не правда ли, что онъ блѣденъ?

Бураковъ. Помилуйте, чрезвычайно блѣденъ!

Софья Петровна, (*Илью Семенычу*). Ну, видишь и папенька тоже говоритъ! а все это отъ того, что ты не во время ложишься спать! напримѣръ, вчера, откуда ты это такъ поздно пришелъ?

Илья Семенычъ. Я былъ въ театрѣ, матушка!

Софья Петровна. Въ театрѣ! въ субботу!

Илья Семенычъ. Во французскомъ...

Софья Петровна. И еще во французскомъ, слышите! онъ былъ въ субботу во французскомъ театрѣ!... Господи! прости мое сотвореніе! да это ужъ явная погибель!... Ну, ужъ сынокъ! весь въ батюшку! впередъ смѣй у меня только итти въ театръ!

Илья Семенычъ, (*тихо Буракову.*) Вотъ она какъ меня балуетъ, батюшка!

Бураковъ, (*тихо Илью Семенычу.*) Помилуйте! зачѣмъ ты ей говоришь?...

Софья Петровна. Что такое?

Бураковъ. Нѣтъ... помилуйте, я такъ, спрашиваю Илюшу, не видалъ ли онъ Лаврентія Петровича?... А что, будетъ ли у насъ сегодня обѣдать Лаврентій Петровичъ?

Софья Петровна. Нѣтъ! (*Илья Семенычъ подходитъ къ Лунской и разговариваетъ съ ней тихо.*)

Бураковъ. Какъ это жаль!... я, было, ждалъ его, съ такимъ нетерпѣніемъ...

Софья Петровна. Онъ не очень здоровъ... судороги въ желудкѣ...

Бураковъ. Помилуйте, судороги!... экой бѣдняжка!

Софья Петровна. Вотъ вѣдь я было и забыла... а все съ вами, прости Господи!... Марѳа! Марѳушка! (*входитъ Марѳа.*) Поди въ чуланъ! тамъ на верхней полкѣ есть бутылка полыннаго ликеру... да корзинка съ черносливомъ... принеси ихъ сюда! (*Марѳа уходитъ.*) Надо послать къ нему...

Бураковъ, (*тихо Илью Семенычу.*) Вотъ вѣдь ему посылаетъ цѣлую бутылку, а мнѣ и полрюмочки не ластъ!...

Софья Петровна. А вы, сударь, извольте-ка сходить навѣдать Лаврентія Петровича да поблагодарить его...

Бураковъ. Помилуйте, да за что же это?

Софья Петровна. А за то же, что онъ заботится о васъ, какъ о родномъ братѣ... я ему сказала, что вы вчера не очень-то были здоровы, такъ онъ накрѣпко приказалъ, что бы вы дня два держали діэту...

Бураковъ. Помилуйте, Софья Петровна, да я сегодня совершенно здоровъ! и еслибъ мнѣ дали къ завтраку кусокъ бифштексу съ картофелемъ...

Софья Петровна. Бифштексу съ картофелемъ? да вы, прости Господи, никакъ съ ума сошли! что вы уморить что ли себя захотѣли?... Извините, сегодня вамъ кромѣ тарелки ершевой ухи ничего не дадутъ!

Бураковъ (*въ сторону.*) Помилуйте, опять сидѣть голодомъ! (*Марѳа входитъ съ бутылкой и корзиной.*)

Софья Петровна. Подай сюда!.. (*Разсматривая бутылку*) Да, она и есть!...

Бураковъ. Мнѣ кажется, еслибъ мнѣ выпить рюмочку, это бы меня совершенно поправило!

Софья Петровна. Вздоръ! у васъ не такая болѣзнь, чтобъ пить крѣпкіе напитки! (*развертывая корзинку.*) Что это, какъ будто меньше стало черносливу?

(*Марѳѣ.*) Вы у меня, смотрите! не извольте ли лакомиться...

Марѳа. Смѣемъ ли мы, сударыня?... какъ вы изволили принести изъ лавки, такъ и было спрятано... и не развязывали!...

Софья Петровна. То-то не развязывали!... прости Господи! за вами не посмотри, такъ все растащите!... (*Ѣстъ черносливъ.*) А нечего сказать, превкусный черносливъ...

Бураковъ (*протягивая руку.*) Позвольте-ка попробать...

Софья Петровна, (*ударивъ его по рукѣ.*) Не извольте безпокоиться!... вамъ онъ вреденъ! поправитесь, тогда, пожалуй, можно будетъ... вы себя нисколько не бережете!... (*Завязываетъ корзинку.*)

Бураковъ. Помилуйте! какъ еще беречься!

Илья Семенычъ, (*тихо Буракову.*) Поговорите же теперь съ матушкой о моей просьбѣ...

Бураковъ, (*тихо Илью Семенычу.*) Помилуйте! время ли теперь?...

Илья Семенычъ, (*также.*) Лучшаго не выберете... она теперь въ хорошемъ расположеніи...

Софья Петровна. Что вы тамъ шепчетесь?

Илья Семенычъ. Ничего... батюшкѣ нужно о чемъ-то поговорить съ вами безъ свидѣтелей...

Софья Петровна (*Буракову.*) Кстати и мнѣ нужно сказать вамъ кое-что...

Бураковъ (*въ сторону.*) Боже мой! что ей нужно отъ меня?

Софья Петровна, (*Марѳѣ*). Скажи Ванюшкѣ, чтобъ онъ сію же минуту снесъ эту бутылку и корзинку къ Лаврентію Петровичу... и спросилъ бы о его здоровьѣ... да чтобъ у меня ни куда не заходилъ! (*Отдаетъ корзинку и бутылку Марѳѣ, которая разговариваетъ съ ней тихо и потомъ уходитъ въ среднюю дверь.*)

Илья Семенычъ (*тихо Буракову*). Чего вы боитесь, батюшка... скажите ей все откровенно...

Бураковъ, (*тихо Илью Семенычу.*) А какъ неравно я ее разсержу... тогда, пожалуй, она посадитъ меня еще не на такую діэту...

Илья Семенычъ, (*также.*) Не бойтесь ничего!... смѣлѣе... (*Лунской*). Оставимъ ихъ, Аннета... (*Уходитъ въ среднюю дверь*).

Лунская, (*уходя за Ильей Семенычемъ, тихо Буракову.*) На васъ вся наша надежда...

Бураковъ. Помилуйте! чтожъ вы меня оставляете!

ЯВЛЕНІЕ III.

Бураковъ и Софья Петровна.

Софья Петровна. Ну, чтожъ вы хотѣли мнѣ сказать? говорите... я слушаю.

Бураковъ. Я... помилуйте... что бишь такое?... (*въ сторону.*) Помилуйте! оставили меня съ ней вдвоемъ!

Софья Петровна. Да чтожъ вы, въ самомъ дѣлѣ, шутите, что ли?

Бураковъ. Помилуйте! нисколько не шучу, Софья Петровна... я хотѣлъ прежде выслушать васъ... а потомъ ужъ и я...

Софья Петровна. Ну, такъ слушайте же... вы знаете, какое всегда участіе принимаетъ въ васъ Лаврентій Петровичъ...

Бураковъ. Какъ не знать, помилуйте!

Софья Петровна. Сегодня онъ мнѣ далъ отличный совѣтъ для всего нашего семейства... во-первыхъ, для Ильюши... служитъ онъ такъ, спустя рукава, послѣ обѣда совсѣмъ не работаетъ, только бьетъ баклуши... и вотъ пристрастился къ театрамъ да къ балamъ... Прости Господи, того и гляди, совсѣмъ избалуется.. я ужь думала, думала, какъ помочь бѣдѣ, и спасибо Лаврентію Петровичу, надо-

умилъ таки... Мы положили женить Илью-шу!...

Бураковъ (*въ сторону.*) Помилуйте! какъ тутъ попала! (*вслухъ.*) Я думаю, что такой совѣтъ ему весьма понравится!

(На мотивъ изъ оперы Водовозъ: «Веди меня, о, провидѣнье!»)

Софья Петровна.
Иначе было бы и странно!
Илюша малой съ головой!...
Онъ видитъ дома безпрестанно,
Какъ счастливъ жребій нашъ со мной!
Женитьбу просто я считаю
Раскаяньемъ грѣховъ и бѣдъ!

Бураковъ (въ сторону.)
Да это по себѣ я знаю,
Я каюсь слишкомъ тридцать лѣтъ!

Софья Петровна.
Илюшѣ, при моемъ стараньѣ,
Отыскавъ кладъ, а не жена!

Бураковъ (въ сторону.)
Ну, быть ему на покаяньѣ!
Когда жену нашла она,
Такъ женитъ же его жена!

Софья Петровна. Мы съ Лаврентіемъ Петровичемъ нашли ему отличную партію... словомъ, дочь Елистрата Самойлыча Мелелянскаго.

Бураковъ. Помилуйте, вотъ этого, что служитъ по особымъ порученіямъ?

Софья Петровна. Да!

Бураковъ. Помилуйте! да она не хороша собою и гораздо старше Ильюши!

Софья Петровна. Чтожъ за бѣда! за то за нею чистенькихъ сто тысячъ... а отецъ умретъ, такъ и все его состояніе придетъ къ Илюшѣ... да сверхъ того какая протекція! Елистратъ Самойлычъ въ большой силѣ у министра и можетъ высоко поднять Ильюшу... а ужъ какіе они благочестивые,— и отецъ и дочь; не любятъ ни роскоши, ни банкетовъ...

Бураковъ. Все это безподобно, Софья Петровна... но, помилуйте...

Софья Петровна. Что еще?

Бураковъ. Помилуйте!... а куда жъ мы дѣнемъ нашу воспитанницу Анюту?...

Софья Петровна. Экая забота припала! она ужъ и такъ мнѣ надоѣла... живетъ здѣсь, только дѣлаетъ лишній расходъ...

Бураковъ. Помилуйте, Софья Петровна!

Софья Петровна. Нечего, помилуйте! я говорю правду! Да, не извольте о ней безпокоиться... мы съ Лаврентіемъ Петровичемъ и ее пристроили...

Бураковъ. Помилуйте! Какъ пристроили?

Софья Петровна. Да! мы нашли ей мѣсто; не вѣкъ же ей жить съ нами... надо ей имѣть и свой кусокъ хлѣба... мы нашли ей мѣсто компаніонки...

Бураковъ. Помилуйте! мѣсто компаніонки?...

Софья Петровна. И у кого бы вы думали? у графини Ханжиновской!... И все дѣло-то ея будетъ читать ей благочестивыя книги! а межъ тѣмъ все полное содержаніе, да жалованья триста рублей въ годъ!

Бураковъ. Помилуйте!

Софья Петровна. Нечего ужъ разсуждать... это дѣло конченое: за ней сегодня пріѣдутъ... и вы вѣрно ее охотно отпустите... вы видите, я безъ вашего позволенія ничего не дѣлаю... да и странно бы было, еслибъ я поступала иначе... вы господинъ въ домѣ... отъ васъ зависитъ участь и вашей воспитанницы... и нашего сына... отъ васъ зависитъ и моя судьба...

Бураковъ. Помилуйте... такъ ужъ позвольте мнѣ сказать...

Софья Петровна. Да! вѣдь я и забыла... вы хотѣли о чемъ-то поговорить со мной?

Бураковъ. Да, точно хотѣлъ... но, оно почти одно и тоже, что и вы говорили...

Софья Петровна. Ну, прекрасно! видите какъ я во всемъ согласна съ вами! у меня только и на умѣ, чтобъ угодить вамъ... я не то, что вы... вы никогда ничего для меня не дѣлаете!

Бураковъ. Помилуйте, Софья Петровна... я всегда съ удовольствіемъ...

Софья Петровна. Ну, посмотримъ! теперь, по крайней мѣрѣ, вы не можете мнѣ отказать... я прошу васъ не для себя... Лаврентій Петровичъ сбираетъ деньги на одно богоугодное дѣло... и я увѣрена, что вы пожертвуете...

Бураковъ. А сколько?

Софья Петровна. Да по крайней мѣрѣ тысячу рублей.

Бураковъ. Тысячу рублей! помилуйте... кабы еще кому другому...

Софья Петровна. Кому другому! слышите!... да вы послѣ этого, просто, атеистъ!

Бураковъ. Да помилуйте, Софья Петровна... у васъ есть свои деньги, отдайте ему изъ своихъ...

Софья Петровна. Да какія у меня деньги?

Бураковъ. Помилуйте, у васъ въ распоряженіи всѣ наши доходы...

Софья Петровна. А гдѣ они? на васъ же я ихъ трачу, да на вашу семью!... вѣдь вы мнѣ не даете своихъ ломбардныхъ билетовъ...

Бураковъ. Они не намъ принадлежатъ, а нашему сыну...

Софья Петровна. У сына и своихъ будетъ довольно, какъ женится! и будто тысяча рублей васъ разоритъ!

Бураковъ. Помилуйте, вовсе не разоритъ!

Софья Петровна. Такъ нечего и толковать! извольте мнѣ ихъ приготовить! слышите! а не то, смотрите!...

Бураковъ. Хорошо, я подумаю.

Софья Петровна. Ужъ вамъ думать! тутъ нечего думать!... извольте приготовить!... слышите!... Съ вами, прости Господи, вѣчно хлопоты! вы за всякій вздоръ сердитесь...

Бураковъ. Помилуйте!...

Софья Петровна. Ну, ну! полноте дуться... скорѣе помиритесь... поцѣлуйте же ручку... (*Бураковъ цѣлуетъ ея руку.*) Вотъ такъ! прощайте! мнѣ еще надо заняться кое чѣмъ въ кухнѣ... за всѣмъ нуженъ мой глазъ... а вы вотъ нисколько не цѣните моихъ труловъ!...

Бураковъ. Помилуйте, Софья Петровна!

Софья Петровна. Ну ужъ, хорошо... этакой злой! приготовьте же деньги... Господи! прости мои согрѣшенія... (*Уходитъ въ дверь на лѣво.*)

Бураковъ. Нѣтъ, матушка!... Какъ ты не подольщайся, а ужъ я не дамъ тебѣ денегъ!... помилуйте, еще для кого бы другаго, а то для моего тирана, для этой ханжи...

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Бураковъ, Илья Семенычъ и Лунская. (оба выходятъ изъ средней двери и смотрятъ, ушла ли Софья Петровна.)

Илья Семенычъ. Маменька ушла!

Лунская. Ну, что, Семенъ Ильичъ?

Бураковъ. Вотъ и они явились!

Илья Семенычъ. Говорили ли вы съ матушкой?

Бураковъ. Помилуйте! какъ же не говорить? говорилъ!

Илья Семенычъ. Ну, все ли хорошо?

Бураковъ. Помилуйте!... только не надо торопиться... а кажется, все въ порядкѣ.

Илья Семенычъ и Лунская. Слава Богу!

Бураковъ, (Илью Семенычу.) Маменька не прочь тебя женить!

Илья Семенычъ, (Лунской.) Какое счастіе!

Бураковъ. Помилуйте, ужъ и это добрый знакъ!... только вотъ въ чемъ бѣда... выбрала-то она такую невѣсту...

Илья Семенычъ. Какъ, уже не Аннету?

Бураковъ. То-то и есть, что не ее...

Илья Семенычъ. Боже мой!... но вы, вѣрно, ей сказали...

Бураковъ. Помилуйте, мнѣ не охота была заводить ссоры... тѣмъ болѣе, что она показала такое расположеніе къ Анютѣ... только она не совсѣмъ согласна съ твоими мыслями... Софья Петровна, нашла ей мѣсто...

Илья Семенычъ. Мѣсто?

Бураковъ. Да! и, помилуйте, какое вѣдь мѣсто! компаніонкой къ ея сіятельству графинѣ Хапжиновской!

Лунская. Боже мой! какъ я несчастна! (*плачетъ.*)

Илья Семенычъ (*горячо.*) И между тѣмъ, меня заставятъ жениться на другой!... И вы промолчали... вы не настояли на своемъ?

Бураковъ. Помилуйте, развѣ можно сдѣлать все за одинъ разъ... потерпите! для нынѣшняго дня довольно и того, что я сдѣлалъ.

Илья Семенычъ. Но что же вы сдѣлали, батюшка?

Бураковъ. Какъ что? помилуйте!... все, что было можно.

Илья Семенычъ. Еслибъ вы не были такъ слабы, батюшка, мы не терпѣли бы горя...

Лунская, (*со слезами.*) Да, мы не терпѣли бы горя...

Бураковъ. Да, чѣмъ же я слабъ? помилуйте!

Илья Семенычъ. Матушка дѣлаетъ изъ васъ все, что хочетъ.

Бураковъ. Помилуйте! да вы, никакъ, съ ума сошли!... послѣ этого, дѣлайте что хотите... я ни во что не мѣшаюсь!.. Помилуйте, имъ же хочешь сдѣлать добро, и они же еще не довольны!... этакой неблагодарный народъ!

Илья Семенычъ. Но что ужъ хотите, я, кромѣ Аннеты, ни на комъ не женюсь!

Лунская. Я умру безъ него!

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Марѳа. (входя въ среднюю дверь.)

Марѳа. Семенъ Ильичъ!... тамъ пришелъ какой-то господинъ, хочетъ посмотрѣть квартиру...

Бураковъ. Помилуйте! какую квартиру?

Марѳа. Какъ какую? нашу! вѣдь она отдается въ наймы; мы и билетъ приклеили.

Бураковъ. Ну вотъ, теперь—дѣла!... Помилуйте, да вы меня этакъ совсѣмъ уморите!.. Поди, говори барынѣ...

Марѳа. Только я не знаю, согласится ли барыня... онъ хочетъ нанять квартиру безъ сарая и конюшни...

Бураковъ. Помилуйте! а мнѣ что за дѣло!.. какъ хочетъ, такъ пускай и нанимаетъ... поди, толкуй съ барыней... я ни во что не хочу мѣшаться! (*Взглянувъ на Илью Семеныча и Лунскую, изъ коихъ одна сидитъ на правой сторонѣ и плачетъ, а другой на лѣво съ печальнымъ видомъ стоитъ у окна и барабанитъ по стеклу.*) Ну, видно быть сегодня грозѣ... мнѣ не остается ничего болѣе, какъ отправиться въ Лѣтній Садъ! (*Беретъ палку и шляпу и уходитъ въ дверь на лѣво.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Илья Семенычъ, Лунская, (въ тѣхъ же положеніяхъ), Марѳа, потомъ Стрѣлкинъ.

Марѳа, (*на аванъ-сценѣ.*) Что съ нимъ сдѣлалось? какой онъ сегодня сердитый... этого я еще не видывала съ тѣхъ поръ какъ живу въ здѣшнемъ домѣ... да и эти что-то сами не свои! чтобы это такое было?... однакожъ меня ждетъ этотъ господинъ. (*Отворяя среднюю дверь*). Войдите, сударь...

Стрѣлкинъ, (*входя въ среднюю дверь.*) Ну, покажи же мнѣ, голубушка, всѣ комнаты...

Марѳа. Позвольте... сію минуту!

Стрѣлкинъ. А согласенъ ли твой баринъ отдать мнѣ квартиру безъ сарая и конюшни?...

Марѳа. Не могу еще сказать... барина нѣтъ дома... а вотъ я доложу барынѣ... не угодно ли вамъ присѣсть, я сію минуту скажу... (*Уходитъ на лѣво.*)

Стрѣлкинъ. Ба! да я здѣсь не одинъ.. вотъ дѣвица... и молодой человѣкъ... препріятное общество!.. Я до чрезвычайности люблю молодежъ! съ ними и на душѣ веселѣе, и какъ-то становишься моложѣ... (*смотря на Лунскую.*) Что это? да она плачетъ! (*Смотря на Илью Семеныча.*) И этотъ какъ будто не въ духѣ?.. что это значитъ? (*подходя къ Илью Семенычу, кашляетъ.*) Милостивый государь!

Илья Семенычъ, (*оборачиваясь.*) Ахъ, извините... я не замѣтилъ, какъ вы вошли...

Стрѣлкинъ. Вы меня, конечно, не знаете... я жду отвѣта отъ здѣшней хозяйки... и хочу нанять квартиру...

Илья Семенычъ. Да, я слышалъ...

Стрѣлкинъ. Но мнѣ, признаюсь, такъ странно видѣть... и вы... (*обращаясь къ Лунской*). И вы сударыня... такъ разстроены... Что это съ вами, друзья мои?...

Илья Семенычъ. Друзья...

Стрѣлкинъ. Извините, что я осмѣлился такъ назвать васъ... хоть я и не имѣю чести васъ знать, но эти слезы сближаютъ уже меня съ вами... слезы слишкомъ близки къ моему сердцу!... я самъ такъ много плакалъ въ свою жизнь!

Илья Семенычъ и Лунская, (*приближаясь къ нему*). Неужели?

Стрѣлкинъ, (*взявъ ихъ за руки*). Да, друзья мои.... позвольте же мнѣ такъ называть васъ...

Илья Семенычъ и Лунская. О, съ удовольствіемъ!

Стрѣлкинъ. Стало быть, мы теперь ужъ знакомы!... Видите, и въ самомъ несчастіи есть нѣчто хорошее.. оно какъ то скорѣе сближаетъ людей!... Но что же это съ вами? что васъ такъ печалитъ? ужь, навѣрно, что нибудь сердечное... любовь... препятствія...

Илья Семенычъ и Лунская. Кто вамъ сказалъ?

Стрѣлкинъ. Я по себѣ догадался! я ужъ это испыталъ!

Илья Семенычъ. О, такъ вы также несчастны!

Стрѣлкинъ (*со вздохомъ.*) Было время, что я не имѣлъ ни этихъ морщинъ, ни этихъ сѣдыхъ волосъ... я былъ (*смотря на Илью Семеныча*) также молодъ какъ вы, мой другъ... также хорошъ и пылокъ! У меня было сердце... но оно и теперь осталось тѣмъ же; оно не состарѣлось; это сердце пламенно, нѣжно!... о, еслибъ вы знали, какъ много мы съ нимъ страдали!... я любилъ, какъ и вы, мой другъ, дѣвушку милую, прекрасную... (*смотря на Лунскую*). Она была также мила, и прекрасна какъ вы!

Илья Семенычъ. А она любила ли васъ?

Стрѣлкинъ. О, конечно! любила страстно!

Илья Семенычъ. И вы не измѣняли никогда своей любви?

Стрѣлкинъ. Я до сихъ поръ ей вѣренъ!... Для нея остался я холостякомъ...

Илья Семенычъ. О, я самъ буду любить, какъ вы!... мы никогда не измѣнимъ другъ другу... и если судьба разлучитъ насъ, будемъ ждать другъ друга до пятидесяти лѣтъ!

Лунская. До шестидесяти!

Стрѣлкинъ. Именно! мнѣ самому скоро шестьдесятъ! самыя лучшія лѣта для любви.... ни кто вамъ не мѣшаетъ.

Илья Семенычъ. Но отъ чего же вы не женились?

Стрѣлкинъ. На комъ?

Лунская. На ней... на этой молодой дѣвушкѣ?

Стрѣлкинъ. Ахъ! потому что она вышла за другаго.

Илья Семенычъ и Лунская. Какое несчастіе!

Стрѣлкинъ. Она вышла замужъ по принужденію! этого хотѣла ея маменька!.. Я былъ тогда ничто иное какъ бѣдный чиновникъ... богатъ одной любовью и безъ гроша денегъ... едва снершилось мое несчастіе, едва узналъ я, что она сдѣлалась женой другаго... я чуть не умеръ съ печали... но подумалъ, этимъ я не помогу себѣ... а между тѣмъ ова еще можетъ быть свободною... и я могу быть счастливъ... подумалъ и уѣхалъ изъ Петербурга... опредѣлился въ провинцію, сталъ работать какъ лошадь и въ тридцать три года, дошолъ до того, что вотъ ужъ сдѣлался и колежскимъ совѣтникомъ и обвѣшанъ орденами и бережливостію нажилъ таки состояньице... а сердце... сердце осталось все тоже... одна надежда и утѣшала его... да еще любимая ея пѣсенка... «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!...» Только бывало есть свободное время, возьмешь скрыпку, вздохнешь и заиграешь... «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!...» На глазахъ навернутся слезы, мыслями перелетишь въ Петербургъ, на бугорки, къ ея окошечку... Видишь ея ангельское личико, ея розовыя щечки, ея каштановые волосы... и сердцу станетъ легче...

Илья Семенычъ. И, со времени ея сватьбы, вы ее не видали!

Стрѣлкинъ. Не видалъ! она все время жила въ Петербургѣ... а я только что другой день пріѣхалъ сюда, совсѣмъ на житье. Знаете, гдѣ не живешь, какъ бы ни было хорошо, а все хочется на родину... Я родился въ Петербургѣ, такъ и умереть въ немъ хочется!

Илья Семенычъ. О, я этому вѣрю!

Стрѣлкинъ. Однако жъ, друзья мои, я слишкомъ разговорился о себѣ... вотъ что значитъ любовь... я хотѣлъ узнать вашу исторію и разсказалъ свою... извините, старость любитъ поболтать...

Илья Семенычъ. О, намъ такъ пріятно слушать васъ.

Лунская. Мы такъ васъ полюбили...

Стрѣлкинъ. Покорнѣйше благодарю... и вы мнѣ оба ужасно какъ нравитесь... не знаю, право, отъ чего... а сердце мое ужъ совершенно вамъ предано... я готовъ для васъ на все... говорите въ чемъ ваше горе?

Илья Семенычъ. Всему причиною матушка... она хочетъ меня женить противъ желанія, тогда какъ я люблю Анесту!

Лунская. Да, всему причиною Софья Петровна.

Стрѣлкинъ, (поспѣшно). Софья Петровна? Позвольте, ее зовутъ Софьей Петровной?

Илья Семенычъ. Да! но что съ вами?..

Стрѣлкинъ. Позвольте! а какъ ея фамилія?

Илья Семенычъ. Буракова!

Стрѣлкинъ. Урожденная Кочкина?

Илья Семенычъ. Да!

Стрѣлкинъ. Софья Петровна!

Илья Семенычъ. Да! это моя матушка!

Стрѣлкинъ. Ваша матушка?..можетъ ли быть!.. Боже мой! какое происшествіе! позвольте же мой другъ, позвольте на васъ посмотрѣть... какой прекрасный молодой человѣкъ!.. а вашъ батюшка... еще здравствуетъ?

Илья Семенычъ. Да... хотя ужъ довольно старъ, но, благодаря Бога, здоровъ.

Стрѣлкинъ (со вздохомъ). Слава Богу! очень радъ!

Илья Семенычъ. Батюшка очень бы желалъ соединить насъ... но что съ вами?

Стрѣлкинъ. Ничего, ничего, друзья мои... такъ... маленькое воспоминаніе...

Илья Семенычъ. Стало быть, вы очень хорошо знаете моихъ родителей?

Стрѣлкинъ. Да...вашу матушку!.. я старинный другъ ихъ дома... быть можетъ, вы обо мнѣ слыхали?.. Стрѣлкинъ!

Лунская. Стрѣлкинъ! Викторъ Михайлычъ?

Стрѣлкинъ. Такъ точно! (*въ сторону*). Стало быть меня здѣсь еще не забыли?

Лунская, (*Ильѣ Семенычу*). Это онъ! какое счастіе!

Илья Семенычъ. О, такъ вы вѣрно намъ поможете... вы вѣрно поговорите матушкѣ?

Стрѣлкинъ. Непремѣнно поговорю!.. будьте покойны!.. я увѣренъ даже, что просьба моя останется не безъ успѣха... (*въ сторону*). Софи!.. Софи!.. Боже мой, какой для нея сюрпризъ! какая радость!.. (*вслухъ*). Она скоро должна быть сюда? неправда ли?

Илья Семенычъ. Я думаю!

Стрѣлкинъ. Такъ оставьте меня лучше одного съ нею... да не говорите ей прежде ни слова обо мнѣ...

Илья Семенычъ. Хорошо, хорошо... только вы не забудьте насъ...

Лунская. Убѣдите ее!..

Стрѣлкинъ. Ужъ я вамъ говорю, будьте покойны!.. ну, до свиданья!.. (*Садится въ кресла*).

Илья Семенычъ (*Лунской, тихо*). А ты, Аннѣта, и забыла о пакетѣ на его имя?

Лунская. Я сію минуту отыщу и отдамъ ему...

Илья Семенычъ. Онъ немножко странненъ, но видно, что добрый человѣкъ!

Лунская. О, предобрѣйшій!.. Ахъ, что-то будетъ!.. Прощай!..

Илья Семенычъ. Будь спокойна! что-бы ни было, я твой на вѣки! (*Онъ уходитъ въ дверь на право, а Лунская на лѣво*).

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Стрѣлкинъ, (*одинъ*). Сердце такъ и бьется!.. Наконецъ, я ее увижу!.. Боже мой! одно это слово раждаетъ въ умѣ моемъ всѣ воспоминанія о минувшемъ счастіи... Прошло уже тридцать три года съ того ужаснаго дня, въ который я видѣлъ ее въ послѣдній разъ... между тѣмъ, этотъ день мнѣ памятнѣе вчерашняго... Блаженный и вмѣстѣ несчастнѣйшій день въ моей жизни!.. Въ этотъ день я былъ у моей Софьи въ первый разъ, и могъ ли я думать, что этотъ же день будетъ днемъ нашей разлуки на тридцать три года!.. Свиданіе наше продолжалось не болѣе десяти минутъ... десяти минутъ счастія и тридцать три года страданій!.. Я готовъ бы былъ провести всю жизнь предъ нею на колѣнахъ, но все разстроила ея маменька... она явилась домой, и мнѣ должно было разстаться съ Софьей!.. Я пробрался чрезъ окно ея спальни въ полисадникъ и спрятался въ кустахъ... Не знаю самъ отъ чего, но мнѣ не хотѣлось итти домой... Какая-то магнитная сила тянула меня къ Софіи... и вскочилъ снова въ окно спальни... и, во что бы то ни стало, хотѣлъ говорить съ Софьей...но когда я отворилъ дверь въ другую комнату—моя Софья ужасно испугалась, захлопнула дверь предъ моимъ носомъ, и я съ разтерзаннымъ сердцемъ по неволѣ отправился домой!.. Всхожу на лѣстницу... что это? толпа народа ломаетъ дверь въ мою комнату... я кричу: остановитесь! Всѣ разинули рты...вы живы! кричатъ мнѣ.—Вы видите, говорю я!.. Но отъ чего жъ этотъ пороховой запахъ? говорятъ они.—Отъ того, говорю я, что мнѣ вздумалось разрядить дорожные пистолеты!..И за тѣмъ раздвигаю толпу, отворяю и замыкаю комнату, и располагаюсь у окна... вдругъ... что это? она! это она!.. убрана какъ подъ вѣнецъ...на улицѣ тьма зрителей... всѣ кричатъ: невѣста! невѣста!..голова моя закружилась... и отъ внезапнаго удара и отъ пороховаго дыма... я упалъ... мнѣ сдѣлалось дурно...а ее между тѣмъ обвѣнчали съ другимъ... несчастный, ужасный день! Моя Софья и я... мы были на вѣкъ разлучены... О, Софья, Софья! если бъ ты знала, какъ я до сихъ поръ люблю тебя!.. Но и ты, вѣрно, меня еще не разлюбила?.. ты не перемѣнилась, не правда ли?..

ты мнѣ клялась въ этомъ и я тебѣ вѣрю!.. О, Софья, мой ангелъ Софья! я какъ теперь на тебя гляжу!

(Новая музыка.)

Уста цвѣтутъ улыбкой...
Вотъ взглядъ твой не земной...
Я вижу станъ твой гибкій,
Я слышу голосъ твой!
О, долго ль дожидаться
Тебя здѣсь долженъ я?
Дай мнѣ налюбоваться,
Мой ангелъ, на тебя!
Позволь минутой сладкой
Вновь сердцу подышать,
Позволь, хотя украдкой,
Люблю тебѣ сказать!
Произнеси мнѣ слово,
Дай вновь любви обѣтъ,
И я готовъ жить снова
Въ разлукѣ тридцать лѣтъ.

Софья Петровна (*за сценой*). Ну, иду, иду!.. Не приди я въ кухню, такъ наша кулебяка никуда бы не годилась!.. Этакіе все неучи, прости Господи!

Стрѣлкинъ. А! вотъ кто-то идетъ!.. (*Увидя Софью Петровну*). Это что за старушка?

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Софья Петровна и Стрѣлкинъ.

Софья Петровна, (*входя въ дверь съ лѣвой стороны*). Извините меня, пожалуйста, что я заставила васъ ждать... Мнѣ сказали, что вы хотите нанять эту квартиру?

Стрѣлкинъ, (*съ изумленіемъ смотря на Софью Петровну*). Точно такъ, сударыня... но позвольте спросить... я желалъ видѣть хозяйку... Софью Петровну Буракову...

Софья Петровна. Вы съ ней и говорите!..

Стрѣлкинъ, (*въ сторону съ изумленіемъ*). Боже мой! и это Софья!.. (*разглядывая ее снова*). Я едва вѣрю... однакожъ, въ ней все таки есть что-то такое... по крайней мѣрѣ, наши сердца... наши сердца вѣрно не измѣнились!

Софья Петровна. Вы ужъ видѣли прихожую... вотъ здѣсь залъ, или гостиная... какъ вамъ угодно... на право комната моего сына... вотъ тутъ, на лѣво столовая... далѣе спальня, кабинетъ моего мужа... кухня особо и другой выходъ... если хотите, можете посмотрѣть.

Стрѣлкинъ. Нѣтъ... зачѣмъ же васъ безпокоить... мнѣ довольно и вашего описанія... квартира прекрасная и я беру ее...

Софья Петровна. Но вотъ маленькое затрудненіе... вы хотите нанять ее безъ сарая и конюшни... это невозможно... я не могу отдать одного безъ другаго...

Стрѣлкинъ. Такъ я возьму и сарай и конюшню, хоть и не имѣю въ нихъ надобности...

Софья Петровна. И это можно поправить... вы ихъ будете нанимать, но можете и не пользоваться ими... я васъ не принуждаю... вы вольны дѣлать, что угодно... только бы намъ условиться и сдѣлать контрактъ... квартиру эту со всѣми принадлежностями я не могу отдать менѣе двухъ тысячъ рублей ассигнаціями въ годъ...

Стрѣлкинъ. Я на все согласенъ...

Софья Петровна. Но, позвольте, еще не все... во-первыхъ, вы должны всегда платить деньги за треть впередъ...

Стрѣлкинъ. И на это согласенъ!

Софья Петровна, (*ласково, подавая ему стулъ*). Прошу садиться... что вы все стоите... (*Въ сторону.*) Какой хорошій человѣкъ! (*вслухъ.*) Садитесь же, пожалуйста... (*она садится къ столу, онъ близъ нея.*) Во-вторыхъ, позвольте узнать ваше званіе, имя, отечество и фамилію... я запишу...

Стрѣлкинъ, (*въ сторону.*) Вотъ минута!.. О, какъ она удивится, какъ обрадуется...

Софья Петровна. Да-съ! позвольте, я еще забыла... (*вынимаетъ табакерку*

и подчуетъ его табакомъ.) Не прикажете ли?

Стрѣлкинъ, (*съ удивленіемъ.*) Нѣтъ, покорнѣйше благодарю!.. (*въ сторону.*) Боже мой! Софья нюхаетъ табакъ!..

Софья Петровна. Такъ за квартиру двѣ тысячи ассигнаціями, но только безъ дровъ и безъ воды... а если угодно съ дровами, такъ три тысячи ассигнаціями, меньше отдать не могу... нынче дрова очень вздорожали!

Стрѣлкинъ. Пожалуй, я согласенъ взять и съ дровами.

Софья Петровна. И прекрасно! меньше вамъ хлопотъ... ну, а ежели хотите имѣть чистую невскую воду, такъ за это должны платить особо по три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ...

Стрѣлкинъ. Согласенъ и на это!.. (*въ сторону.*) Боже мой и Софья говоритъ о такихъ вещахъ!..

Софья Петровна (*въ сторону.*) Премилый человѣкъ!.. (*вслухъ*). Да! вотъ еще условіе... вы хоть человѣкъ еще и не старый... (*Стрѣлкинъ охорашивается*) и глаза у васъ, кажется, еще очень свѣжи... но все таки, я думаю, не мѣшаетъ, чтобъ по вечерамъ освѣщалась лѣстница...

Стрѣлкинъ. Конечно, не мѣшаетъ!

Софья Петровна. Но за это также придется вамъ платить особо... по два цѣлковыхъ въ мѣсяцъ...

Стрѣлкинъ. Очень хорошо-съ... (*въ сторону.*) Она сдѣлалась маленькой интересанкой... но все таки, надо признаться, очень любезна!

Софья Петровна, (*въ сторону.*) Вотъ Богъ послалъ какого жильца: на все согласенъ! это, просто, кладъ!.. (*вслухъ*). Но главное... вамъ надо будетъ заключить контрактъ не менѣе какъ на пять лѣтъ!

Стрѣлкинъ. На пять лѣтъ?.. но, позвольте...

Софья Петровна. Какъ, неужели вы не согласны?.. помилуйте! такая сухая квартира... и мы такіе добрые хозяева.

Стрѣлкинъ. О, я въ этомъ увѣренъ...

Софья Петровна. Неужели же вамъ будетъ непріятно жить у насъ?..

Стрѣлкинъ. О, нѣтъ-съ... я готовъ съ удовольствіемъ...

Софья Петровна. Такъ вы согласны на пять лѣтъ?..

Стрѣлкинъ. Очень хорошо... согласенъ, если вамъ это угодно...

Софья Петровна. О, намъ весьма пріятно... вы такой прекрасный человѣкъ... намъ такого жильца и надобно... Позвольте же мнѣ все сосчитать... (*надѣваетъ очки, беретъ перо и записываетъ на бумагѣ.*)

Стрѣлкинъ, (*въ сторону.*) Что это? Софья моя въ очкахъ! или она хочетъ меня разсмотрѣть... то-то она меня и не узнала.... а все таки говоритъ: «вы прекрасный человѣкъ...» Знаете, какъ это пріятно слышать отъ такой особы...

Софья Петровна. И выходитъ всего, съ дровами, водой и освѣщеніемъ, три тысячи двѣсти десять рублей ассигнаціями въ годъ...

Стрѣлкинъ. Я на все согласенъ.

Софья Петровна. Теперь позвольте узнать ваше званіе, имя, отчество и фамилію...

Стрѣлкинъ. Коллежскій совѣтникъ... (*въ сторону.*) Боже мой, что будетъ съ нею, когда она узнаетъ...

Софья Петровна, (*записывая.*) Коллежскій совѣтникъ...

Стрѣлкинъ. Стрѣлкинъ!

Софья Петровна. Позвольте... Стрѣлковъ или Стрѣлкинъ?

Стрѣлкинъ. Стрѣлкинъ.

Софья Петровна. Хорошо-съ... (*записывая*) Стрѣлкинъ!

Стрѣлкинъ, (*съ удивленіемъ*). Что это? она очень равнодушна... (*вслухъ.*) Скажите, Софья Петровна, неужели вамъ не напоминаетъ ничего эта фамилія?

Софья Петровна. Позвольте... Стрѣлкинъ!...

Стрѣлкинъ. Неужели вы изгнали уже

и изъ своей памяти, изъ своего сердца изгнали друга вашей юности, Виктора Михайловича Стрѣлкина?

Софья Петровна. Викторъ Михайлычъ... что вы говорите? неужели это вы?

Стрѣлкинъ, (*съ восторгомъ.*) Да, Софи! да, это я!

Софья Петровна. Это что значитъ? Софи! развѣ можно такъ называть...

Стрѣлкинъ. Виноватъ! Конечно, послѣ тридцати трехъ лѣтъ, оно немножко странно... но, по крайней мѣрѣ, могу ли я надѣяться, что дружба... позволительна во всѣ лѣта... и я, кажется, имѣю полное право на вашу дружбу... вспомните наши клятвы, нашу любовь...

Софья Петровна. Сдѣлайте одолженіе... что вы это?..

Стрѣлкинъ. Позвольте мнѣ кончить!.. Вспомните послѣдній день нашего свиданія... вспомните, что вы тогда говорили... вы клялись любить меня до гроба...

Софья Петровна. Благодареніе Богу! Онъ изгладилъ изъ моей памяти тяжкіе мои грѣхи... я ужъ все забыла... какъ будто ничего и не было...

Стрѣлкинъ. Нѣтъ, нѣтъ... подобныя вещи никогда не забываются!.. скажите, скажите только, что вы еще не забыли этого блаженнаго времени...

Софья Петровна. Если вы хотите знать истину... если вамъ признаться...

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Марѳа.

Марѳа, (*вбѣгая изъ двери на лѣво.*) Сударыня, сударыня! Ларентій Петровичъ пришелъ!

Софья Петровна, (*въ сторону.*) Боже мой!.. (*вслухъ.*) Хорошо... сейчасъ... я знаю, за чѣмъ онъ пришелъ... Гдѣ Ильюша?

Марѳа. Въ своей комнатѣ...

Софья Петровна. Хорошо... (*подходитъ къ двери на право, запираетъ ее и беретъ ключъ къ себѣ. Въ сторону.*) По крайней мѣрѣ, онъ теперь не увидитъ, какъ отправится его Анюша... (*Смотря на Стрѣлкина.*) Разлука приноситъ намъ всегда большую пользу... (*вслухъ.*) Прощайте, милостивый государь...

Стрѣлкинъ, (*подходя къ ней.*) Позвольте, одно слово... я обѣщалъ вашему сыну поговорить съ нами въ его пользу... онъ влюбленъ... также влюбленъ, какъ были мы нѣкогда влюблены...

Софья Петровна. Вы опять за старое?..

Стрѣлкинъ. Умолю васъ именемъ нашей дружбы, именемъ прежней любви нашей...

Софья Петровна. Извините меня, пожалуйста... мнѣ нужно итти... меня ждутъ... если намъ угодно нанять нашу квартиру, то изкольте принесть задатокъ... только контрактъ на вашъ счетъ... прощайте... въ другое время я васъ готова принять, но сегодня, извините... (*Уходитъ съ Марѳой въ дверь на лѣво.*)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

Стрѣлкинъ, (*одинъ, ходитъ въ раздумьѣ по комнатѣ.*) За чѣмъ я ее видѣлъ? зачѣмъ я ее видѣлъ?... я не страдалъ бы теперь такъ ужасно!.. Я воображалъ ее, какъ прежде, милою, любезною, страстною... я думалъ, что она сохранила ко мнѣ нѣрность... и что жъ я нашелъ?... О, Боже мой! Боже мой! неужели люди могутъ такъ измѣняться!.. Нѣтъ, я никогда не прощу ей этого... я жилъ для нея... Тридцать лѣтъ питался надеждою... и одной минутой совершенно уничтоженъ!.. Неужели, послѣ этого, поселиться мнѣ въ этомъ домѣ?.. нѣтъ, нѣтъ!.. я могу и самъ здѣсь изъ-

мѣниться!.. Нынѣшнія сердца стали ужъ не то, что въ наше золотое время... нѣтъ болѣе ни дружбы, ни любви!.. Бывало, если мы скажемъ, что любимъ, такъ любимъ всю жизнь... а нынче, посмотрите, что это такое?..

(Новая музыка).

Теперь совсѣмъ не съ тою силой
Изволятъ молодежъ любить!...
Иной кричитъ: «и за могилой
Клянусь Лизетѣ вѣрнымъ быть!...»
А вдругъ, умри его Лизета,
Онъ тотчасъ пламень страстной свой
Шампанскимъ тушитъ у Фельета...
И завтра занятъ ужъ другой.

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Стрѣлкинъ, Лунская.

Лунская, (*въ слезахъ, выходя изъ двери на лѣво*). Боже мой! Боже мой!... я не перенесу этого!

Стрѣлкинъ. Что еще случилось?

Лунская. Сейчасъ пришелъ къ Софьѣ Петровнѣ этотъ несносный Лаврентій Петровичъ... вообразите, онъ хочетъ меня сейчасъ везти на мѣсто къ какой-то графинѣ... меня, противъ воли, опредѣлили къ ней компаньонкой... а все это для того только, чтобъ разлучить меня съ Ильей Семенычемъ...

Стрѣлкинъ. Бѣдняжка! я думаю, у этой графини смертельная скука?...

Лунская. Мнѣ все равно... я готова бы была жить въ тюрьмѣ... только бы не разлучаться съ нимъ...

Стрѣлкинъ. О, какъ я радъ! какъ я радъ!

Лунская. И вы еще радуетесь? я этого отъ васъ не ожидала!

Стрѣлкинъ. Да какъ же не радоваться такой страстной любви?.. страданія, пожертвованія для милой особы... это по моей части... это задѣваетъ меня за живое!... Такъ я ошибся: и нынче еще любятъ также какъ прежде... (*Лунской*). Слушайте же! скажите имъ рѣшительно, что вы не хотите жить у этой графини... я васъ не оставлю... буду подлѣ васъ и помогу вамъ...

Лунская. Но я не смѣю противиться волѣ Софьи Петровны... я ей такъ много обязана... она пріютила меня, воспитала.

Стрѣлкинъ. Такъ вы ее воспитанница?

Лунская. Да... я сирота... вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ я лишилась родителей... маменька моя была ея подругою въ молодости и завѣщала ей мою судьбу... васъ также, Викторъ Михайлычъ, знала моя матушка...

Стрѣлкинъ. Меня знала ваша матушка?... Боже мой! кто же она?

Лунская. Не помните ли вы Александры Сергеевны Лунской?

Стрѣлкинъ. Александры Сергеевны Лунской?.. позвольте, я зналъ Александру Сергеевну, только не Лунскую а Снуркову...

Лунская. Да она и есть... она вышла замужъ за Ѳедора Иваныча Лунскаго...

Стрѣлкинъ. Такъ ужъ это послѣ моего отъѣзда!... скажите пожалуйста! такъ вы дочь Александры Сергеевны?... Боже мой! какъ же, я ее очень хорошо зналъ... я жилъ, назадъ тому тридцать три года, въ одномъ домѣ съ ними и часто видалъ ихъ... То-то я гляжу, такое знакомое лицо, вы похожи на свою маменьку! прекрасная была дѣвица! такая же хорошенькая какъ вы, немножко была вѣтрена... да это не бѣда!.. теперь я узналъ, что не даромъ сказана пословица: въ тихомъ омутѣ черти водятся! справедливо, какъ нельзя болѣе! да! еслибъ не другая особа, я непремѣнно бы женился на вашей маменькѣ... Теперь даже жалѣю, что не сдѣлалъ этого...

Лунская. А знаете, какъ она васъ помнила... она часто говорила мнѣ о васъ... и одного только желала, когда нибудь встрѣтиться съ вами!

Стрѣлкинъ. Бѣдняжка! такъ она умерла?

Лунская. Да, вскорѣ послѣ папеньки... и предъ смертію поручила мнѣ отдать вамъ этотъ пакетъ... матушка говорила мнѣ, что онъ принадлежитъ вамъ и только отданъ былъ ей на сохраненіе... (*Отдаетъ ему пакетъ*).

Стрѣлкинъ. Дайте, дайте его сюда, мой другъ!... (*Раскрывая пакетъ*). Эти письма Софьи... они вѣрно, были у нея на сохраненіи...(*особо*). Бѣдная, Сашенька! какъ жаль, что ты умерла!... вотъ эта бы была истиннымъ мнѣ другомъ... Боже мой! какъ я былъ слѣпъ!... счастіе было такъ близко отъ меня, на одной лѣстницѣ... и я выпустилъ его изъ рукъ!.. (*Смотря на Лунскую*). Она, быть можетъ, была бы моей дочерью... но кто жъ мнѣ мѣшаетъ и теперь?... (*Садится къ столу и разсматриваетъ письма, безпрестанно вздыхая*).

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

Лунская, Стрѣлкинъ, (у стола), Илья Семенычъ, (стучится въ дверь на право).

Илья Семенычъ. Кто тутъ? отворите! отворите!

Лунская, (*подбѣгая къ двери*). Боже мой... не запертъ ли онъ?... такъ и есть... и ключа нѣтъ...

Стрѣлкинъ, (*разсматривая письма*). Да, это заперла его сейчасъ маменька!

Лунская. И вѣрно для того, чтобъ онъ не могъ со мною проститься...

Илья Семенычъ, (*показываясь въ окошкѣ, надъ дверью*). Проститься?.. что это значитъ? развѣ ты куда нибудь ѣдешь?

Лунская. Сію минуту!.. за мною пришелъ Лаврентій Петровичъ!..

Илья Семенычъ. Нѣтъ! этому не бывать!.. скажи имъ, если они тебя разлучатъ со мною, тогда я рѣшусь на все... и самъ убѣгу изъ дома... увезу тебя...

Стрѣлкинъ, (поспѣшно вставая). Браво!.. браво!.. я узнаю въ немъ себя!..

Илья Семенычъ. Погоди только... дай разломать мнѣ дверь... я имъ покажу себя... (*Стучитъ въ дверь ногами*).

Стрѣлкинъ. Разломать дверь?. браависсимо!.. молодецъ!.. однако жъ, позвольте!.. они могутъ услышать стукъ и прибѣгутъ сюда... тогда все пропало!..

Лунская. Правда!.. но какъ же онъ выйдетъ?

Илья Семенычъ. Приступомъ! перелѣзу черезъ окно!

Стрѣлкинъ. Славно придумано!

Лунская. Но онъ можетъ ушибиться?..

Стрѣлкинъ. Не безпокойтесь, мы ему поможемъ... два, три стула и довольно!

Илья Семенычъ. Такъ скорѣе же! на приступъ!

Стрѣлкинъ, (*весело*). На приступъ! (*Беретъ кресло и ставитъ его къ двери.*)

Лунская (*становясь на это кресло*). Только пожалуйста, осторожнѣе . . .

(Стрѣлкинъ беретъ другое кресло и держитъ еще его въ рукахъ, когда входитъ Софья Петровна.)

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Лунская, (у двери на право, на креслахъ), Илья Семенычъ, (высунувшись въ окошко, разговариваетъ съ Лунской и цѣлуетъ ея руку), Стрѣлкинъ, (съ кресломъ въ рукахъ, на лѣво), Бураковъ и Софья Петровна, (входятъ, разговаривая, въ дверь на лѣво).

Софья Петровна, (*Буракову*). Чудесный, я вамъ говорю, жилецъ! (*Увидя Стрѣлкина*). Да онъ еще здѣсь! вотъ онъ!

Бураковъ, (*держа въ рукахъ ключъ*). Помилуйте! да онъ ужъ не совсѣмъ ли сюда переѣхалъ?.. (*Подходя къ Стрѣлкину*). Позвольте познакомиться... (*Разговариваетъ тихо съ Стрѣлкинымъ.*)

Софья Петровна, (*увидя, между тѣмъ, Илью Семеныча и Лунскую, которые, не замѣчая вошедшихъ, все еще разговариваютъ*). Что это? что я вижу?..

Вмѣс. { *Илья Семенычъ.* Маменька!
{ *Лунская.* Софья Петровна!

Софья Петровна. Господи, Боже мой! какой соблазнъ!.. (*Схватываетъ за руку Лунскую и стаскиваетъ ее со стула*). Что это вы затѣяли, сударыня? и гдѣ же, въ моемъ домѣ?..

Бураковъ. Помилуйте! что это?.. (*Подходитъ къ двери на право, отворяетъ ее и входитъ въ комнату, между тѣмъ Стрѣлкинъ садится снова къ столу и перечитываетъ письма.*)

Софья Петровна, (*Лунской*). И кто васъ этому научилъ? заглядывать въ комнату къ молодому человѣку! шептаться съ нимъ!.. развѣ этому, прости Господи, я васъ учила? съ кого вы это брали примѣры?..

Стрѣлкинъ, (*разкрывая одно письмо, читаетъ*). «Маменька запрещаетъ мнѣ васъ видѣть... но я ее не послушаюсь... только бы былъ случай... только бы ушла маменька, я позволю вамъ притти къ намъ!..»

Софья Петровна. Боже мой! что я слышу!..

Бураковъ, (*выходя изъ двери на право съ Ильей Семенычемъ*). Помилуйте, на что это похоже!..

Илья Семенычъ. Но, батюшка...

Софья Петровна. Молчите!.. вы, сударь, также очень виноваты!.. вы забыли всѣ приличія!.. вотъ сынка Богъ послалъ! Господи! прости мое согрѣшеніе!.. Этакую завелъ исторію!.. вздумалъ ломать двери... ломать окошки...

Стрѣлкинъ, (*сидя у стола, читаетъ другое письмо*). «Пожалуйста, милый Викторъ, будьте осторожнѣе, не останавливайтесь у моего окна!.. и маменька, и сосѣди наши могутъ замѣтить... если бъ не они, я готова бы была впустить васъ чрезъ окно въ комнату...»

Софья Петровна. Боже мой! опять!

Бураковъ, (*подойдя къ Софьѣ Петровнѣ*). Что это, Софья Петровна?.. что читаетъ этотъ господинъ?

Стрѣлкинъ, (*не вставая*). Романъ въ письмахъ, который я намѣренъ напечатать, и даже съ истинными именами дѣйствующихъ...

Софья Петровна, (*въ сторону*). Что я слышу!

Стрѣлкинъ. Этотъ романъ можетъ принесть большое счастіе нѣкоторымъ людямъ... только бы было согласіе...

Бураковъ. Вѣрно согласіе автора?

Стрѣлкинъ. Именно!

Бураковъ. Пожалуйте! должно быть весьма любопытно... (*хочетъ взять письма.*) Позвольте полюбопытствовать...

Софья Петровна, (*удерживая его.*) Перестаньте! что за любопытство такое!

Бураковъ (*Стрѣлкину.*) Вотъ видите... моя жена, Софья Петровна, не позволяетъ мнѣ никогда читать романовъ... терпѣть ихъ не можетъ... помилуйте, она у меня съ такой строгой нравственностью...

Стрѣлкинъ. Я не знаю, за чѣмъ же запрещать?.. Въ подобныхъ романахъ много найдется интереснаго и нравоучительнаго... напримѣръ, въ этомъ романѣ, презанимательное начало и препечальный конецъ... (*Софьѣ Петровнѣ, отдавая письмо.*) Вотъ, одно, для образца... не угодно ли вамъ самимъ прочесть, сударыня?.. Возьмите...

Софья Петровна, (*съ изумленіемъ, намѣреваясь спрятать письмо.*) Но я...

Стрѣлкинъ. Не бойтесь ничего, сударыня... читайте!.. главный интересъ заключается вотъ въ этихъ письмахъ... (*Показываетъ оставшіяся у него письма.*)

Бураковъ (*Софьѣ Петровнѣ.*) Читайте, Софья Петровна, читайте...

Софья Петровна, (*читая съ смущеніемъ.*) «Милый другъ мой... несравненный...»

Стрѣлкинъ. Только, пожалуйста, собственныя имена мимо!

Бураковъ. Помилуйте, конечно... за чѣмъ намъ знать... пусть хоть будетъ несравненный г. N.

Стрѣлкинъ, (*тихо Софьѣ Петровнѣ, которая просебя дочитываетъ письмо*). Это начало нашего романа... вспомните прошлое и подумайте, что вы дѣлаете съ вашимъ сыномъ...

(На мотивы изъ оперы: Гугеноты.)

Васъ мучила судьба безбожно...
Но будьте съ сыномъ вы добрѣй!
(Громко.)
Намъ всѣмъ кончать романы должно,
Счастливой свадьбой безъ затѣй!

Бураковъ, Илья Семенычъ и Лунская.
Да, это точно справедливо!

Вмѣстѣ.

Илья Семенычъ и Лунская, (къ Софьѣ Петровнѣ).
О, дайте кончить намъ счастливо
Романъ, любовью начатой!

Бураковъ.
Такъ дайте жъ кончить имъ счастливо
Романъ, любовью начатой!

Софья Петровна.
Нѣтъ, не хочу! нѣтъ, съ глазъ долой!

Стрѣлкинъ, (взявъ скрыпку и играя слѣдующую арію, поетъ:)
«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой,
Приди, о, князь, ты мой драгой!»

Софья Петровна, (особо).
Что слышу я? воспоминанья
Вдругъ стали душу волновать...
Я вспомнила мои страданья...
Такъ и они должны страдать!
Меня судьба ожесточила...
Но я не погублю дѣтей!...
(Ильѣ Семенычу).
Возьми себѣ, мой другъ, что мило
И будь на вѣки счастливъ съ ней!

Илья Семенычъ и Лунская, (бросаясь къ ней.)
О, матушка!... нѣтъ, мы не въ силѣ
Благодарить какъ должно васъ...
Теперь на вѣкъ вы оживили
И счастіе и радость въ насъ!

Вмѣстѣ.

Бураковъ и Стрѣлкинъ.
Теперь съ собой вы помирили
Дѣтей своихъ и съ ними насъ!

Софья Петровна.
Лишь только бъ въ мирѣ вѣкъ вы жили,
Такъ счастье не оставитъ васъ!

Стрѣлкинъ, (*въ сторону*). Она еще несовсѣмъ измѣнилась... въ ней осталась слабость къ музыкѣ...

Илья Семенычъ, (*обнимая Стрѣлкина.*) Нашъ благодѣтель!... нашъ другъ!

Лунская (Стрѣлкину.) Мы вамъ обязаны нашимъ счастіемъ!

Стрѣлкинъ. Полноте!... полноте!..

Софья Петровна, (*особо.*) А жаль! все таки у нея ничего нѣтъ!...

Илья Семенычъ. Мы будемъ васъ любить до гроба!

Лунская. А я съ нынѣшняго дня буду считать васъ вторымъ моимъ отцомъ!

Стрѣлкинъ, (*со слезами*). О, да! называйте меня отцомъ своимъ! я тогда не буду одинокимъ въ мірѣ!... Да, у меня теперь есть дочь!... Объявляю торжественно, что я, старый холостякъ, Викторъ Стрѣлкинъ, даю клятву никогда не жениться и все мое состояніе отдаю моей дочери... (*показывая на Лунскую*) и вотъ дочь моя!

Бураковъ. Помилуйте! такъ это Стрѣлкинъ!

Лунская. Да, другъ моей матушки!

Софья Петровна. Благородный человѣкъ! я это говорю отъ сердца!

Бураковъ. Помилуйте! весьма благороднѣйшій человѣкъ!... призрѣть такимъ образомъ сироту!...

Стрѣлкинъ. О, перестаньте!... (*въ сторону*). Я только помирился съ памятью доброй ея матери!... (*вслухъ*). Ну, дѣти мои! любовь услаждала мою молодость... постарайтесь-же, чтобъ хоть дружба лелѣяла меня на старости... если въ романѣ нашей жизни любовь занимаетъ первую главу... то дружба должна всегда заключать послѣднюю!

(Новая музыка.)

Софья Петровна, (къ публикѣ).
Предъ вами нынче я явилась
Сперва дѣвицей молодой,
Потомъ въ старуху превратилась...
И авторъ все тому виной!

Но ежели намъ всѣмъ случится
Задобрить васъ на этотъ разъ,
Тогда мы рады молодиться
И старѣться всегда для васъ!

Всѣ.

Да, мы готовы молодиться
И старѣться всегда для васъ!

ИТАЛІЯНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Четыре маски италіянскаго театра.

Четыре маски италіянскаго театра составляютъ естественный переходъ отъ народныхъ типовъ комедіи *dell'arte*, къ лицамъ комедіи, основанной на изображеніи характеровъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждая изъ сихъ масокъ представляетъ характеръ столько же отдѣльный и рѣзкій, какъ и ея костюмъ. *Панталонъ*, *Арлекинъ*, *Бригелла* и *Болонскій докторъ* — вотъ эти четыре совершенно новыя лица. Къ нимъ надобно было бы присоединить еще *Полишинеля* и *Скарамуша*; однакоже ихъ не смѣшиваютъ и ставятъ совсѣмъ отдѣльно, хотя сходство между всѣми этими шутами такъ велико, что трудно понять причину такого исключенія. Строго судя, его можно отнести только къ одному, а именно — что у Полишинеля и Скарамуша нѣтъ масокъ. Піесы, въ которыхъ играютъ четыре маски, вообще піесы извѣстнаго содержанія, отличныя отъ народныхъ фарсовъ Флоренціи, Рима и Неаполя только едва замѣтными оттѣнками. Вѣрность, съ которою каждое изъ четырехъ лицъ сохраняетъ свой характеръ — самое главное и существенное ихъ различіе. Венеціянецъ Панталонъ и Болонскій докторъ, люди порядочные, благородные отцы этой новой отрасли семейства италіянскихъ шутовъ; Арлекинъ и Бригелла, напротивъ, извѣстные въ венеціянскихъ владѣніяхъ подъ именемъ братьевъ Цани, слуги, люди низкаго происхожденія. Панталонъ обыкновенно добрый купецъ, который ведетъ свою торговлю честно; онъ простыхъ нравовъ и по наружности нѣсколько мѣшковатъ. При немъ почти всегда двѣ молоденькія и хорошенькія дѣвушки; а за ними ухаживаютъ, по крайней мѣрѣ, столько же волокитъ, которые непримѣтно надуваютъ бѣднаго Панталона, при помощи подкупленной служанки или слуги. Не мудренно, что Панталонъ имѣетъ наклонность къ торговлѣ; онъ родомъ изъ Венеціи, города торговаго по преимуществу. Нынѣшній костюмъ его все такой же, какъ и за два вѣка; онъ все еще щеголяетъ въ старинной венеціянской одеждѣ, въ шароварахъ, въ широкомъ колпакѣ, въ красныхъ чулкахъ и турецкихъ туфляхъ. Панталонъ не былъ слишкомъ расточителенъ и въ самую цвѣтущую пору Венеціянской торговли; а наконецъ, когда дѣла республики приняли дурной оборотъ, сдѣлался расчетливымъ до безконечности, даже скупымъ и не такъ уже легко допускаетъ себя обманывать; онъ носитъ маску, какъ всѣ его соотечественники, въ золотое время его юности и благосостоянія.

Докторъ, подобно Панталону, является съ большими требованіями на важность и благородство пріемовъ. Сверхъ того, онъ ученый и законовѣдецъ; слѣ-

довательно, непремѣнно Болонскій уроженецъ. Болонія съ незапамятныхъ временъ, домогалась первой степени въ наукахъ; въ среднія времена, она удостоилась даже характеристическаго названія *ученой*. Доктора зовутъ Граціано. Поэтъ Лучіо первый (около 1560 года,) перенесъ его изъ народнаго преданія на сцену. Докторъ неизбѣжно величайшій въ мірѣ педантъ; онъ знаетъ мало и плохо, а воображаетъ, что имѣетъ самыя обширныя и вѣрныя познанія. При такомъ невѣжествѣ, нѣтъ ничего забавнѣе его педантизма. Онъ ко всякому случаю и всегда не кстати, приводитъ искаженные латинскіе цитаты, или дѣлаетъ намеки на Миѳологію, превращая Ципариса въ источникъ, а Библису—въ кипарисъ. По его милости, три граціи прядутъ и перерѣзываютъ нить человѣческой жизни, а Парки прислуживаютъ Венерѣ; все это онъ высказываетъ съ неподражаемою увѣренностію и совсѣмъ безстрашіемъ глупости. Докторъ, какъ и всѣ люди довольные собою, любитъ поостриться на чужой счетъ; но злость удается ему не лучше учености. Изъ смѣшнаго, онъ становится отвратительнымъ; зритель чувствуетъ двоякое удовольствіе, когда кто нибудь сыграетъ надъ нимъ шутку. Достигнувъ званія адвоката, серъ Граціано понимаетъ только тѣ дѣла, которыхъ ему не поручали. Его рѣчи очень коротки, потому что никто не хочетъ ихъ слушать.

Докторъ сохранилъ костюмъ голандскихъ профессоровъ и адвокатовъ. Подобно Панталону, онъ слыветъ скрягою. Преданіе говоритъ, что маска которая закрываетъ носъ и лобъ доктора, была придумана въ воспоминаніе огромнаго багроваго пятна на лицѣ извѣстнаго, *во время оно*, законоискусника. Однакожь, *докторъ* болѣе столѣтія, какъ вышелъ изъ моды. Венеція и Миланъ согнали его съ своихъ театровъ; онъ принужденъ былъ искать убѣжища въ Болоньѣ, своей родинѣ; тамъ только его и можно видѣть.

Докторъ и Панталонъ, не смотря на все свое важничанье и надутый видъ, съ незапамятныхъ временъ, служатъ настоящимъ поводомъ для насмѣшекъ своимъ соотечественникамъ. Болонцы и венеціяне смѣются надъ ихъ скупостію и называютъ ихъ скрягами, скаредами. Такъ напр. они выводятъ ихъ на сцену во время пира; два друга сидятъ за непокрытымъ столомъ, кушаютъ собачью похлебку, пьютъ свѣтлое вино изъ ближняго фонтана и лакомятся утинымъ яйцомъ, изъ котораго желтокъ оставляютъ для себя, а бѣлокъ отдаютъ своимъ женамъ; молоко, разбавленное водою, составляетъ пищу ихъ дѣтей—пищу, которая, по ихъ мнѣнію, чрезвычайно легка и полезна для желудка.

Насмѣшники разсказываютъ, сверхъ того, множество забавныхъ приключеній, въ которыхъ эти двѣ маски были героями, или лучше сказать, жертвами. Панталонъ въ особенности несчастливъ. Онъ имѣетъ всѣ мелочные предразсудки, и во многихъ отношеніяхъ все невѣжество своихъ соотечественниковъ Славянской набережной, которые рѣдко отваживаются пуститься на твердую землю, для которыхъ дерево, карета, лошадь, невиданные чудеса. Однакоже Панталону часто случалось кататься изъ города въ городъ въ обществѣ своихъ сотоварищей, въ негодной наемной каретѣ; но онъ одинъ только разъ въ жизни отважился сѣсть на лошадь, и то, по обстоятельствамъ, совершенно независимымъ отъ его воли, вдругъ очутился какъ-то на сценѣ среди дороги; тогда онъ поклялся св. Марком, что его никто уже не уговоритъ сѣсть на лошадь. Эта единственная прогулка верхомъ, которой конецъ былъ такъ несчастливъ, исполнена любопытныхъ приключеній, которыя жители твердой земли разсказываютъ съ насмѣшливою улыбкою и которыя онѣ вѣрно съ намѣреніемъ преувеличиваютъ, кля-

ча, которую Панталонъ взялъ напрокатъ, вдругъ остановилась. Арлекинъ, слуга его, задалъ ей столько палочныхъ ударовъ, что смирное животное, выведенное изъ терпѣнія, лягнуло его изо всей мочи въ животъ. Арлекинъ, въ бѣшенствѣ, поднялъ камень и бросилъ имъ въ лошадь; сгоряча, онъ не успѣлъ намѣтиться, и вмѣсто того, чтобы попасть въ лошадь, попалъ прямо въ спину господина. Панталонъ обернулся съ тѣмъ, чтобы послать по крайней мѣрѣ тысячу проклятій Арлекину; вдругъ онъ увидѣлъ, что бѣднякъ тащится за нимъ, едва передвигая ноги, кряхтя и держась за животъ.—Что за дьявольскую лошадь дали намъ? закричалъ онъ ему.—Повѣришь ли, что въ то самое время, какъ она лягнула тебя въ животъ, меня она ударила въ спину!

Бергамо хорошенькій городокъ, выстроенный амфитеатромъ на послѣдней возвышенности италіянскихъ и вальпелинскихъ Альповъ—отечество двухъ слугъ, Бригеллы и Арлекина. Бергамо всегда служилъ метою насмѣшникамъ и остроумцамъ остальной Италіи. Эти господа величаютъ его нѣсколько неотесаннымъ,—жителей невѣжами и простяками, хотя бергамцы ничѣмъ не глупѣе своихъ сосѣдей, миланцевъ и венеціянъ. Два анекдота дадутъ намъ понятіе, хотя и косвеннымъ образомъ, о двухъ комедіянтахъ-слугахъ, уроженцахъ Бергамо. Одинъ бергамскій мызникъ поручилъ своему слугѣ, Джироламо, купить семьословъ. Джироламо пошелъ на рынокъ въ сосѣднее мѣстечко, купилъословъ и, на возвратномъ пути, сѣлъ на одного изъ купленныхъ животныхъ, гоня остальныхъ передъ собою. Онъ пріѣхалъ домой и, не сходя съ осла, не стучась у воротъ мызы, началъ считатьословъ и насчиталъ только шесть.—Вѣрно седьмой отсталъ на дорогѣ, говоритъ онъ, и тотчасъ обратно отправляется на рынокъ, ища вездѣ животнаго, котораго ему не доставало. Онъ выѣздилъ мѣстечко во всѣхъ направленіяхъ, объѣхалъ окрестности, спрашивалъ у каждаго прохожаго и никакъ не могъ отыскать потерявшаго осла. Въ этихъ розыскахъ, онъ провелъ весь остатокъ дня и весь вечеръ; наконецъ бѣдный оселъ, полумертвый отъ усталости и голода, рѣшительно отказался итти впередъ. Джироламо, выведенный изъ своей задумчивости этимъ дѣйствіемъ сопротивленія, бьетъ себя въ лобъ и говоритъ: «Ну, не дуракъ ли я!—вѣдь оселъ-то, котораго я искалъ, здѣсь; я самъ изволилъ прогуливаться на его спинѣ!» Этотъ слуга-простякъ, разсѣянный шутъ, — Арлекинъ. Однако-жъ есть случаи, въ которыхъ у него нѣтъ недостатка ни въ смѣтливости, ни въ хитрости.

Когда насмѣшки надъ соотечественниками Арлекина становились уже слишкомъ язвительны; когда флорентинцы, эти разбогатѣвшіе купцы, такъ много думавшіе о своемъ умѣ, становились въ главѣ дерзкихъ насмѣшниковъ и осыпали ихъ бѣглымъ огнемъ эпиграммъ, бергамцы отвѣчали имъ слѣдующимъ простымъ разсказомъ. Однажды, флорентинцы были еще злѣе обыкновеннаго и своими насмѣшками вывели изъ терпѣнія жителей Бергамо; тогда послѣдніе рѣшились отмстить такимъ образомъ, который бы сдѣлалъ имъ честь. Они отправляютъ во Флоренцію депутатовъ. Депутаты входятъ въ залу академіи и начинаютъ говорить въ слѣдующихъ словахъ созваннымъ членамъ:—«Вы называете насъ глупцами и считаете себя ученѣе насъ;—хорошо; мы пришли съ тѣмъ, чтобы предложить вамъ публичное состязаніе въ учености. Мѣстомъ состязанія будетъ Бергамо; судьями венеціяне и болонцы.» Флорентинцы приняли вызовъ съ презрѣніемъ, котораго даже не старались скрывать. Рѣшили, что избранные изъ флорентинскихъ ученыхъ отправятся въ Бергамо и вступятъ тамъ въ состязаніе о самыхъ отвлеченныхъ

предметахъ наукъ съ равнымъ числомъ ученыхъ этого города.

Наканунѣ дня, назначеннаго для состязанія, когда флорентинцы были уже въ дорогѣ, бергамцы собрали ученѣйшихъ особъ своего города, всѣхъ, которые говорили по гречески, или по латини. Однихъ они нарядили въ платье крестьянъ, другихъ — въ костюмъ слугъ и трактирщиковъ; молодые люди, у которыхъ еще не пробилась борода, одѣлись трактирными служанками. Между тѣмъ, возвѣщаютъ, что флорентинцы сейчасъ будутъ. Всѣ импровизированные комедіанты, твердо заучивъ свои роли, отправляются къ нимъ на встрѣчу;— одни занимаютъ трактиры, другіе гостинницы и постоялые дворы въ городѣ.

Флорентинцы, богато одѣтые, верхомъ на борзыхъ лошакахъ, приближались уже къ Бергамо; одинъ изъ нихъ видитъ возлѣ дороги крестьянина, который копалъ землю.—Сколько миль отсюда до города? спрашиваетъ онъ у него съ насмѣшливымъ видомъ, стараясь какъ можно лучше передразнивать грубое нарѣчіе бергамцевъ.—Три мили, отвѣчаетъ крестьянинъ на чистомъ латинскомъ языкѣ.— Достигнувъ мѣста, откуда открывался городъ, депутаты останавливаются въ селеніи, недалеко отъ предмѣстій, съ тѣмъ, чтобы освѣжиться и отдохнуть нѣсколько минутъ, прежде своего вступленія въ городъ. Они стучатъ у воротъ небольшаго трактира; хозяинъ привѣтствуетъ ихъ рѣчью въ ролѣ Цицерона и приводитъ стихи изъ Горація и Анакреона, наливая вино. Мальчикъ, которому они поручаютъ своихъ лошаковъ, отвѣчаетъ имъ по латини; дѣвушка, съ которою одинъ изъ молодыхъ ученыхъ заигрываетъ и хочетъ ее поцѣловать, убѣгаетъ, посылая ему нѣсколько проклятій, заимствованныхъ у одной изъ героинь Сенеки. Флорентинцы въ изумленіи посматриваютъ другъ на друга. — Если такъ выражается бергамская сволочь, то чего же должно ожидать отъ записныхъ ученыхъ? Однакоже они настаиваютъ въ своемъ намѣреніи, садятся на лошадей и приближаются къ городскимъ воротамъ. Ихъ удивленіе увеличивается, когда часовой у воротъ привѣтствуетъ ихъ стихами изъ Одиссеи. Когда же, сойдя съ лошадей, у дворца, приготовленнаго къ ихъ принятію, они услышали, что слуги и носильщики изъясняются на латинскомъ языкѣ въ самыхъ отборныхъ выраженіяхъ; когда, встрѣтивъ ихъ великолѣпнымъ греческимъ привѣтствіемъ, хозяинъ повелъ ихъ въ столовую, гдѣ поваръ предложилъ имъ свои услуги такимъ цвѣтистымъ языкомъ, который бы сдѣлалъ честь дворецкому Апиціуса,—тогда ужасъ заступилъ мѣсто удивленія. Они думали уже только о томъ, какъ бы избѣжать стыда публичнаго пораженія, отказались отъ состязанія, воспользовавшись первымъ къ тому предлогомъ и поспѣшили отправиться въ обратный путь, божась Геркулесомъ, что Бергамо несправедливо укоряли въ невѣжествѣ и что онъ, несравненно болѣе Болоньи, заслуживаетъ названіе *ученаго города*. Между тѣмъ, одному изъ этихъ минутныхъ слугъ, столь остроумныхъ и лукавыхъ, такъ полюбилось трактирное вино и ремесло прислужника, что онъ не захотѣлъ его оставить; это былъ плутъ Бригелла, прехитрый негодяй, который въ послѣдствіи забылъ свой латинскій языкъ. Вотъ два оттѣнка характера Бергамцевъ, которые, лучше всякаго длиннаго разбора, обрисовываютъ Арлекина и Бригеллу, столь-же различныхъ костюмомъ, сколько пріемами и умомъ. Бригелла ловокъ и хитеръ; Арлекинъ простъ и тупъ. Платье Бригеллы, лакея-плута и проказы, походитъ на какую-то странную ливрею; маска его темнаго цвѣта. Этимъ хотѣли означить смуглый цвѣтъ жителей бергамскихъ холмовъ, лишенныхъ зелени и палимыхъ солнцемъ. Скапинъ, Фенокіо и Фикето суть отрасли или измѣненія того же лица.

Въ Арлекинѣ замѣтны требованія на лукавство; но онъ вѣчно остается простодушенъ до глупости. Его костюмъ всѣмъ извѣстенъ. Одежда слуги лекаря,—бѣлняги, который подбиралъ всѣ лоскутья на улицѣ, чтобы закрыть ими дыры на своемъ платьѣ; плоская треугольная шляпа, вся вытертая, формою похожая на военную, принадлежала когда-то нищему, которому она досталась по наслѣдству отъ солдата; заячій хвостъ, который онъ украшаетъ, есть въ одно и то-же время эмблема мужества этого лица и обычный нарядъ бергамскихъ поселянъ. Странное дѣло, какъ нашъ вѣкъ, который если не все уничтожилъ, то по крайней мѣрѣ все измѣнилъ, — не могъ сорвать маски ни съ одного изъ четырехъ италіянскихъ шутовъ. Они презрѣли непостоянство публики, своенравіе сочинителей, тиранство моды. На ихъ глазахъ умерла венеціянская аристократія, которая ихъ презирала. Они пережили республику, Совѣтъ Десяти. Панталонъ, Бригелла и Арлекинъ, три маски Венеціи, схоронили трехъ государственныхъ инквизиторовъ. Что же спасло ихъ среди всѣхъ измѣненій и переворотовъ?—Ихъ народность. Если они продолжаютъ нравиться массѣ народа; если, забавляя отцевъ, забавляютъ еще и дѣтей, мы должны заключить изъ этого, что венеціяне чрезвычайно постоянны въ своихъ удовольствіяхъ и что, въ сущности, характеръ народа мало измѣнился. Въ половинѣ послѣдняго столѣтія, представители старинной комедіи *dell'arte* должны были выдержать самое жестокое сраженіе, когда Гольдони, уступая вліянію французской литературы, покусился произвести театральную реформу, въ чемъ онъ никогда однако-же не могъ успѣть. «*Momolo Cortesan*», комедія, наполненная лестью венеціянскому дворянству и «*il Prodigo*»—два произведенія, въ которыхъ онъ пытался создать новый родъ комедіи. Въ этихъ двухъ піесахъ, Гольдони замѣнилъ истертую канву старинной комедіи разговоромъ, а масокъ — лицами, заимствованными изъ дѣйствительной жизни. Онѣ имѣли успѣхъ; между тѣмъ, Гольдони, почти около того же времени, и самъ уступилъ требованіямъ публики и актеровъ. Онъ поставилъ на сцену двѣ большія комедіи въ старинномъ родѣ («32 Несчастія Арлекина» и «Ужасная ночь»), въ которыхъ Арлекинъ и Панталонъ являются во всемъ блескѣ и забавляютъ публику своими обыкновенными подвигами. Гольдони даже не могъ снять съ нихъ маски. Впрочемъ, онъ употреблялъ ихъ совершенно противъ воли.—Маска, говорилъ онъ (и очень справедливо) всегда вредитъ игрѣ актера; веселъ ли онъ, или печаленъ, влюбленъ, раздраженъ, или смѣшонъ, у него все одно и то-же лицо, холодное и неподвижное, все тотъ-же картонъ. Напрасно прибѣгаетъ актеръ къ жестамъ, перемѣняетъ положеніе, измѣняетъ голосъ; онъ ластъ чувствовать только общія черты, только рѣзкія движенія страсти и поставленъ рѣшительно въ невозможность выразить ея безчисленные оттѣнки. Итакъ, Панталонъ, Бригелла, Арлекинъ и докторъ у Гольдони сохранили маску. Отъ времени до времени, онъ издалъ нѣсколько комедій, изображающихъ характеры. Онѣ принимались съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Однако-же, онъ покорился необходимости и писалъ болѣе въ томъ родѣ, который презиралъ. Каждый мѣсяцъ онъ отдавалъ на сцену комедію съ условнымъ содержаніемъ, не ожидая отъ того себѣ ни чести, ни славы,—за то кошелекъ его былъ всегда полонъ. Но Гольдони очень ошибался: піесы, которыя онъ набрасывалъ, такъ сказать, шутя, которыя предлагалъ публикѣ съ тайнымъ презрѣніемъ, и особенно тѣ, въ которыхъ преимущественно употреблялъ венеціянское нарѣчіе, онѣ-то и пользуются большею народностію и наиболѣе способствовали къ его славѣ.

Гольдони у италіянцевъ то-же, въ от-

ношеніи къ Макіавелю и Аріосту, что у французовъ Никаръ въ отношеніи къ Мольеру и Реньяру. Однако-же, его невѣроятная плодовитость заставляетъ исключить его изъ ряда обыкновенныхъ писателей. Случалось, что Гольдони обязывался, при заключеніи театральной поры, поставить публикѣ на слѣдующую 16-ть новыхъ піесъ. И въ самомъ дѣлѣ, рѣшась сдержать слово во что бы то ни стало, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ сочинялъ и ставилъ на сценѣ 16 піесъ въ трехъ дѣйствіяхъ, изъ которыхъ каждая продолжалась три часа, а иногда въ придачу давалъ семнадцатую. Арлекинъ въ піесахъ Гольдони ужъ не тотъ глупецъ, который, считая себя умершимъ, заказываетъ гробъ и располагается присутствовать при собственныхъ похоронахъ; уже не тотъ безсмысленный, который въ минуту отчаянія хочетъ повѣситься до тѣхъ поръ, пока пройдетъ его горесть; не тотъ дуракъ, который, когда жена его мучится родами, обѣщаетъ ей, чтобы ее утѣшить, что въ другой разъ онъ самъ за нее родитъ. Его глупость не такъ груба, дурачество не такъ бросается въ глаза, остроты не такъ плоски и пошлы. Онъ уже не съ такимъ безстыдствомъ лжетъ, не такъ мужиковатъ, и съ большею умѣренностію употребляетъ свою палку; но все еще большой ребенокъ, который въ одно и то-же мгновеніе плачетъ и смѣется, сердится и мирится и какъ котенокъ царапается и ласкается. Недостигая еще до простодушной и деликатной глупости, до нѣжнаго лукавства, за которыя, благодаря Флоріану, онъ такъ долго нравился французской публикѣ, Арлекинъ сдѣлался однако-же гораздо занимательнѣе. Въ безчисленныхъ драмахъ Гольдони и его соперника Гоцци, Арлекинъ нѣсколько измѣнялъ свой характеръ, но всегда сохраняетъ свое платье и свое проворство. Когда онъ идетъ ночью на любовное свиданіе и когда любовница, прослушавъ его серенаду, отворяетъ окно, Арлекинъ все еще самымъ уморительнымъ образомъ кувыркается, держа преживописно въ рукѣ зажженную свѣчу. Когда Бригелла позволяетъ себѣ съ нимъ какую-нибудь дерзость, Арлекинъ проворно даетъ ему пощечину ногою; а въ минуты сердечнаго сокрушенія, онъ, читая свои «mea culpa», бьетъ себя пяткою въ грудь. Когда Панталонъ, которому наскучило быть безпрестанно обкраденнымъ, посылаетъ за нимъ сбировъ, Арлекинъ неизбѣжно исчезаетъ въ отверстіе, гдѣ сидитъ суфлеръ и обѣгаетъ всю залу по балюстрадѣ ложъ. Бригелла его всегдашній противникъ; Панталонъ—жертва. Арлекинъ, подобно Бригеллѣ, имѣетъ подражателей. *Труффальдины* и *Труканьины* принадлежатъ къ его школѣ. Полагаютъ даже, что самъ онъ скрывался иногда подъ именами *Граделина* и *Мецелина*, сохраняя, какъ *Бригелла-Скапинъ*, свой оригинальный характеръ, подъ вымышленнымъ именемъ. Панталонъ и докторъ,—лица болѣе важныя, болѣе дорожатъ своимъ именемъ и никогда его не измѣняютъ. Иногда они снимали маску; но и въ этомъ виноваты не столько они сами, сколько Гольдони, суетный и безсильный нововводитель, который не разъ уже необдуманно подвергалъ опасности ихъ доброе имя. Впрочемъ, они сами всегда на то навязывались.

Вотъ, напримѣръ, однажды, какой-то толстякъ, съ улыбающимся лицемъ, стучится у дверей поэта, который на время сдѣлался адвокатомъ. — Кто вы такой?— Я Дарбесъ. — Какъ, г. Дарбесъ, сынъ фріульскаго почт-директора, безъ вѣсти пропавшій? — Онъ самый. — Чѣмъ же вы теперь занимаетесь? Дарбесъ встаетъ и, потрепавъ ладонью по своему огромному брюху: — Г. Гольдони, говоритъ онъ съ комическою гордостію: — я комедіянтъ, и безъ хвастовства скажу, что если смерть похитила Гарелли, то Дарбесъ замѣнилъ совершенно эту потерю. Но, говоря откровенно, я выхваляю

себя передъ вами, потому что имѣю въ васъ нужду. — Вы имѣете во мнѣ нужду? — Точно такъ, г. Гольдони; я пришелъ просить васъ, чтобы вы написали мнѣ комедію. Я обѣщалъ товарищамъ піесу вашего сочиненія; надѣюсь непремѣнно получить ее и выиграть закладъ... — Я теперь занятъ... не могу. — Но вы можете написать мнѣ піесу, когда вамъ вздумается. Говоря такимъ образомъ, Дарбесъ беретъ у Гольдони табакерку, кладетъ въ нее нѣсколько золотыхъ монетъ, потомъ закрываетъ и ставитъ опять на столъ. Каждое движеніе онъ сопровождаетъ остротами, которыя обнаруживаютъ его продѣлку. Гольдони открываетъ табакерку, изъявляетъ свое негодованіе и хочетъ возвратить деньги. — Не сердитесь, говоритъ ему Дарбесъ: — это маленькій задатокъ, — на бумагу. Гольдони противится; Дарбесъ настаиваетъ, дѣлается часъ отъ часу неотступнѣе, закрываетъ снова табакерку, раскланивается и исчезаетъ. Гольдони наконецъ пишетъ къ Дарбесу, обѣщая сочинить для него комедію. Дарбесъ отвѣчаетъ: — «И такъ, я буду имѣть комедію Гольдони!... Я молодъ, но теперь смѣло пущусь въ состязаніе со всѣми Панталонами Венеціи, съ Рубини на Сенъ-Лукскомъ, съ Коррини на Сенъ-Самуельскомъ театрахъ; храбро сражусь съ Феррамонте въ Болоньи, съ Казини въ Миланѣ; уничтожу Беллоти во Флоренціи, Голинетти въ его уединеніи и даже Горелли въ могилѣ.» Изъ этого исчисленія Панталоновъ можно заключить, что тогда была самая счастливая для нихъ пора.

Tonin bella gracia (Миленькій Тонинъ), такъ называлась піеса, написанная Гольдони для Дарбеса, который игралъ въ ней безъ маски роль Панталона. Она совершенно упала. Бѣдный актеръ былъ очень опечаленъ сей неудачею. Но Гольдони доставилъ ему случай загладить свою неудачу въ комедіи «*Благоразумный*», гдѣ Дарбесъ снова явился въ завѣтной маскѣ. Легкій разборъ этой комедіи, имѣвшей большой успѣхъ, покажетъ намъ Панталона въ дѣйствіи и въ то же время дастъ понятіе объ изящномъ вкусѣ того времени.

Панталонъ, богатый венеціянскій негоціантъ — разбогатѣлъ и удалился въ Сорренто у Неаполитанскаго залива. У него двое дѣтей отъ перваго брака: Оттавіо и Розаура; но это не мѣшаетъ ему жениться въ другой разъ на донинѣ Беатриче, дочери неаполитанскаго купца. Панталонъ и донна Беатриче не долго живутъ, какъ подобаетъ добрымъ супругамъ. Впрочемъ, не Панталонъ тому виною. Онъ благоразуменъ; съ нимъ легко ужиться. Но его жена кокетка, злая, мстительная и, сверхъ того, окружена чичисбеями. Поведеніе дѣтей еще болѣе увеличиваетъ безпорядокъ въ семействѣ: Оттавіо — мотъ; Розаура — дурочка. У Оттавіо есть любовницы; у Розауры любовникъ. Панталонъ, какъ благоразумный отецъ, попеременно увѣщеваетъ каждаго изъ членовъ своего семейства, но они или отвѣчаютъ ему грубостями, или пропускаютъ его слова мимо ушей. Панталонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, остороженъ, и потому прибѣгаетъ къ средствамъ болѣе дѣйствительнымъ не прежде, какъ совершенно истощивъ мѣры кротости; сначала, онъ даетъ отеческія наставленія; потомъ уже начинаетъ бранить; но брань его такъ-же недѣйствительна, какъ и увѣщанія. Къ довершенію всего, его же бранятъ, надъ нимъ же смѣются, — мать, дочь, сынъ — все возстаетъ на бѣднаго Панталона; наконецъ, онъ уступаетъ имъ мѣсто сраженія и обращается въ бѣгство.

Беатриче, выведенная изъ себя угрозами мужа и направляемая совѣтами плута-чичисбея, задумала отмстить за себя, т. е. отдѣлаться отъ Панталона. Она хотѣла склонить на свою сторону пасынка и падчерицу, но ей рѣшается содѣйствовать одинъ Оттавіо. Онъ покупаетъ ядъ, а мачиха берется дать

его мужу. Она выбираетъ минуту, когда поваръ за чѣмъ-то отвернулся, и бросаетъ ядъ въ похлебку, назначенную для *благоразумнаго человѣка*. Здѣсь фарсъ сбивается на трагедію; но скоро трагедія снова впадаетъ въ фарсъ. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ, какъ отравленный супъ кипитъ на очагѣ, любимая собаченка Розауры, привлеченная запахомъ, вертится около печки, изъявляя громкимъ лаемъ свое желаніе отвѣдать вкуснаго кушанья. Розаура, ни мало не медля, удѣляетъ ей часть отцовскаго завтрака. Съ бѣднымъ животнымъ, послѣ нѣсколькихъ глотковъ, сдѣлались судороги — оно издохло. Розаура въ отчаяніи; между тѣмъ приходитъ ея любовникъ, хитрый неаполитанецъ, который тотчасъ догадывается, въ чемъ дѣло. Разсчитывая очень справедливо, что когда повѣсятъ Оттавіо и Беатриче, приданое Розауры увеличится имѣніемъ его будущаго зятя и будущей мачихи, онъ бѣжитъ съ доносомъ въ полицію.

Лишь только онъ ушелъ, приходитъ Панталонъ за завтракомъ, котораго ему такъ долго не давали. Розаура сообщаетъ ему свое открытіе. *Благоразумный человѣкъ*, какъ легко можно представить, рѣшается обойтись безъ завтрака; этого мало—онъ беретъ кострюлю и бросаетъ ее и съ похлебкою за окно. Въ это время являются сбиры и уводятъ Беатриче и Оттавіо. Производятъ слѣдствіе. Здѣсь великодушіе *благоразумнаго человѣка* высказывается въ полномъ блескѣ. Онъ не только не хочетъ обличить виновныхъ, но даже самъ дѣлается ихъ защитникомъ. При этомъ случаѣ, Панталонъ говоритъ длинную, комически-трогательную рѣчь. Особенно сильно заключеніе этой рѣчи. Ораторъ, представляя новое свидѣтельство для подтвержденія невинности жены и сына, вдругъ выпускаетъ изъ-подъ платья собаченку, совершенно подобную той, которая умерла отъ яда. Собаченка съ громкимъ лаемъ бросается въ залу. Судьи не могутъ противиться такому оглушительному краснорѣчію и оправдываютъ подсудимыхъ. Панталонъ торжествуетъ; честь семейства его спасена; но, какъ истинно *благоразумный человѣкъ*, онъ даетъ себѣ слово никогда не ѣсть похлебки утромъ и непремѣнно самому свидѣтельствовать свое кушанье.

Успѣхъ подобныхъ произведеній не дѣлаетъ много чести венеціянской публикѣ прошедшаго столѣтія и даетъ высокое понятіе объ актерахъ. Съ какимъ умомъ, съ какимъ жаромъ должны были играть Голинетти, Дарбесы, Сакки, чтобы сдѣлать не только сносными, но даже занимательными плоскости Арлекина, грубыя шутки Бригеллы и тяжелыя, безобразныя выходки правоучителя Панталона. Правда, прелестное венеціянское нарѣчіе много помогало и сочинителю и актерамъ— это самый милый и нѣжный изъ всѣхъ итальянскихъ діалектовъ. Самъ Гольдони, употреблявшій его предпочтительно предъ прочими, сознается въ томъ въ своихъ запискахъ.—«Венеціянское произношеніе,—говоритъ онъ,—ясно, нѣжно, легко и сообщаетъ особенную выразительность словамъ; для каждаго предмета у нихъ есть множество наименованій, изъ которыхъ такъ удобно составлять остроумныя и гармоническія фразы.» Любовь къ наслажденіямъ, безпечность и тихая веселость составляли въ послѣднемъ вѣкѣ основаніе венеціянскаго характера. Поэтому не должно удивляться, что ихъ простонародный языкъ такъ хорошо приспособляется къ шуткѣ. Гольдони нигдѣ не возвышается до такого истиннаго, неподражаемаго комизма, какъ въ простодушныхъ описаніяхъ венеціянскихъ нравовъ и когда онъ употребляетъ ихъ народный языкъ. Напротивъ того, въ своихъ трудныхъ и тяжелыхъ *imbroglio*, въ своихъ характерныхъ комедіяхъ, онъ становится менѣе нежели посредственнымъ.

Гольдони основалъ особенную школу въ Италіи; но его подражатели, къ не-

счастію, переняли въ особенности его недостатки. Большая часть этихъ жалкихъ фигляровъ, будучи не въ состояніи изображать общество, котораго они не видали въ глаза, нападаютъ на какіе-то воображаемые недостатки, или рисуютъ характеры столь неестественные, что читатель болѣе расположенъ жалѣть о ихъ образцахъ, нежели забавляться ими. У нихъ, поэтъ непремѣнно жалкій, полупомѣшанный бѣднякъ, который никогда не навѣститъ пріятеля безъ того, чтобы не занять у него рубля. Купецъ — бездѣльникъ, который обвѣшиваетъ и хвалится своимъ мошенничествомъ. Судьи берутъ взятки съ живаго и мертваго и оправдываютъ того, у кого лучше набитъ кошелекъ; адвокаты занимаются тяжбами, по столько-то за часъ, и вѣчно готовы въ одно и то же засѣданіе говоритъ *за* и *противъ*. Лѣкари говорятъ латинскимъ языкомъ временъ Мольера, безстыдно морятъ больныхъ, или оставляютъ ихъ жить для того только, чтобы самимъ жить на ихъ счетъ. Военные непремѣнно грубы и храбры только на словахъ. Они говорятъ сопернику, который перебиваетъ имъ дорогу и волочится за ихъ любовницею:

Даю тебѣ на выборъ три—четыре рода смерти: ударомъ кулака я могу раздробить тебя въ дребезги; живаго зарыть въ землю; разрубить на десять частей; могу забросить тебя такъ высоко за облака, что тебя сожжетъ небесный огнь. Выбирай же скорѣе и позаботься передъ смертію устроить свои дѣла.

Но если соперникъ, вмѣсто того, чтобы обратиться въ бѣгство, отвѣчаетъ неустрашимо:

Пожалуйста, не горячитесь, я ужъ десятерыхъ такихъ убилъ за ночь —

они благоразумно ретируются и въ случаѣ необходимости сами предлагаютъ свою возлюбленную въ распоряженіе неустрашимаго соперника. Этимъ бѣднымъ авторамъ не столько не достаетъ жара и искусства, сколько ума и знанія свѣта. Оттого ихъ произведенія, особенно тѣ, въ которыхъ они изображаютъ общество—грубы, ложны и лишены всякой занимательности. Но возвратимся къ четыремъ маскамъ театра.

Онѣ нѣсколько утратили свою прежнюю славу. Докторъ удалился въ Болонію; а во всей Ломбардіи, въ Бергамо, въ Миланѣ, Менегино замѣнилъ Арлекина и Бригеллу. Менегино любимецъ миланской публики, герой театра Стадеры; онъ потѣшаетъ зрителей своею неловкостію; натыкается на стѣны, зацѣпляется за неровности пола, никогда не падая и нисколько не теряя своего хладнокровія. Наконецъ, самъ Панталонъ принятъ въ Венеціи равнодушно, скажу даже—холодно; бѣднякъ и съ лакеями служитъ только въ репертуарахъ театровъ третьяго разряда.

Между тѣмъ, Арлекинъ все тотъ же неловкій, исполненный проворства плутъ, тотъ же лукавый дуракъ, который намъ давно извѣстенъ. Онъ продаетъ домъ, и человѣку, который его торгуетъ, приноситъ кирпичъ, говоря: «Чтобы не безпокоить васъ осмотромъ покупки, я принесъ вамъ образчикъ.» Однажды онъ является въ изорванной куртке, въ лохмотьяхъ, въ самомъ нищенскомъ видѣ, какъ только можно вообразить, и проситъ милостыню. Панталонъ, къ которому онъ подходитъ съ обычною фразою неаполитанскихъ нищихъ: *fate mi ben per voi*— даетъ ему шестикопѣечникъ и требуетъ пять копѣекъ сдачи. Арлекинъ долго шаритъ въ карманахъ и ничего не находитъ. — Я вѣрно забылъ мелочь въ карманахъ другаго камзола, когда переодѣвался, говоритъ онъ и преспокойно прячетъ монету. Панталонъ уступаетъ ему, однако-жъ не даромъ; онъ хочетъ отплатить насмѣшкою.—Сколько у тебя отцевъ? спрашиваетъ онъ съ лукавымъ видомъ.—Да только одинъ, ваше сіятельство. —Какъ, негодяй, у тебя одинъ отецъ! Ну-ка, поройся, вѣрно

найдешь еще другаго. Арлекинъ, подумавъ съ минуту:—Ищу, ищу и ничего не могу найти; вотъ видите, г. Панталонъ, мы вѣдь люди бѣдные; если бы я былъ богатъ, какъ вы, то у меня, можетъ статься, также-бы нашлось 36 отцевъ.

Арлекинъ боленъ. Докторъ предписываетъ ему ванну и въ слѣдующее посѣщеніе спрашиваетъ, какъ она ему показалась? Очень мокрою, отвѣчаетъ больной. За тѣмъ, докторъ требуетъ платы. У Арлекина нѣтъ ни гроша; онъ на отрѣзъ отказывается платить. Докторъ называетъ его бездѣльникомъ и ведетъ въ судъ. Въ присутствіи судьи, Арлекинъ говоритъ: — Пусть докторъ пришлетъ мою болѣзнь; я замѣнъ я возвращу ему здоровье, которымъ, по милости его, теперь пользуюсь; каждый изъ насъ возьметъ ему принадлежащее и тогда мы будемъ квиты.

Панталонъ поручаетъ своему слугѣ, Арлекину, отнести къ одному изъ его пріятелей кружку кипрскаго вина; но зная, что Арлекинъ падокъ на лакомыя вещи, какъ муха, онъ не довѣряетъ плуту и съ большимъ стараніемъ запечатываетъ горлышко кружки. Арлекинъ просверливаетъ на днѣ ея дырочку, до половины ее опоражниваетъ и потомъ затыкаетъ отверзтіе. Пріятель, которому было назначено вино, открываетъ кружку и въ минуту замѣчаетъ убыль; онъ смотритъ на дно и находитъ отверзтіе.—Ахъ ты негодяй, говоритъ онъ Арлекину:—зачѣмъ ты провертѣлъ дыру на днѣ кружки и выпилъ вино?—Не можетъ быть, милостивый государь, отвѣчаетъ простодушно плутъ:—вы видите, что вино убыло не снизу, а сверху.

Изъ числа фарсовъ, въ которыхъ играетъ роль Арлекинъ, самыя старинныя остаются лучшими. Арлекинъ *вельможа на лунѣ* — одинъ изъ старинныхъ фарсовъ, который обошелъ Европу. На масляницѣ, труппы второстепенныхъ италіянскихъ комедіянтовъ непремѣнно угощаютъ имъ своихъ привычныхъ посѣтителей. Эту піесу можно назвать очеркомъ, который каждый наполняетъ посвоему. Глупостей, болѣе или менѣе забавныхъ, грубыхъ и пошлыхъ шутокъ, въ ней несть числа. Но между ними, по временамъ, встрѣчаются неожиданныя положенія, рѣзкія черты философской сатиры, которыя отличаютъ большую часть старинныхъ народныхъ фарсовъ, и которыя, какъ будто похищены у Макіавеля или у Рабле. Доказательствомъ можетъ служить слѣдующій разговоръ вельможи Арлекина съ докторомъ:

Докторъ. Осмѣлюсь ли спросить у вашей свѣтлости, какого нрава ваши подчиненные?

Арлекинъ. Мои подчиненные? Въ нихъ нѣтъ никакихъ недостатковъ, кромѣ развѣ того, что они руководствуются честолюбіемъ и корыстью.

Докторъ. Точно такъ-же, какъ и у насъ.

Арлекинъ. Каждый старается устроиться какъ можно лучше на счетъ другаго; первая добродѣтель въ моихъ владѣніяхъ—полный кошелекъ.

Докторъ. Совершенно, какъ у насъ. А въ вашихъ владѣніяхъ, каждому оказываютъ правосудіе?

Арлекинъ. Непремѣнно.

Докторъ. Стало быть у васъ судьи не допускаютъ себя подкупать?

Арлекинъ. Женщины, какъ и вездѣ, приходятъ ихъ просить, иногда дарятъ ихъ бездѣлицами; и что изъ этого происходитъ, знаетъ только Богъ, да ихъ совѣсть; впрочемъ все идетъ, какъ нельзя лучше.

Докторъ. И это двѣ капли воды, какъ у насъ.

Въ началѣ піесы, Арлекинъ, которому еще не вошла въ голову счастливая мысль сдѣлаться знатнымъ, узнаетъ, что докторъ хочетъ выдать свою служанку, Коломбину, за мызника. Онъ предается отчаянію въ знаменитомъ монологѣ, который служитъ торжествомъ и

камнемъ преткновенія для актеровъ, исполняющихъ его роль. «О, я несчастнѣйшій!» говоритъ онъ: «докторъ хочетъ выдать Коломбину за мызника, а я, я буду жить безъ Коломбины!.. Нѣтъ, не хочу жить! Невѣжественный докторъ! Неблагодарная и невѣрная Коломбина! мерзкій мызникъ! бѣдный Арлекинъ! Да, я хочу умереть; хочу, чтобы въ древней и новой исторіи было написано: Арлекинъ умеръ за Коломбину! Пойду къ себѣ въ горницу, привяжу къ потолку веревку, стану на стулъ, накину на шею петлю, толкну стулъ ногою—и вотъ, я повисъ! Уфъ! (принимаетъ положеніе удавленника). Какъ, Арлекинъ, ты хочешь убить себя изъ-за женщины! Ну, не величайшая ли это глупость! Гм! но вѣдь она измѣнила честному человѣку, а развѣ это не преступленіе?—И, конечно преступленіе.—Но когда ты удавишься, вѣдь ты отъ этого не потолстѣешь?—Нисколько; напротивъ, я стану гораздо хуже.—Такъ зачѣмъ же тебѣ давиться?—За тѣмъ, что я хочу этого.—Ты не удавишься.—Удавлюсь.—Увѣряю тебя, что нѣтъ.—Клянусь тебѣ, что да.—Говорю тебѣ, что ты не удавишься.—Постой, негодный, я знаю, какъ избавиться отъ твоей докучливости. Тутъ Арлекинъ вынимаетъ палку, отвѣшиваетъ нѣсколько полновѣсныхъ ударовъ по своей же спинѣ и пускается бѣжать.)—А, наконецъ то нашъ умникъ убрался; и такъ, теперь мы можемъ удавиться безъ помѣхи. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и вдругъ останавливается). Впрочемъ, вотъ что!—удавиться, вѣдь это ужъ слишкомъ обыкновенно и не принесетъ мнѣ ровно никакой чести; поищемъ лучше другаго рода смерти, смерти необыкновенной,—не пошлой, а геройской, достойной Арлекина. И вотъ онъ перебираетъ различные роды смерти, дѣлаетъ опыты въ каждомъ—и какъ нарочно ни который ему не удается. Онъ удерживаетъ дыханіе, становится головою внизъ... затыкаетъ носъ, ротъ; все какъ-то не умирается.—Фу, чортъ возьми, говоритъ онъ:—тутъ вѣрно всему причиною воздухъ, который вылетаетъ въ какое нибудь отверзтіе. Тогда онъ обращается къ партеру, который громко хохочетъ.—Вы смѣетесь, господа? Ну, и я бьюсь объ закладъ, что и вы не умнѣе меня, что ни одинъ изъ васъ невызовется служить мнѣ примѣромъ, ни одинъ не покажетъ, какимъ бы способомъ лучше себя уморить. Постойте однакожъ, вашъ смѣхъ далъ мнѣ счастливую мысль. Я гдѣ-то читалъ, что люди умирали отъ смѣха... Если бы и я могъ такъ-же умереть, это было бы и забавно и оригинально. Я совсѣмъ не веселаго десятка и потому стану себя щекотать,—такимъ образомъ по неволѣ долженъ буду смѣяться.» Дѣйствительно, онъ начинаетъ щекотать себя, палаетъ на полъ, помирая со смѣху, дѣлаетъ тысячу глупостей и уморительныхъ штукъ. Онъ наконецъ такъ себя измучилъ, что выбился изъ силъ; въ то самое время приходитъ къ нему пріятель, утѣшаетъ его и уводитъ съ собою. Послѣ этихъ покушеній на самоубійство, Арлекинъ выдаетъ себя сначала за великаго господина на лунѣ и наконецъ женится на служанкѣ доктора, у котораго выманиваетъ прекрасный бриліантовой перстень и шесть червонцевъ; въ замѣнъ этого, онъ даетъ ему въ зодіакѣ мѣсто скорпіона.

Арлекинъ, въ піесахъ, возобновленныхъ изъ стариннаго репертуара, и въ другихъ новѣйшихъ, всегда старался извлечь выгоду изъ своего проворства. Онъ обыкновенно играетъ роль лакея въ комедіяхъ и роль дурака въ чудовищныхъ мелодрамахъ, заимствованныхъ у нѣмцевъ. Но лучше всего бываетъ онъ въ маленькихъ шутовскихъ комедіяхъ, которыя представляютъ на масляницѣ и которыя въ своемъ родѣ дѣйствительно образцовыя произведенія, особенно, когда онѣ обставляются такими талантливыми людьми, какъ Антоніо Чезари, Карло Порти или Анелли, знаменитаго сочинителя оперныхъ

либретто. Анеллп, въ теченіи 20-ти лѣтъ, умѣлъ насмѣхаться попеременно надъ нѣмцами и французами такъ, что ни тѣ, ни другіе не могли неголовать на него.

Въ «Italiana in Algeri» онъ осмѣлился даже осмѣивать миланскій сенатъ, о которомъ рѣзко говоритъ въ слѣдующемъ стихѣ, обращенномъ въ пословицу:

Mangiar, bere e asciar fare.

«Намъ бы только ѣсть, да пить, а тамъ пусть все идетъ своимъ чередомъ.»

Разборъ одной изъ піесъ, гдѣ маски являются въ дѣйствіи, дастъ понятіе объ этомъ родѣ національной комедіи, лучше всякаго разсужденія. Мы выберемъ ту изъ нихъ, которая всегда пользовалась самымъ блистательнымъ успѣхомъ. Она составлена въ подражаніе *Maccо* Антоніо Чезари и извѣстна подъ названіемъ *Три Труса*.

Амброджіо Бурламати, благородный веронецъ, живетъ съ пріятелями въ деревнѣ, въ одномъ изъ самыхъ хорошенькихъ casino на Брентѣ. Наступила осень,—пора бурь въ провинціяхъ, лежащихъ у подошвы Альповъ. Идетъ дождь, воетъ вѣтеръ, гремитъ громъ. Объ охотѣ, рыбной ловлѣ, прогулкахъ—празднымъ людямъ нельзя и подумать; если имъ не представится какой другой способъ убить время, они умрутъ со скуки. Бурламати и Стефано, другъ его, ломаютъ голову и ничего не могутъ придумать. Наконецъ, Амброджіо радостно вскрикиваетъ: — Радуйся, очарованіе разрушено. На этотъ разъ, мы еще не умремъ; я могу тебя увѣрить, что въ эту ночь мы будемъ смѣяться. Послушай, ты знаешь, что Менегино, мой ключникъ, сегодня по утру умеръ; я придумалъ потѣху по этому случаю.

—Какъ, по случаю покойника?

— Именно. Ты знаешь, у насъ съ давнихъ поръ ведется обычай, что одинъ изъ товарищей умершаго долженъ провести ночь у его гроба. Я назначу къ нашему покойнику Панталона, сына разорившагося венеціанскаго купца, шута, котораго недавно я принялъ къ себѣ въ услуженіе. Надо тебѣ сказать, что это чудовище 7-ми футовъ вышиною, неповоротливъ и тупъ какъ быкъ; это такая простофиля, что и вареной рыбы въ рукахъ не удержитъ. Въ эту ночь, онъ будетъ стеречь покойника. — Сказать правду, я не вижу тутъ ничего забавнаго.— Выслушай дальше. Ротозѣй считаетъ себя Геркулесомъ по храбрости и мало того, что Геркулесомъ... Феррагусомъ, Роландомъ, вѣчно готовымъ разить, умерщвлять; а въ самомъ-то дѣлѣ такой трусъ, что ночью боится своей руки. Я намѣренъ испытать его мужество. — Какимъ образомъ? — Арлекинъ, мой лакей, ляжетъ на мѣсто покойника и угоститъ васъ славною комедіею. Изъ этого окна, мы увидимъ все, что будетъ у нихъ происходить.» Амброджіо тотъ-же часъ призываетъ Панталона. Панталонъ является и разсказываетъ, что онъ цѣлыхъ два часа перевязывалъ лошадь его сіятельства, у которой распухли ноги, что онъ усталъ какъ собака и едва держится на ногахъ. — А мнѣ до этого что за дѣло?— Говорю вамъ это, милостивый государь, для того, чтобы вы знали какого человѣка имѣете у себя въ услуженіи. — Хорошо. А, кстати, ты боишься мертвецовъ?— Мертвецовъ! Вы шутите; какъ-же мнѣ бояться мертвецовъ, когда я отъ рода и живыхъ не боялся? — Вотъ что называется отвѣчать. За то, мой храбрый Панталонъ, я никогда и не сомнѣвался въ твоемъ мужествѣ. Послушай же. Ты знаешь, что сегодня утромъ Менегино умеръ? — Увы! знаю, ваше сіятельство, докторъ уморилъ его. — Твоя правда; но что сдѣлано, того не воротишь. Мнѣ извѣстно, что ты былъ большой пріятель съ покойникомъ и я избралъ тебя стеречь его эту ночь.—Панталонъ дѣлаетъ самую жалкую фигуру и начинаетъ трястись всѣмъ тѣломъ.

— Мнѣ, мнѣ стеречь мертвеца?—Какъ,

Панталонъ, не уже ли у тебя не станетъ столько храбрости? — Панталонъ принимаетъ бодрый видъ. — Храбрость? Развѣ нужна храбрость, чтобы стеречь мертвеца? Я, пожалуй, стану стеречь ихъ 10,000.—Ну, такъ дѣло рѣшено. Когда я благовѣстятъ Ave Maria, ты пойдешь въ комнату покойника и пробудешь тамъ всю ночь, до тѣхъ поръ, пока, утромъ, священникъ придетъ отпѣвать его. Слышишь? — И такъ, до вечера. — До вечера. И Панталонъ, который съ трудомъ можетъ скрывать свое безпокойство, удаляется, повѣся уши. Лишь только онъ вышелъ, графъ призываетъ Арлекина. — Ты перенесешь Менегино въ какой нибудь подвалъ, говоритъ онъ ему: — а самъ ляжешь на его мѣсто. А тамъ ты уже будешь знать, какъ тебѣ поступать, когда останешься наединѣ съ Панталономъ; предупреждаю тебя только объ одномъ: мы хотимъ посмѣяться. — И вы будете смѣяться, какъ не смѣялись никогда.

Но графъ этимъ не довольствуется. Ему хочется, какъ онъ самъ говоритъ, поймать трехъ индѣекъ однимъ каштаномъ. Двѣ индѣйки у него готовы; третья будетъ Бригелла, его управитель. — У меня былъ гдѣ-то на чердакѣ полный костюмъ дьявола: львиная голова, крокодиловое рыло, козлиная шкура и ноги, и въ добавокъ ослиный хвостъ. — Послушай, другъ мой, Бригелла, ты надѣнешь этотъ костюмъ и влѣзешь въ окно въ комнату, гдѣ Панталонъ будетъ стеречь Менегино. Твое появленіе непремѣнно сдѣлаетъ пріятный сюрпризъ храброму Панталону, и удовольствіе его позабавитъ насъ всѣхъ, начиная съ тебя. Бригелла въ восхищеніи отъ роли, которую ему назначаютъ. Онъ потираетъ себѣ руки, воображая, какъ славно напугаетъ своего соперника, Панталона. А графъ изъ-подтишка смѣется; онъ и не подумалъ предупредить Бригеллу, что Арлекинъ займетъ мѣсто мертвеца, а такъ-же ни слова не сказалъ Арлекину, что Бригелла, въ дополненіе комедіи, взялъ на себя роль дьявола... Сдѣлавъ такія распоряженія, графъ скрываетъ потѣхи и, въ восторгѣ отъ чудесной выдумки, обнимаетъ Стефано; потомъ оба поютъ хоромъ живые и веселые куплеты; тѣмъ оканчиваются первыя сцены.

Слѣдующее дѣйствіе происходитъ въ комнатѣ Менегино. Арлекинъ, завернутый въ простыню, вымазанный мѣломъ, лежитъ на мѣстѣ покойника; онъ вовсе однако-же не спокоенъ; онъ даже очень труситъ и по временамъ ощупываетъ себя, чтобы увѣриться, не умеръ ли онъ въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, онъ располагается вымѣстить свой страхъ на бѣдномъ Панталонѣ, котораго присутствіе придастъ ему бодрости. Между тѣмъ, какъ Панталонъ медлитъ приходомъ, онъ предается философическимъ размышленіямъ, внушеннымъ ему его страннымъ положеніемъ. — Сегодня, говоритъ онъ, я представляю мертвеца для потѣхи, а придетъ день, когда я буду представлять его въ самомъ дѣлѣ... Въ это время приходитъ Панталонъ. — Ступай, говоритъ онъ человѣку, который провожалъ его до дверей: — я одинъ буду стеречь Менегино. Если нужно, я стану защищать его противъ цѣлой батареи пушекъ. Однако-же, оставшись одинъ, Панталонъ садится какъ можно дальше отъ мертвеца и старательно ставитъ возлѣ себя фляжку съ фріульскимъ виномъ. — Вотъ гдѣ жизнь, говоритъ онъ: — а жизнь не лишнее въ жилищѣ смерти. Окончивъ это философское разсужденіе, онъ осторожно приближается къ ложу покойника. — Такъ вотъ онъ! Бѣдный Менегино! Какой онъ блѣдный!.. другой бы, на моемъ мѣстѣ, пожалуй, испугался!.. а я!.. я!.. я... не боюсь... Говоря это, онъ трясется всѣми членами. — Однако-жъ, стало что-то холодновато... Я какъ будто чувствую ознобъ; кровь моя застываетъ, мнѣ кажется даже, что у меня во всемъ тѣлѣ лихорадочный трепетъ... какъ будто слабое начало страха. Ночь протянется долго; не лучше ли уже позвать товари-

ща сыграть въ кости или въ *morra*?... А какъ завтра скажутъ, что Панталонъ струсилъ? Да впрочемъ, къ чему мнѣ товарища, когда у меня такая любезная подруга? (Онъ беретъ бутылку.) — Славная штука! она чудесно подкрѣпляетъ! Она возвратила бы жизнь самому покойнику, если бы только онъ могъ выпить.» Успокоенный такимъ сужденіемъ, онъ поетъ въ полголоса забавные куплеты, въ которыхъ смѣется надъ чертями и смертію. Потомъ наливаетъ стаканъ; но въ ту минуту, какъ онъ подноситъ его къ губамъ, Арлекинъ громко и тяжело вздыхаетъ и оборачивается на животъ. Панталонъ роняетъ стаканъ, хочетъ бѣжать: ноги его подкашиваются; онъ не можетъ сойти съ мѣста и только изъ-подтишка посматриваетъ на мертвеца. Арлекинъ проворнымъ движеніемъ принимаетъ свое первое положеніе. Панталонъ, увидя это, падаетъ на колѣна, тихонько протягиваетъ руки къ полу и, полагая, что мертвецъ его не увидитъ, въ такомъ положеніи ползетъ къ дверямъ; между тѣмъ Арлекинъ медленно поднялся съ своего ложа. Панталонъ такъ и ударился лицемъ объ полъ. Въ то самое мгновеніе послышался снаружи страшный стукъ цѣпей. Арлекинъ проворно легъ на мѣсто. Панталонъ остается неподвиженъ, и смотритъ попеременно то на кровать, то на дверь. Стукъ слышенъ ближе. Арлекинъ такъ же начинаетъ трусить. Бригелла, въ костюмѣ дьявола и съ факеломъ въ рукѣ, показывается на порогѣ комнаты. Увидя его, Панталонъ вскакиваетъ, хочетъ бѣжать. Бригелла его отталкиваетъ. Между тѣмъ, какъ онъ палитъ ему волосы своимъ факеломъ, Арлекинъ, котораго страхъ приковалъ къ постели, бормочетъ про себя: — Боже милосердый! Куда это я попалъ!... Никакъ самъ сатана своею собственною особою пришелъ за Менегино. Что, если онъ приметъ меня за мертвеца и утащитъ съ собою. Если бы я могъ убѣжать! Онъ тихо привсталъ и пошелъ, придерживаясь стѣны, къ двери. Вдругъ онъ сталкивается носомъ къ носу съ Бригеллою, который все еще занятъ поджариваньемъ Панталона. — Сатана!... Мертвецъ! — И оба падаютъ навзничь. — Я пропалъ! кричитъ Панталонъ и падаетъ на нихъ. Но скоро всѣ трое вскакиваютъ и бѣгаютъ по комнатѣ, какъ сумасшедшіе; убѣгая, толкая и опрокидывая другъ друга. — Ей! гей! сюда! кто нибудь! — помогите! мертвецъ! діаволъ, привидѣніе!... Наконецъ всѣ становятся по угламъ, полумертвые отъ страха, и смотрятъ другъ на друга въ ужаснѣйшемъ смущеніи. Панталонъ реветъ, Арлекинъ стонетъ, діаволъ кричитъ. Въ эту минуту, графъ Амброджіо съ друзьями отворяетъ дверь и бросается въ комнату, помирая со смѣху. — Молчите, трусы, говоритъ онъ: — молчите, а то я всѣхъ васъ велю приколотить!

Бригелла. Ахъ, я умеръ!

Арлекинъ. У меня нѣтъ ни ногъ, ни головы!

Панталонъ (держась за животъ). Господи! такъ и рѣжетъ!

Арлекинъ. Ахъ, батюшки! смотрите, дьяволъ!

Бригелла. Посмотрите — мертвецъ!

Панталонъ. Ай! и дьяволъ и мертвецъ вмѣстѣ...

Графъ. Говорю вамъ, замолчите, негодные трусы, или я васъ заставлю молчать плетью! Кто бы повѣрилъ, что мертвецъ напугаетъ дьявола, а дьяволъ мертвеца? А ты, неустрашимый Панталонъ, куда дѣвалась твоя храбрость?

Панталонъ. Вамъ хорошо говорить, графъ; желалъ бы посмотрѣть, какъ бы вы заговорили, стоя между діаволомъ и смертію!

Въ анализѣ невозможно дать понятіе о безумной веселости этой сцены, которая напоминаетъ отчасти свиданіе медвѣдей въ превосходномъ фарсѣ: *Медвѣдь и Паша*. Разговоръ между тремя масками послѣ того, какъ онѣ узнаютъ другъ друга, такъ же до чрезвычайности забавенъ. Они обвиняютъ одинъ дру-

гаго въ трусости, ругаются, грозятъ другъ другу, такъ что дѣло едва не доходитъ до драки; графъ принужденъ мирить ихъ своею властію. — Замолчите ли вы, болтуны, восклицаетъ онъ. У этихъ негодяевъ такъ же длиненъ языкъ, какъ коротко мужество. Ну, господа трусы, мнѣ кажется, что намъ не лишнее будетъ прописать лѣкарство для предупрежденія послѣдствій страха, который вы другъ другу надѣлали. Ступайте. Въ свояхъ раскупорятъ бочепокъ вина, принесутъ вамъ двѣ индѣйки, окорокъ ветчины, пейте, ѣшьте, сколько душѣ угодно! Когда наѣдитесь до сыта, къ вамъ придутъ Николоза, Брунетта, Танчія, Типа, всѣ плутовки, которыя такъ славно выдѣлываютъ ногами и тогда—да здравствуетъ пляска, да здравствуетъ радость! Менегино остается доволенъ своими похоронами.

Арлекинъ, Панталонъ и Бригелла, успокоенные, обрадованные послѣдними словами, благодарятъ графа и всѣ трое поютъ куплеты, удивительные по шутовскому выраженію и даже по самой гармоніи.

Мы анализировали довольно подробно эту бездѣлицу потому, что кромѣ Италіи, нигдѣ нѣтъ подобной комедіи. Собственно говоря, это не комедія, не водевиль, не опера-буффа, а драматическія представленія, — часто написанныя прелестными стихами, иногда перемѣшанныя съ пѣніемъ и танцами. Это родъ въ полномъ смыслѣ италіянскій, какъ и пастушескія комедіи, совершенно заброшенныя въ наше время. Происхожденіе ихъ относитъ къ 1595 году, когда былъ представленъ Antiparnasso, сочиненіе Горація Векки. Панталонъ, Арлекинъ, Бригелла и капитанъ Карловъ, испанскій забіяка, уже играютъ въ ней каждый свою роль и говорятъ на кастильскомъ, итальянскомъ, болонскомъ, бергамскомъ нарѣчіяхъ и даже по-еврейски. — Если эти веселыя маски пережили Миртилей, Тирсисовъ пастушеской комедіи, то онѣ обязаны тѣмъ своей неизмѣнной веселости. И можно почти рѣшительно сказать, что существованіе ихъ продолжится на неопредѣленное время.

V.

Италіянская комедія, новѣйшая драма и актеры.

Боссюетъ громко осуждаетъ комедію. По его словамъ, она льститъ только страстямъ людей съ грубыми чувствами, осмѣиваетъ добродѣтель и благочестіе, извиняетъ развращеніе, представляя его въ забавномъ видѣ, оскорбляетъ цѣломудріе. Не довольствуясь тѣмъ, что изгоняетъ удовольствіе, въ которомъ человѣкъ, по его выраженію, въ одно и то же время, играетъ своими пороками и издѣвается надъ добродѣтелью, Боссюетъ сильно порицаетъ Мольера; называетъ его безчестнымъ и преслѣдуетъ даже за могилою ужасными проклятіями. Послѣ этого, съ трудомъ повѣришь, что дворъ папы, главы той самой религіи, которой Боссюетъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ служителей, сдѣлался колыбелью италіянской комедіи, и какой еще? Комедіи, исполненной нечестій, какъ выражается Боссюетъ. Впрочемъ, этотъ папа былъ Левъ X, поэтъ, музыкантъ, страстный охотникъ и прежде всего,—умный человѣкъ; онъ соединялъ въ себѣ наклонности артиста и владыки; въ теченіи 9 лѣтняго его царствованія на престолѣ Св. Петра, дворъ его походилъ болѣе на дворъ свѣтскаго государя, нежели на жилище преемника первопрестольнаго апостола. Мы станемъ разсматривать здѣсь Льва X единственно какъ поэта и умнаго человѣка, который избираетъ секретарями Садоле и Бембо, а библіотекаремъ Бертольда; который покровительствуетъ старому Ласкарису, переписывается съ Эразмомъ и всѣми остроумцами того времени, который основываетъ римскій университетъ и окружаетъ себя легіономъ поэтовъ, писателей, художниковъ. Этотъ папа и его молодые кардиналы,—люди богатые, образованные, друзья наслажденій,

—казалось, стремились только къ одной цѣли: весело наслаждаться жизнію. Нѣкоторые высокіе умы, какъ то: Макіавель, Бибіена, Аретинъ, Аріосто, сочиняли комедіи тѣмъ болѣе вольныя и смѣлыя, что они занимали въ современномъ обществѣ первыя мѣста и многое могли себѣ дозволить. Папа Левъ X, любя всякаго рода удовольствія и особливо наслажденія ума, хотѣлъ, чтобы эти комедіи были играны въ его присутствіи, не по духу философскаго либерализма, какъ говорили нѣкоторые, но просто для удовольствія, чтобъ доставить себѣ пріятное препровожденіе времени. Кардиналъ Бибіена любилъ веселость столько же, какъ и его повелитель; подобно ему, онъ любилъ издѣваться надъ педантами и надувать глупцовъ. Съ этою цѣлію, онъ сопровождалъ въ Капитолій древняго стихотворца Борабалло,—который ѣхалъ на великолѣпно-убранномъ слонѣ, принять тамъ изъ рукъ его вѣнецъ и подговорилъ чернь привѣтствовать его по возвращеніи громкимъ свистомъ. Съ тою же цѣлію, онъ рукоплескалъ съ величайшею важностію дурнымъ стихамъ Кверко и представилъ его Льву X, который допустилъ къ своему столу прихлебателя-стихотворца. Жалкій пінта смиренно терся у окна и стоя ѣлъ куски, которые бросали ему, какъ собакѣ. По временамъ, папа вспоминалъ о присутствіи бѣднаго стихотворца.—Кверко! кричалъ онъ, посылая ему чашу, наполненную виномъ: сію минуту сочини мнѣ стихи на жадность и я позволю тебѣ опорожнить эту чашу. Если стихи были хороши, Кверко выпивалъ вино; если они были дурны, въ чашу наливали воды и принуждали несчастнаго ее выпить. Чудакъ почиталъ за честь подобное обхожденіе и даже гордился тѣмъ, что былъ принятъ въ палатахъ папы. Кто бы могъ подумать, что подобное твореніе было причастно тщеславію! Скоро однако-же спала завѣса, которою глупость покрывала его глаза; онъ замѣтилъ, что надъ нимъ смѣются и что поступаютъ съ нимъ, какъ съ шутомъ. Онъ удалился отъ двора и, дойдя до крайней бѣдности, кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Въ шуткахъ, которыми забавлялись Бибіена и его государь, многіе видѣли тайное желаніе унизить дарованіе. Мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, а думаемъ, напротивъ, что, насмѣхаясь надъ педантизмомъ и глупостію, они ставили на приличное мѣсто бездарныхъ сочинителей, которые, во что бы то ни стало, хотятъ выказать свое безсиліе и глупость.

Самъ Бибіена былъ, безспорно, человѣкъ высокаго ума и рѣдкихъ способностей. Мы не желали бы заслужить обвиненіе въ излишней скромности, а между тѣмъ должны сознаться, что если не невозможно, то, по крайней мѣрѣ очень трудно разбирать его комедію *Calandria*, играную въ присутствіи папы и заслуженную рукоплесканія сонма кардиналовъ. Эта комедія отчасти есть подражаніе Плавтовымъ «Близнецамъ»; завязка основана въ ней на сходствѣ двухъ близнецовъ разныхъ половъ; дѣйствія такъ сложны и многочисленны, обманы, производимые сходствомъ лицъ, такъ часты, что краткій ея очеркъ былъ бы непонятенъ для читателя.

Сантилія, молодая дѣвушка, безпрестанно является въ одеждѣ мужчины, а Лидіо, братъ ея, въ платьѣ женщины; зритель постоянно остается въ заблужденіи и тѣмъ болѣе, что ни тотъ, ни другая нисколько не стѣсняются ни въ рѣчахъ, ни въ поступкахъ. Интрига ведена съ необыкновеннымъ искусствомъ; но со всѣмъ тѣмъ, какъ слишкомъ уже сложная, наконецъ утомляетъ.

Должно сказать, что «Calandria», которая такъ часто приводится въ примѣръ италіянскими критиками и до сихъ поръ еще пользуется высокимъ уваженіемъ у флорентинцевъ, была обязана своимъ продолжительнымъ успѣхомъ тонкости и уму разговоровъ и въ особенности совершенству формы, которую тосканская

партія считаетъ превосходною и ставитъ на ряду со стилемъ повѣстей Боккаччіо и комедій Аріосто и Макіавеля.

Макіавель! Сначала, это имя возбуждаетъ одне важныя и мрачныя мысли, а между тѣмъ этотъ ужасный политикъ есть въ то же время сочинитель самой оживленной, самой свободной и остроумной изъ италіянскихъ комедій. «*Мандрагора*» дѣйствительно превосходнѣе «*la Calandria*»; предметъ ея занимательнѣе, завязка проще и лучше ведена; разговоръ такъ-же оживленъ. Въ «Мандрагорѣ», въ особенности, находятъ типъ комедіи, господствовавшей въ теченіи двухъ столѣтій,—быстрой, сложной и изъятой отъ всякой принужденности, даже отъ той, которую повелѣваетъ скромность. Поэтому, необходимо бросить взглядъ на твореніе Макіавеля, чтобы лучше уразумѣть различныя измѣненія италіянскаго театра.

Предметъ Мандрагоры извѣстенъ. Всякій знаетъ исторію мессера Ничіе Кальфуччи, флорентинскаго мѣщанина, котораго мучило пламенное желаніе сдѣлаться отцемъ; всякій знаетъ, какъ другъ его, Каллимахъ, влюбленный въ Монну Лукрецію, жену Ничіе, не будучи въ состояніи восторжествовать надъ добродѣтелью набожной флорентинки, не зналъ уже къ какому прибѣгнуть способу; но мужъ, по своей чрезмѣрной глупости, навелъ его на мысль, что нѣтъ обмана, которому бы бѣднякъ не поддался.

Всякій знаетъ, какимъ образомъ Каллимахъ, лекарь по необходимости, предложилъ другу лекарство, которое должно было несомнѣнно произвести дѣйствіе.

Но это лекарство, «выжатое изъ соку корня, называемаго мандрагорою», имѣетъ очень вредныя свойства; отъ него непремѣнно умираетъ тотъ, кто первый имъ воспользуется.

«Слуга покорный», говоритъ Ничіе. «Не безпокойтесь, не нужно мнѣ вашего корня.» — Есть средство всему помочь, отвѣчаетъ Каллимахъ. —«Какое же это средство?»—Послушайте.

Ничіе сначала отвергаетъ такое предложеніе, говоритъ, что это сопряжено съ опасностями, безчестно... однакоже, полъ конецъ, соглашается на все. Остается самое трудное: уговорить г-жу Лукрецію. Съ первыхъ словъ, Лукреція вообразила, что надъ нею смѣются; потомъ разсердилась и поклялась душею, что скорѣе дастъ себя убить. Видя такое упорство, прибѣгнули къ патеру Тимофею. Онъ сталъ увѣщевать ее и такъ успѣшно, что изъ послушанія къ нему она на все согласилась.

Съ другой стороны, мужъ ободрялъ ее всѣми силами.—Дѣло идетъ о моей жизни. И такъ, ради Бога, не упрямься. Докажи, что ты любишь своего мужа. Не трудно угадать, что первый долженъ былъ испытать зловредное свойство мандрагоры—самъ Каллимахъ. Дѣйствіе лекарства было вѣрно.

Сочиненіе, какъ можно видѣть, одно изъ самыхъ вольныхъ. Подробности не менѣе свободны; особенно въ латинскихъ консультаціяхъ доктора; въ то время, кажется, имѣли привычку все говорить, такъ-же, какъ все дѣлать. При всемъ томъ, Мандрагора блистаетъ первостепенными красотами. Мастерскою кистію изображены характеры главныхъ лицъ: прихлебателя Лигуріо, Монны Лукреціи, жены преступной по невѣдѣнію мессера Ничіе, Тимофея, — который можно почесть типомъ ханжи того времени, грубаго, алчнаго интригана; онъ вовсе не походитъ, какъ несправедливо говорили, на Тартюфа, потому что имѣетъ полное сознаніе своей немощи и такъ сказать все простодушіе порока. Это портреты, шутя набросанные живописцемъ,

великимъ художникомъ съ творческою кистью. Не знаешь, чему болѣе удивляться: чистотѣ ли и твердости рисунка, разительнымъ, хотя и нѣсколько жесткимъ очеркамъ, или яркости колорита и глубокому знанію эффектовъ.

Удивительный выборъ подробностей и искусная умѣренность въ употребленіи постороннихъ обстоятельствъ, равномѣрно доказываютъ геніальнаго писателя

Нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, создавшій это образцовое произведеніе въ минуту грусти, для развлеченія (*), смотрѣлъ на жизнь съ черной ея стороны. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ въ его піесѣ? Глупцовъ, плутовъ, лица, которыя живутъ на счетъ первыхъ, съ помощію вторыхъ, и насчетъ перваго честнаго человѣка; но веселость и живость формы выкупаетъ грустное впечатлѣніе содержанія. Остроумныя выходки, забавныя слова, отъ начала драмы до конца, поддерживаютъ вниманіе зрителей и не позволяютъ ему притти въ себя. Нѣкоторыя выраженія совершены въ комическомъ отношеніи. Когда, на прим. Ничіе узнаетъ, что Лукрецію наконецъ уговорили прибѣгнуть къ странному способу, уничтожающему зловредное свойство Мандрагоры, онъ весело потираетъ руки и восклицаетъ: «*теперь я самый счастливый человѣкъ въ мірѣ!*» Это восклицаніе мужа, обманутаго и такъ счастливаго своимъ заблужденіемъ, — достойно Мольера.

Цѣломудріе и простота Лукреціи придаютъ величайшую прелесть граціозному созданію этой женщины, невольной сообщницы хитростей ея любовника.

Монологи Тимофея столько же свободны, какъ и остальная часть піесы; не смотря на это, въ нихъ заключается нравственная мысль драмы. Но лучше послушаемъ, какъ онъ разсуждаетъ самъ съ собою, ночью, переодѣтый и готовый помогать предпріятіямъ безнравственнаго молодаго человѣка. «Правду говоритъ, что общество съ дурными людьми можетъ довести до висѣлицы; несчастіе равномѣрно постигаетъ и того, кто слишкомъ добръ, но слабъ, и того, кто дѣйствительно золъ. Богъ видитъ, имѣлъ ли я намѣреніе вредить кому нибудь. Я спокойно сидѣлъ въ своей кельи, вдругъ приходитъ этотъ сатана Лигуріо; я протянулъ ему палецъ, а онъ завладѣлъ всею рукою и наконецъ всѣмъ моимъ существомъ. Право, не знаю, куда меня это поведетъ.» Монологъ, которымъ начинается 5-е дѣйствіе, равномѣрно любопытенъ. Должно полагать, что духовная власть была тогда очень могущественна и въ то-же время имѣла большую увѣренность въ своемъ могуществѣ, когда допускала подобныя шутки. Эта свобода, или лучше сказать, эта вольность комедіи, возникая при самомъ ея началѣ, сохранилась до конца послѣдняго столѣтія; комедіи Макіавеля, Бибіены, Аріосто послужили образцами писателямъ слѣдующихъ за ними поколѣній.

Подобно имъ, они подражали Плавту и Теренцію, заставляя лица латинскихъ поэтовъ перемѣнять костюмъ и званіе. Содержаніе большей части этихъ піесъ какая-нибудь шутка, сыгранная съ скупымъ, ревнивымъ мужемъ, или старымъ докторомъ. Смѣшные костюмы, въ которые переодѣваются дѣйствующія лица, сундуки, въ которыхъ они поперемѣнно прячутся — почти единственныя драматическія пружины, при помощи которыхъ идетъ и распутывается дѣйствіе. Иногда кажется, что всѣ эти лица играютъ между собою въ гулючки, потому что вся занимательность, большею ча-

(*) «Человѣкъ, который пустыми мыслями старался сдѣлать свое печальное время нѣсколько отраднѣе». (Прологъ Мандрагоры).

стію, основана на томъ, будутъ ли они узнаны, или нѣтъ. Впрочемъ, любовь всегда торжествуетъ, какихъ бы пощечинъ не пришлось для этого налавать пристойности и нравственности.

Комическія произведенія, въ началѣ XVII вѣка, въ вольности перещеголяли даже всѣ прежнія; наприм. одна піеса Гварини, автора *Pastor fido*, подъ названіемъ *Idropica*—превосходитъ все, что можно вообразить свободнаго. И не смотря на то, ее играли въ 1608 году при Мантуанскомъ дворѣ, по случаю бракосочетанія одного изъ сыновей герцога.

Во все продолженіе этого вѣка, театральные нравы и сущность піесъ не измѣнялись; только, чѣмъ болѣе удалялись отъ первыхъ временъ комедіи, тѣмъ форма дѣлалась сложнѣе и труднѣе. Ходъ интриги заставлялъ пренебрегать изученіемъ и развитіемъ характеровъ. Не трудно уже было предвозвѣстить близкое торжество романическаго imbroglio, котораго Ж. Б. Порта, ученый философъ, Бернардо Акольти и Рафаэль Боргини были изобрѣтателями. Піеса, называемая «*Любовныя интриги*» и приписываемая Тассу, есть образцовое произведеніе въ этомъ новомъ родѣ; завязка ея такъ мудрена, что сама Венера, въ прологѣ, считаетъ долгомъ объявить, что никогда еще сыну ея не случалось такъ запутывать происшествій: въ ней 16-ть главныхъ лицъ, почти столько же параллельныхъ дѣйствій, безчисленное множество переодѣваній и обмановъ. Это настоящій драматическій лабиринтъ, и если ее не считаютъ пародіею, то она обязана тѣмъ единственно занимательности разговоровъ, исполненныхъ одушевленія, комической соли и остроты.

Подражаніе испанскому театру было тогда въ большой модѣ во всей Европѣ; это очень замѣтно въ италіянскихъ комедіяхъ и пастушескихъ сценахъ, которыя, благодаря Тассу и Гварини, сдѣлались въ Италіи народными. Около конца XVII-го столѣтія, Джироламо Джили, сіенскій уроженецъ, вознамѣрился высвободить италіянскую комедію изъ этой слишкомъ избитой колеи. Онъ написалъ двѣ комедіи, подражая французскимъ писателямъ: Драма *Пирлоне*», сколокъ съ Мольерова Тартюфа, «I Liliganti»(Ябедники) переволъ Расиновыхъ «Plaideurs». Объ эти піесы были играны въ Римѣ. Нѣкоторые критики полагаютъ, что Джироламо Джили оказалъ услугу италіянской комедіи, давъ ей новое направленіе и возбудивъ вниманіе современныхъ поэтовъ къ образцовымъ произведеніямъ французскаго театра. Мы не раздѣляемъ ихъ мнѣнія, и думаемъ напротивъ, что Джили однимъ ударомъ разрушилъ народность италіянскаго театра и уничтожилъ его самобытность. Уставъ подражать поперемѣнно Теренцію, Плавту, испанцамъ и великимъ комикамъ XVI-го вѣка, нѣкоторые изъ писателей (Чезари Кортезъ, Батиста Фаджоли, Пасквале, Чарилло) около этого времени, дѣлали опыты комедіи, которую можно назвать провинціальною. Они изображали мѣстныя странности и намѣрены были почерпать въ богатомъ родникѣ комедіи dell'arte, которая долго шла параллельно съ правильною комедіею, не бросая слишкомъ большаго блеска, и вдругъ стала господствовать, въ первыхъ годахъ XVII вѣка. Это движеніе было если неостановлено, то по-крайней мѣрѣ ослаблено; подражаніе французскимъ комикамъ заступило мѣсто подражанію латинскимъ и испанскимъ. Самъ Гольдони, столь оригинальный, когда хотѣлъ быть самобытнымъ, вмѣсто того, чтобъ заняться возобновленіемъ италіянскаго театра, сталъ влачиться по слѣдамъ Мольера.

Маркизъ Маффеи, ученый и остроумный веронецъ, старался уничтожить это новое направленіе своими комедіями: *Церемонія* и *Раке*. Въ послѣдней, онъ очень умно осмѣиваетъ италіянцевъ, которые уродуютъ свой природный языкъ, употребляя кстати и не кстати фран-

цузскія фразы. Эти комедіи написаны хорошимъ слогомъ, но очень заботливо отдѣланы въ литературномъ отношеніи и слѣдовательно слишкомъ холодны, чтобъ имѣть ощутительное вліяніе и произвести переворотъ; вмѣсто того, чтобы говорить, что должно дѣлать, лучше было бы дѣйствовать примѣромъ. Маффеи стрѣлялъ въ одно и то же время по французамъ и по флорентинцамъ. Его: «*Польщанный академикъ*» — очень хорошая сатира на ультрапуристскую академію della Crusca. Въ это время, италіянская комедія впала въ педантизмъ; Чезаре Вечелли, возставая противъ современныхъ педантовъ, самъ впалъ въ тотъ же недостатокъ. Его комедіи: i falsi litterati (Ложные Литераторы), i Poeti comici, L'ariostita, Il Zassista,—наполнены соображеніями слишкомъ уже утонченными. Это сатиры, болѣе или менѣе драматизированныя и нисколько не забавныя. Одинъ только Мольеръ умѣлъ быть забавнымъ, сражаясь съ заблужденіями и недостатками того же рода; онъ одинъ могъ создать: «Les Precieuses Ridicules.» Поборники народной комедіи, вмѣсто того, чтобы побѣждать доводами или оригинальными произведеніями вліяніе французской литературы, сочли за лучшее отвергать его. Вмѣсто того, чтобъ преслѣдовать критикою копистовъ или пародистовъ Мольера, они осыпали упреками великаго комика, обвиняли его въ подражаніи, отказывали ему во всякой самобытности.— Мы ничѣмъ не обязаны Мольеру, говорили они, а Мольеръ всѣмъ намъ обязанъ. Онъ безстыдно обобралъ нашихъ старинныхъ писателей. У Барбіери, автора «*L'innavertito*», онъ заимствовалъ своего «*Внтренника*»; сюжетъ и завязку «*Depit amoureux*» взялъ изъ «*Inheressa*» Сакки, а знаменитую сцену съ шкатулкою изъ «*Sporta*» Джелли. Его *Тартюфа* вы найдете въ старинной комедіи XV столѣтія, которая называется «*il dottore Bachettone*». Не довольствуясь тѣмъ, онъ почерпнулъ въ подобныхъ же источникахъ *Школу мужей*, *Жоржа Дандена*, *Скупаго*. Всякій притомъ знаетъ, чѣмъ онъ обязанъ мимическимъ піесамъ и комедіи dell'arte. Тамъ похитилъ онъ своенеподражаемую веселость, свой умъ и чудесное одушевленіе. Отвѣтъ Мольера на эти смѣшныя обвиненія всѣмъ извѣстенъ. *Я взялъ свое тамъ, гдѣ его нашелъ.*

Подобныя выходки италіянскіе критики возобновляютъ еще и въ наше время и заслуживаютъ не отвѣтъ, а презрѣніе. Вмѣсто того, чтобы вопіять противъ великаго художника, который показалъ имъ, какъ должно обдѣлывать грубые, покрытые корою и зарытые въ землѣ алмазы, эти безсильные ученики должны были слѣдовать его примѣру и не показывать такого презрѣнія къ комедіи *dell' arte* и народнымъ типамъ. Вмѣсто того, чтобы передѣлывать Гольдони, который самъ хотѣлъ передѣлывать Мольера, они должны бы употреблять въ пользу эти типы и старинные сюжеты и искать комедію тамъ, гдѣ она дѣйствительно находится. Достойно замѣчанія, что въ теченіе четверти вѣка, самый обширный успѣхъ имѣли въ Италіи тѣ комики, которые выборомъ предметовъ, или способомъ изложенія, приблизились къ безыскусственной и простодушной народной комедіи. Графъ Жиро, Зографи, Федерічи, безспорно, народные поэты, искусные излагатели предметовъ уже извѣстныхъ. Зографи, въ особенности, обладающій удивительнымъ комизмомъ въ піесахъ, гдѣ онъ изображаетъ домашнюю жизнь и нравы италіянскихъ драматическихъ труппъ, былъ обязанъ своимъ успѣхомъ только искусному изображенію провинціальныхъ странностей и употребленію мѣстныхъ нарѣчій римскаго, болонскаго, генуэзскаго. Онъ создавалъ характеры по людямъ, которыхъ наблюдалъ — и эти характеры никогда не погибнутъ. Гарбинати де Проколи, надменная и своенравная примадонна, которая вчера пѣла на улицѣ, а сегодня разсказываетъ пер-

вому встрѣчному, что она отказалась заключить условіе съ Англіею, потому что хотѣла подарить своимъ дарованіемъ дворянство и любителей города Лоди; Прокопо, ея мужъ и всепокорнѣйшій слуга, грубый съ другими и совершенная обезьяна своей жены, который подражаетъ всѣмъ ея движеніямъ и повторяетъ буквально все, что она не скажетъ; Дженаріелло, знаменитый maestro; Джузепина Паппо, primo musico; Тита, безстрашная танцовщица, которая съ дѣтскимъ простодушіемъ уродуетъ каждое слово; Луиза Сгаганалли, болонская пѣвица; Гульельмо *Кнолемангиль-Ферднисъ*—Шпрахмейстеръ, нѣмецкій теноръ; наконецъ каждое изъ лицъ его небольшихъ, но чрезвычайно оживленныхъ піесъ—оригинально. Въ нихъ можно найти всѣ черты чудаковъ перваго италіянскаго городка. Зографи съ истинною веселостію и совершенною свободою выставляетъ ихъ разнообразные недостатки, не впадая притомъ ни въ пошлое, ни въ низкое. Къ несчастію, нищета, смертельный врагъ геніевъ Италіи, сгубила и Зографи. Онъ долженъ былъ наняться у алчныхъ импрезаріевъ и, сочиняя по заказу, старался уже не о томъ, чтобы писать хорошо, а только, чтобы писать много; переставъ искусно употреблять въ дѣло народную комедію, какъ въ первыхъ опытахъ, онъ совершенно ей подчинился и сочинялъ уже одни только рамы для комедій. То, что мы сейчасъ сказали о Зографи, можетъ равно относиться къ Федериги, сочинителю *Говорящей шляпы*, *Философіи разбойниковъ* и пр. Отдавая справедливость достоинствамъ этихъ плодовитыхъ писателей, нельзя не сожалѣть, что ихъ дарованія были дурно направлены и мало употреблены въ дѣло.

Италіянскіе критики, всегда нѣсколько вычурные и предубѣжденные въ пользу *благородной*, или, какъ они называютъ, *выдержанной* комедіи, презираютъ Зографи и высоко цѣнятъ Альберта Ноту, котораго ставятъ въ рядъ первоклассныхъ писателей. Мы далеко не раздѣляемъ ихъ мнѣніе въ отношеніи къ мнимому продолжателю Гольдони и не трудно будетъ доказать краткимъ разборомъ справедливость нашего сужденія.

Разсмотримъ сначала одну изъ его піесъ, которая имѣла самый блистательный успѣхъ и положила основаніе его извѣстности. Это *Первый шагъ къ пороку*, которому Делавинь отчасти подражалъ въ своей *Школѣ стариковъ*. Дѣйствіе развертывается медленно и при помощи безконечныхъ разговоровъ между молодою женщиною безъ правилъ и лишенною нравственной силы, мужемъ нестерпимымъ, докучливымъ умствователемъ, пріятельницею ханжею, злою и ревнивою, соблазнителемъ самымъ пошлымъ, грубымъ отцомъ и лакеями, которые разсчитываютъ на щедрость обожателей своей госпожи. Донъ Фульгенцій видитъ очень ясно поведеніе своей жены; не смотря на это, онъ защищаетъ ее противъ обвиненій полковника Одоардо, своего отца, и противъ намековъ людей и сестры. Потомъ, при первыхъ признакахъ невѣрности, самъ запрещаетъ ей ѣхать на балъ, гдѣ долженъ быть поручикъ Гильомъ, любовникъ Камиллы. Донна Камилла сердится, кричитъ, плачетъ, умоляетъ—и все напрасно. Послѣ того, Фульгенцій вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и обѣщаетъ женѣ ѣхать съ нею на балъ. И въ самомъ дѣлѣ, они надѣваютъ маски и ѣдутъ. На балу встрѣчаютъ поручика, который, никакъ не воображая, что мужъ Камиллы такъ скоро перемѣнитъ свое намѣреніе, привезъ съ собою любовницу. Камилла, скрытая маскою, слышитъ разговоры поручика съ ея соперницею; она не можетъ долѣе сомнѣваться въ его вѣроломствѣ; пользуясь минутою, когда онъ показываетъ ея сопернице портретъ, который она имѣла малодушіе подарить ему, она искусно его похищаетъ и удаляется съ мужемъ. Остальное угадать нетрудно: благодаря уро-

ку и чрезвычайно смѣшной сценѣ, которую по возвращеніи домой дѣлаетъ ей мужъ, и въ которой онъ очень некстати показываетъ, что хочетъ навсегда съ нею разстаться, Камилла раскаивается, отказываетъ поручику отъ дома и проситъ у мужа прощенія. Донъ Фульгенцій охотно на то соглашается и оба отправляются въ деревню, чтобы въ уединеніи, на досугѣ, раздуть погасшее пламя своей любви. Предметъ, какъ можно видѣть, совершенно одинаковый, какъ и въ *Школѣ мужей*, съ тою однакожъ разницею, что Фульгенцій слишкомъ молодъ, чтобы прилично играть тройную ролю простака, ревнивца и наставника. Исполненіе, по нашему мнѣнію, далеко не вознаграждаетъ за скудность и пошлость содержанія. Слогъ драмы Ноты неестественъ, изысканъ и нисколько не удовлетворяетъ разборчивому вкусу. Изъ характеровъ, нѣтъ ни одного ни довольно оригинальнаго, ни забавнаго. Всѣ лица какіе-то грубые, невоспитанные люди, которые одѣлись въ прекрасныя новыя платья и не знаютъ, какъ въ нихъ держаться; стараются поступать, какъ можно приличнѣе, а рѣчами и движеніями невольно обличаютъ простонародныя привычки и низкое происхожденіе.

Камилла, — молодая женщина, на которой сочинитель хотѣлъ сосредоточить все участіе, — закладываетъ ожерелье, чтобы играть въ банкъ, думаетъ только о платьи, которое надѣнетъ вечеромъ, и сговаривается съ горничною обманывать мужа. Склонивъ его везти ее на балъ, вотъ въ какихъ выраженіяхъ она радуется своему успѣху: «Знай, говоритъ она служанкѣ, что я истощила все наше искусство водить за носъ мужчинъ. Вопли, слезы, жалобы, отчаяніе, ничто не было мною забыто. Я способна на все, лишь бы достигнуть цѣли.» Мудрено ли, что Камилла почти допускаетъ обольстить себя человѣку дурнаго общества, который не любитъ ея и нагло говоритъ ей такія вещи, которыхъ не стала бы слушать дура или женщина дурнаго поведенія. «Если, въ началѣ, вы боитесь возбудить въ мужѣ ревность, говоритъ онъ, то все для васъ кончено. Вамъ нельзя даже будетъ выѣхать, когда вы захотите. Мужъ сдѣлается вашимъ тираномъ и станетъ держать васъ въ вѣчномъ рабствѣ. Посмотрите на донну Оттавію, донну Евгенію, донну Гортензію: — каждая изъ нихъ имѣетъ своего *cavaliere*; свѣтъ одобряетъ ихъ выборъ, и мужья, какъ умные люди, нисколько не заботясь о подобныхъ бездѣлицахъ, предоставляютъ всему итти своимъ чередомъ. Вы также можете этого достигнуть и отъ васъ зависитъ настроить вашего мужа, какъ надо.» — Отецъ Камиллы совершенное животное. Онъ осыпаетъ дочь укоризнами за то, что она покупаетъ наряды, проигрываетъ въ карты и принимаетъ къ себѣ тѣхъ, кто ему не нравится; но по увѣренію служанки, что мужчины, которые посѣщаютъ ея госпожу, держатъ себя въ такомъ отъ нея отдаленіи, что въ промежуткѣ могутъ рядомъ проѣхать двѣ кареты, — укрощается такъ-же легко, какъ передъ тѣмъ впадалъ въ припадокъ гнѣва. Мужъ такъ холодно разсчетливъ и вмѣстѣ такъ круто управляетъ женою, что вовсе нельзя удивляться, если послѣдняя черезъ чуръ уже хитритъ въ своихъ поступкахъ. Данвиль, въ *Школѣ стариковъ* тоже нѣсколько брюзгливъ; но это расположеніе прилично его лѣтамъ; строгость его выкупается безпредѣльною нѣжностію и добротою; онъ вспылитъ и тотчасъ же приходитъ въ себя. Фульгенцій моложе его и вѣчно сохраняетъ свое хладнокровіе. Когда жена, выведенная изъ терпѣнія его спокойствіемъ и жестокостію, восклицаетъ: «Вы меня бѣсите!» — онъ, вмѣсто того, чтобы горячиться, довольствуется слѣдующимъ отвѣтомъ: — Я пойду посмотрю проснулся ли батюшка... Мы поговоримъ завтра. — Этотъ мужъ — италіянецъ, такъ холодно-ревнивъ, такъ горько-любезенъ, что его можно счесть способнымъ

ко всему — даже побить жену въ минуту досады. Ханжа Христина — достойная сестра Фульгенція; подобно ему, она вѣчно разсчитываетъ, только съ другою цѣлію. Фульгенцій не существъ желаетъ добра; сестра его старается только дѣлать зло; съ этою цѣлію, она подслушиваетъ у дверей, пересказываетъ, клевещетъ, чернитъ самые невинные поступки. Такой характеръ слишкомъ отвратителенъ, чтобы быть забавнымъ; онъ слишкомъ возмущаетъ нравственное чувство, чтобы можно было надъ нимъ смѣяться... Теперь, угодно ли имѣть понятіе о прекрасныхъ правахъ второстепенныхъ лицъ комедіи Нота—о Фламиніи, женщинѣ очень свободнаго образа мыслей, Филуккѣ — устарѣвшемъ волокитѣ — и другихъ. Вотъ нѣсколько сокращенныхъ сценъ изъ 4-го дѣйствія. — Поручикъ Гильомъ, которому не удалось ѣхать на балъ съ Камиллою, привезъ съ собою Фламинію. Камилла, которая пріѣхала на балъ съ мужемъ, встрѣчаетъ ихъ и разсматриваетъ.

— Эта маска что-то очень пристально на насъ смотритъ, говоритъ Фламинія поручику. — Вѣрно какая нибудь красавица, которая ищетъ приключеній. — Не хотите ли чашку кофію?—Нѣтъ, я лучше выпью розолію.—Эй, слуга, розолію и кофію!—Вы не говорите мнѣ о Камиллѣ: она вѣрно въ бѣшенствѣ, что ее не пустили на балъ?—О, вѣроятно, бѣдняжка! — Можетъ быть, этотъ разговоръ вамъ не пріятенъ?—Почему же? Ужъ не воображаете ли вы, что я влюбленъ въ Камиллу?— По крайней мѣрѣ, всѣ знаютъ, что она умираетъ отъ любви къ вамъ. — Я не могу запретить ей любить меня; но это меня не занимаетъ; она такъ молода, неловка; въ ней нѣтъ нисколько ума и пріятности! Немногія женщины, милая Фламинія, имѣютъ счастіе быть такими, какъ вы.—А между тѣмъ, не вмѣшайся мужъ, вы провожали бы ее сегодня на балъ.—Вы очень ко мнѣ несправедливы; я, напротивъ, объявилъ донѣ Камиллѣ, что обѣщалъ быть вашимъ кавалеромъ на весь вечеръ. *(Въ сторону).* Лгать женщинамъ значитъ платить имъ ихъ же монетою... Это розолію никуда не годится.— Въ театрѣ рѣдко продаютъ что нибудь хорошее...—Не угодно ли вамъ возвратиться въ танцовальную залу? — Нѣтъ, пройдемтесь лучше въ редутной.—Ужъ не хотите ли вы играть?—Вы угадали: я воспользуюсь маскою и рискну нѣсколькими червонцами.—(Картежница! не удивляюсь, что она разорила своего мужа.)—Вы не идете со мною? — Мнѣ не хочется играть. Я пойду заглянуть въ залу, гдѣ танцуютъ. — Хорошо; мы сойдемся на этомъ самомъ мѣстѣ.

Въ-эту минуту Фламинія и поручикъ встрѣчаютъ Филукку, — который вышелъ изъ танцовальной залы. Филукка разсказываетъ, что его мучитъ подагра; чтобы развлечь себя, онъ поставилъ нѣсколько денегъ, выигралъ 20-ть червонцевъ и удалился съ своимъ выигрышемъ.

— Кто выигралъ? восклицаетъ Фламинія.—Я, прекрасная синьора.—Славно; одолжите же мнѣ на минуту ваши 20 червонцевъ?—За чѣмъ? Вы хотите ихъ оставить у себя?—Нѣтъ, нѣтъ—ужъ дайте только.—Филукка даетъ ей 20 червонцевъ.—Ну, теперь скажитеже, что вы хотите съ ними сдѣлать?—Я хочу играть на нихъ — на ваше счастье.

Къ концу бала, поручикъ и поэтъ Раймондъ снова встрѣчаются съ Филуккою. Филукка говоритъ Раймонду: — Вы изъ за картъ?—Да.—Не видали ли донну Фламинію?—Какъ же! бѣдняжка вся проигралась!—Увы! бѣдные мои червонцы!—Она и меня просила, чтобы я поставилъ за нее червонецъ, но я очень вѣжливо отказался.»

Фламинія проигралась. Балъ приходитъ къ концу; она является съ растрепанными волосами и говоритъ поручику: уѣдемте скорѣе, я *все* проиграла и не хочу оставаться ни минуты долѣе на этомъ проклятомъ балѣ. — Поручикъ занятъ отыскиваніемъ портрета, который у не-

го похитили; онъ отвѣчаетъ ей очень учтиво: — Оставьте меня въ покоѣ; Раймондъ васъ проводитъ. — Мнѣ очень жаль, говоритъ Раймондъ, но я не могу этого сдѣлать. (У меня совсѣмъ нѣтъ охоты платить за карету).» По истинѣ, глупости масокъ и народныхъ лицъ комедіи *dell'arte* несравненно забавнѣе этихъ холодныхъ плоскостей. Низость подобныхъ нравовъ возмущаетъ всякое чувство нравственности и приличія. Нотъ, какъ и всѣ холодные и робкіе умы, почти всегда шелъ по слѣдамъ другихъ. Онъ безъ разбора подражаетъ Гольдони, Мольеру, Колень д'Арлевилю; но, подражая, обезображиваетъ образцы. Онъ отнимаетъ у Колень д'Арлевиля его тонкость и простодушіе; у Гольдони его одушевленіе, у Мольера его комическій жаръ. Переплавивъ съ большимъ трудомъ лучшія ихъ произведенія, онъ кладетъ ихъ въ свою форму, откуда они выходятъ до такой степени искаженные, что ихъ невозможно узнать. Кто бы повѣрилъ, напримѣръ, что пьемонтскій адвокатъ имѣлъ невѣроятную смѣлость передѣлывать *Мнимаго больнаго*? Въ этомъ случаѣ, въ особенности, обнаруживается слабость его творческой способности.

Что же онъ дѣлаетъ? Стараго Аргана, такъ натурально и забавно упорнаго въ своихъ опасеніяхъ, замѣняетъ молодымъ, чувствительнымъ юношею, который съ такою же довѣренностію, съ такимъ же спокойствіемъ, какъ и легковѣрный Мольеровъ старикъ, выслушиваетъ смѣшныя совѣщанія своихъ докторовъ. Какъ не почувствовалъ италіянскій авторъ, что одни только лѣта могли извинить подобную слабость и подобное легковѣріе? Какъ не понялъ онъ, до какой степени противоестественъ характеръ молодаго человѣка, который не смѣетъ любить, потому что боится умереть? Юность отважно стремится впередъ; у ней нѣтъ ни пустыхъ опасеній, ни смѣшной боязни. Человѣкъ, который, во цвѣтѣ лѣтъ, сталъ бы смотрѣть на барометръ, чтобы узнать, можетъ ли встать съ постели, совѣтоваться съ лѣкаремъ, можетъ ли онъ любить; слушать хладнокровно странныя и безконечныя совѣщанія гг. Кризалала и Кастореума — такой человѣкъ, вмѣсто того, чтобъ быть мнимо-больнымъ, могъ бы только внушить состраданіе и жалость своимъ положеніемъ.

Альфовсъ, больной Альберта Нота, окруженъ пройдохами, какъ и Мольеровъ Аргантъ, но эти пройдохи самаго низкаго разряда. Аспазія, сестра больнаго, которая о томъ только и думаетъ, какъ бы обирать брата по мелочамъ и оттянуть у него все имѣніе, осыпаетъ девьгами его докторовъ, чтобы они объявили его опасно больнымъ. Раймондъ, прихлѣбатель и низкій льстецъ, живится около Аспазіи, за которою онъ ухаживаетъ и видя, что для него нѣтъ уже надежды на богатство, тщательно отбираетъ назадъ вещи, которыя ей дарилъ и удаляется, говоря очень вѣжливо: «какъ! мнѣ жениться на неносной женщинѣ безъ приданаго! слугѣ-покорный! я еще не такъ глупъ!» — Таковы ли дѣйствительно нравы италіянскаго общества? Не думаемъ. Низость и корыстолюбіе въ этой степени кажутся намъ неестественными; видно, что сочинитель, для возбужденія занимательности, счелъ за нужное преувеличивать. А между тѣмъ, Нотъ считается по преимуществу писателемъ благоразумнымъ, и его піесы получили тотъ родъ уваженія, которое оказываютъ вѣрнымъ портретамъ. Эти же замѣчанія могутъ относиться къ его комедіямъ: *Гордал*, *Холостой Философъ*, *Честолюбивая Женщина*. И въ нихъ все тѣже низкіе нравы, тѣ же пошлыя положенія, тотъ-же слогъ гладкій, холодный, всюдѣ одинаковый. Его драмы *Маркиза де Гангесъ*, *Лаура и Петрарка* имѣютъ одно достоинство трудолюбиваго исполненія. Въ этихъ піесахъ тусклыхъ, безжизненныхъ, истина нагло искажена, безъ всякой пользы для искусства и занимательности. Нотъ заставляетъ, напр.

Лауру раздѣлять страстную любовь Петрарки; зритель присутствуетъ при ихъ семейныхъ ссорахъ, въ слѣдствіе которыхъ, довольно страннымъ образомъ, Лаура становится неприступною и строгою. Все это происходитъ отъ системы Нота, который всегда грубъ въ выборѣ подробностей, а между тѣмъ всегда стремится къ нравственной цѣли.

Піемонтскій поэтъ основалъ школу. Но его подражатели до такой степени стремятся къ серьезному и *выдержанному*, какъ они выражаются, что совершенно изгнали изъ комедіи забавное; по ихъ мнѣнію, смѣхъ приличенъ только фарсу. Люди съ дарованіемъ по невол получили отвращеніе къ подобнымъ искаженіямъ; но, не имѣя ни сколько свободы, необходимой комическому поэту, предпочли вовсе отказаться отъ описанія современныхъ нравовъ, и обратились къ драмѣ и трагедіи, въ которой нѣкоторые изъ нихъ предприняли проложить новые пути. Когда Альфіери держалъ скипетръ трагедіи, можно было подумать, что всѣ италіянскіе поэты устремятся вслѣдъ за нимъ, какъ то случилось во времена Петрарки. Подобное движеніе было въ самомъ дѣлѣ, но оно продолжалось недолго; только Монти и Пиндемонте вышли съ честію изъ толпы его подражателей. Манцони, Пеллико и Никколини, которые появились непосредственно за ними, очень благоразумно уклонились отъ проложеннаго пути. Каждый изъ сихъ поэтовъ имѣетъ свое достоинство и свой особенный характеръ. Пеллико, авторъ *Эсюри*, *Джисмонды* и *Франчески да Римини*, отличается отъ Альфіери болѣе внутреннимъ содержаніемъ, нежели наружною формою. *Пеллико* поэтъ нѣжныхъ ощущеній, тогда какъ Альфіери — поэтъ гнѣва, мести и всѣхъ чувствъ сильныхъ. *Въ Эсюри и Франческѣ* виденъ тотъ-же духъ смиренной покорности, которою дышетъ каждая страница *Темницы*.

Никколини — авторъ *Іоанна да Прочида*, *Людовика Мавра* и странной драмы *Набукко*, гдѣ онъ выставляетъ Наполеона подъ именемъ аллегорическаго лица, — Никколини составляетъ переходъ отъ Пеллико къ Манцони; форма принимаетъ у него болѣе объема; — подробности имѣютъ болѣе важности; изображеніе нравовъ нечувствительно замѣняетъ описаніе характеровъ, а изученіе обычаевъ и одежды — изученіе страстей. Манцони, при первомъ своемъ появленіи на драматическомъ поприщѣ, показалъ еще болѣе смѣлости. Онъ съ перваго раза усвоилъ національной драмѣ развитіе, которое отличаетъ драму англійскую и нѣмецкую. Геніальный писатель, который позже въ своемъ романѣ «*I promessi Sposi*» напомнилъ Вальтера Скотта, какъ драматическій авторъ, занялъ почетное мѣсто, вслѣдъ за Шекспиромъ и Шиллеромъ. Манцони можно считать главою ломбардской школы, которая стала во всѣхъ родахъ литературы въ первомъ ряду нововводителей. Піемонтцы и неаполитанцы не замедлили послѣдовать данному направленію, противъ котораго флорентинцы возстаютъ еще и до сихъ поръ. Къ несчастію, Пеллико умеръ, а Манцони отдыхаетъ на лаврахъ. Мистицизмъ поглотилъ всѣ ихъ способности. Подобно Расину, они приносятъ покаяніе за свои превосходныя творенія. Ихъ замѣнило новое поколѣніе драматурговъ. Маренко, авторъ *Беранжера*, Брофферіо — сочинитель *Витиеса*, *Короля Готовов*, Джіакомето, творецъ *Семейства Аскари*, — только посредственные послѣдователи школы Альфіери.

Баталья, Туротти и Джузепне Ревере, открыли для драмы новую дорогу. Подражая Манцони, они ввели на сцену историческій романъ и всѣ трое заимствовали содержаніе изъ отечественной исторіи. Изъ нихъ самый даровитый Баталья — авторъ *Луизы Строци*. Онъ умѣетъ искусно сосредоточить вниманіе на одномъ лицѣ, сообразить происшествія драмы, замедлить или ускорить дѣйствіе

для большаго удовольствія зрителей. Баталія покушался помирить школу романтиковъ съ классиками. Имѣя въ виду эту цѣль, онъ хотѣлъ облечь въ древнюю форму происшествія болѣе разнообразныя новѣйшей драмы. Джузеппе Ревере, авторъ *Лоренцино Медичи*, отъявленный врагъ всякой середины, собралъ столько лицъ въ своей драмѣ и далъ такую полноту каждой сценѣ, что для представленія ея потребовалось бы не менѣе сутокъ. Онъ имѣлъ намѣреніе, въ одно и то же время представить полную картину взятой имъ эпохи, какъ историкъ, и создать твореніе драматическое, но успѣлъ только въ половину. Любовь къ отчизнѣ, ненависть къ тиранству, религіозныя чувства, боязнь злаго духа, любовь нѣжная и распутство странно смѣшиваются въ его драмѣ; авторъ, кажется, наложилъ на себя обязанность говорить обо всемъ и не забывать ничего, что только относится къ его лицамъ.

Туротти, самый юный изъ трехъ названныхъ сочинителей, подаетъ большія надежды. Италіянскіе критики, разбирая его драму: *Графъ д'Ангвиссола*, привѣтствовали его восторженными похвалами, на которыя къ несчастію, они слишкомъ расточительны и которыя не худо бы поберечь для поборниковъ, посѣдѣвшихъ въ битвахъ, подобно Манцони и Пеллико. Какъ бы то ни было, драма Туротти есть самое замѣчательное драматическое произведеніе послѣднихъ годовъ; содержаніе ея исполнено жизни, хотя тщательно обработано; въ занимательности искусно соблюдена постепенность; колоритъ очаровательнъ. Предметъ драмы очень простъ. Петръ Людовикъ Фарнезе овладѣлъ Піачепцою; иго его тяготѣетъ надъ дворянствомъ. Джованни Ангвиссола, человѣкъ сильнаго и рѣшительнаго характера, составляетъ противъ тирана заговоръ, который обѣщалъ поддержать Ферранте Гонцего, Миланскій герцогъ. Между тѣмъ, какъ Ангвиссола ѣдетъ въ Миланъ для совѣщанія съ герцогомъ, Фарнезе схватываетъ и заключаетъ въ темницу его любовницу, Терезу дела Каза-Гоилка. Ангвиссола помышляетъ только о мщеніи и закалываетъ Фарнезе.—Туротти вознаграждаетъ новостью подробностей и выборомъ пружинъ, которыя онъ привелъ въ дѣйствіе,—простоту и даже можно сказать пошлость содержанія. Драма его—истинное созданіе страсти; жажда власти, желаніе мести, наглость притѣснителя, благородный гнѣвъ утѣсненнаго и двоякая любовь, матери и любовницы, наполняютъ быстрыя, яркія сцены этого замѣчательнаго произведенія. Италіянцы выхваляютъ его слогъ; *онъ вездѣ выдержанъ*, говорятъ они. Мы желали бы лучше, чтобы онъ былъ проще и естественнѣе. Безполезно говорить, что подобныхъ произведеній не играютъ въ Италіи; удивительно даже, какъ дозволили его напечатать.

Неаполитанецъ де Виржилисъ, котораго мы поставили въ число новѣйшихъ драматическихъ поэтовъ Италіи, рѣзко отдѣляется отъ группы своихъ современниковъ. Онъ отличается умомъ оригинальнымъ, но не яснымъ, запутаннымъ. Его *Комедія XIX вѣка* — твореніе гигантскаго размѣра, напоминаетъ въ одно время и *Фауста* и Дюмасова *Донъ Жуана де Марана*, и *la Fiera* Буонаротти младшаго, странную піесу, въ 25 дѣйствіяхъ, которую надо представлять 5-ть дней. Небо, земля, человѣческія страсти, сверхъестественныя силы,—все это вмѣстѣ походитъ на какой-то хаосъ. Созданіе де Виржилиса принадлежитъ къ тѣмъ, которыхъ единственное достоинство заключается въ странности, которыхъ не признаетъ вкусъ и отвергаетъ здравый смыслъ.

За этими сочинителями, которые по крайней мѣрѣ имѣютъ достоинство оригинальности, слѣдуетъ толпа подражателей и составителей, которые переводятъ французскіе мелодрамы и водевили, часто дѣлая изъ двухъ піесъ одну,

или изъ одной двѣ, смотря по значительности содержанія. Они преимущественно собираютъ дань съ бульварныхъ театровъ, гдѣ даются піесы самыя незначущія и по этому самому болѣе удобныя для примѣненія къ требованіямъ и понятіямъ толпы. Передавать картины мѣстныхъ нравовъ, требующія нѣжной, искусной кисти, вовсе имъ не по силамъ; къ тому же, ихъ довольно трудно понимаетъ публика. Нѣкоторые изъ нихъ, правда, покушаются, отъ времени до времени, почерпать предметы въ своемъ воображеніи и скроить оригинальную драму или водевиль; но подобныя попытки весьма рѣдко имѣютъ успѣхъ и потому большая часть считаетъ и лучше и прибыльнѣе слѣдовать за стадомъ подражателей. Феличе Романи въ Венеціи, Франческо Бонъ въ Турине одни остались вѣрными своему пути. Феличе Романи сочиняетъ большія мелодрамы «*à la* Пиксерикуръ», придавая имъ какое нибудь звучное названіе, напримѣръ «*Астурійскій пустынникъ*». Франческо Бонъ стремится гораздо далѣе. Онъ очень любитъ ужасныя мелодрамы и почерпаетъ свои вдохновенія въ «*Игрокѣ*», въ «*Нельской башнѣ*», или въ другихъ подобныхъ произведеніяхъ. Его драма: «*Бродяга*» — представленная прошедшею зимою въ Турине, имѣла тотъ мимолетный успѣхъ, который достается иногда на часть самымъ посредственнымъ сочиненіямъ.

Бродяга сначала жилъ въ довольствѣ, но пороки довели его до жесточайшей бѣдности. Жена его истощена болѣзнію. Подобно Уголино въ башнѣ голода, онъ окруженъ дѣтьми, которыя кричатъ ему: «батюшка, я голоденъ!» Этотъ порочный человѣкъ однако такъ гордъ, что не рѣшается просить милостыни. Онъ предпочитаетъ обвинять въ своемъ несчастіи всѣхъ, и съ проклятіями и богохульствами отвергаетъ утѣшенія жены. Жена — воплощенная добродѣтель, любитъ мужа, невзирая на его пороки, и сохраняетъ надъ нимъ нѣкоторую власть. Зная, что несчастный колеблется между преступленіемъ и самоубійствомъ, она старается возбудить его мужество, возвысить его упавшую душу. Двое неизвѣстныхъ неотступно преслѣдуютъ бродягу; они предлагаютъ ему въ одно и то же время средство обогатиться и случай отмстить сильному непріятелю. Если онъ похититъ его дочь и предастъ въ ихъ руки, — значительная сумма денегъ будетъ его наградою. Быть можетъ, чувство чести еще могло бы одержать въ душѣ его верхъ надъ корыстолюбіемъ, но это чувство слишкомъ слабо противъ желанія мщенія и корыстолюбія. Несчастный уступаетъ и назначаетъ свиданіе неизвѣстнымъ въ уединенномъ мѣстѣ. Оттуда онъ долженъ вести ихъ для исполненія ихъ замысловъ, потому что человѣкъ, которому онъ хочетъ отмстить — его родственникъ; ему знакомы всѣ входы въ его домъ. Преступленіе готово свершиться; но жена преступника, его ангелъ-хранитель, подстерегала всѣ поступки мужа; въ трогательной сценѣ, она сначала исторгаетъ у него признаніе въ его намѣреніи, умоляетъ его именемъ дѣтей отказаться отъ постыднаго заговора: наконецъ, искуснымъ образомъ пробудивъ въ немъ чувство раскаянія, она склоняетъ его отмстить врагу благодѣяніемъ. Эта сцена ведена съ совершеннымъ искусствомъ и составила успѣхъ піесы. Бродяга, обращенный къ добродѣтели, исторгаетъ дочь человѣка, который разорилъ его, изъ рукъ похитителей, возвращаетъ отцу и способствуетъ соединенію ея съ вельможею, который хотѣлъ ее обезчестить. Благодарный отецъ примиряется съ великодушнымъ непріятелемъ и возвращаетъ ему отнятое имъ имѣніе. Такимъ образомъ, добродѣтель получаетъ воздаяніе, порокъ наказанъ, невинность находитъ защиту и все оканчивается къ лучшему.

Очень естественно, что произведеніе, такъ благоразумно-трогательное, имѣло

большой успѣхъ, особенно при помощи актеровъ, которые отдаются и тѣломъ и душею своимъ ролямъ. Въ Италіи нерѣдки подобные актеры, исполненные, если не дарованія, то по крайней мѣрѣ одушевленія, которое замѣняетъ дарованіе; ихъ обыкновенно встрѣчаютъ на второстепенныхъ театрахъ. Готтарди, въ піесѣ, о которой мы сейчасъ говорили, своею стремительною и даже нѣсколько дикою игрою, восхищалъ самыхъ холодныхъ зрителей; актриса Беттина чудесно ему содѣйствовала. Въ сценѣ обращенія мужа на путь истины, словами: «Посмотри на меня, я мать твоихъ дѣтей!..» она исторгала слезы у зрителей. Эти актеры, обыкновенно столь жалкіе и часто грубые, обладаютъ чудеснымъ даромъ трогать. Они умѣютъ употреблять въ свою пользу свою грубость, безобразіе, уродство и даже свои пороки и привычки. Казачіелло, въ Неаполѣ, почти всегда являлся на сцену пьяный, съ величайшимъ трудомъ держась на ногахъ; едва можно повѣрить, какую выгоду онъ извлекалъ изъ своего положенія, въ особенности въ шутовскихъ, нѣсколько преувеличенныхъ ролях. Онъ умѣлъ неподражаемымъ образомъ терять равновѣсіе, то скрестивъ ноги, когда сидѣлъ, то спотыкаясь, когда стоялъ. Падая, онъ хватался за сосѣда, сосѣдъ за другаго, кто былъ къ нему ближе, а этотъ за слѣдующаго.—Казачіелло былъ огромнаго роста; его паденіе неизбѣжно увлекало всѣхъ, такъ что въ одну секунду всѣ лица на сценѣ валились, какъ карточные солдатики, при неистовыхъ рукоплесканіяхъ публики. На масляницѣ, паденія простирались до оркестра и угрожали даже партеру. Италія обладаетъ еще превосходными актерами-буффами, которые, вообще, имѣютъ каждый свой отличительный характеръ. Есть актеры, исполняющіе одни—роли гондольщиковъ, или хромыхъ кучеровъ; другіе—роли заикъ, или кривыхъ,—потому что сами хромы, кривы, или заики. Италіянцы способны очень долго забавляться однимъ и тѣмъ же. Въ мое первое пребываніе въ Венеціи, на одномъ изъ маленькихъ театровъ Ріальто, играли піесу, въ которой дерутся тріестскіе матросы. Одинъ изъ нихъ отвѣсилъ такой ударъ своему противнику, что вышибъ ему глазъ. Побѣжали за докторомъ. На сцену явился толстякъ въ платьѣ, обшитомъ галунами, съ огромнымъ мѣшкомъ, наполненнымъ инструментами, вытащилъ ужасной величины клещи и молча приступилъ къ операціи. Помучивъ порядкомъ несчастнаго паціента, онъ, не говоря ни слова, сталъ сбираться домой.—Скажите-же, пожалуйста—что мой глазъ? не правда ли, я потерялъ его? спрашивалъ паціентъ.—Нѣтъ, отвѣчалъ хирургъ—онъ у меня въ рукѣ.—Совершенное спокойствіе, съ которымъ толстякъ произнесъ свой ужасный отвѣтъ, забавное тѣлодвиженіе, которымъ онъ его сопровождалъ, заставляли присутствующихъ помирать со смѣха и содрогаться отъ ужаса. Три года спустя, я снова проѣзжалъ Венецію и изъ любопытства запелъ въ тотъ же театръ; давали ту же піесу, тотъ же самый актеръ произносилъ знаменитый отвѣтъ и онъ принятъ былъ съ прежнимъ смѣхомъ и рукоплесканіями. Позже я узналъ, что эту піесу давали болѣе 100 разъ ежегодно и что, благодаря отвѣту хирурга, она не переставала привлекать зрителей. Нѣтъ сомнѣнія, что провинціальные шуты и четыре маски театра обязаны своимъ долговременнымъ успѣхомъ рѣдкому постоянству Италіянцевъ. Оно составило счастіе веселаго и здравомыслящаго Арлотто, Бертольда и сына его Бертольдино, хитраго поселянина, выражающагося не иначе, какъ сентенціями,—которыми генуезцы и милапцы забавляются едва-ли не со времени королей Альбоина и Дидье; ему же обязанъ благосклонностью публики и флорентинскій простакъ Арцигоголо. Этотъ чудакъ былъ обвиненъ въ воровствѣ; его приводятъ въ судъ; по совѣту адвоката,

онъ прикидывается сумасшедшимъ и на всѣ вопросы судьи отвѣчаетъ пронзительнымъ свистомъ. Судья его оправдываетъ. Приходитъ адвокатъ за платою:— хитрый мужикъ отвѣчаетъ ему тѣмъ же свистомъ. Актеры, которые однажды пріобрѣли расположеніе италіянской публики, могутъ надѣяться, что она долго останется имъ вѣрною. Лучшій комическій актеръ въ Италіи, безспорно, Гаттинели. Онъ царь комической декламаціи, такъ-же, какъ Моріани царь пѣнія. Дарованіе Моріани въ послѣдніе два года достигло рѣдкаго совершенства. Гаттинели можно назвать образцемъ италіянскаго актера, который къ комическому одушевленію, къ умственной способности, непремѣнно долженъ присоединить еще большую гибкость тѣла. И такъ, теперь въ Италіи недостатокъ не въ актерахъ для хорошихъ произведеній, а въ хорошихъ піесахъ для актеровъ, осужденныхъ вѣчно представлять холодные очерки Ноты и нравственныя пошлости его послѣдователей, или драмы, въ которыхъ природою такъ часто жертвуютъ для громкихъ сценическихъ эффектовъ. Никто еще не замѣнилъ Гольдони и Альфіери, какъ они ни далеки отъ совершенства; большая часть ихъ подражателей нисколько не поднимается выше посредственности. Съ другой стороны, романтики, которые идутъ по слѣдамъ Манцони, пишутъ романы въ разговорахъ, неудобные для сцены по излишеству развитій и трудности постановки. Два или три юныхъ дебютанта подаютъ нѣкоторую надежду; но какую нужно имъ имѣть твердость, чтобъ постоянно итти по пути неблагодарному, усѣянному терніями и который такъ мало обѣщаетъ имъ славы. Комедія упала еще ниже драмы. Правда, что съ нынѣшнею системою правленія она невозможна; самъ Нотъ, котораго сначала гнали, и потомъ уже ласкали, болѣе не пишетъ. У него есть подражатели; но можно ли назвать комедіями піесы глупыя, пошлыя и только-что не безнравственныя, піесы, которыя отъ времени до времени рѣшаются ставить на театры какіе нибудь *нѣты*, которые на чердакѣ изучали человѣческое сердце. Придавъ нравственную цѣль своимъ рапсодіямъ, эти бездарные писаки воображаютъ, что создали философскую комедію и величаютъ себя Мольерами Италіи, какъ-будто въ комическомъ искусствѣ нравственная цѣль можетъ замѣнить отсутствіе одушевленія и веселости. Высокая комедія уже не существуетъ въ Италіи и, быть можетъ, никогда въ полномъ смыслѣ не существовала. Раннее развитіе драматическаго искусства за Альпами въ то время, когда, въ остальной Европѣ, оно не достигло еще дѣтскаго возраста, обѣщало зрѣлую возмужалость; но не такъ вышло на дѣлѣ: оно остановилось на нѣсколько времени на одной точкѣ и вскорѣ пало. Италіянцы опередили французовъ, но французы ихъ превзошли. Сомнительно даже, чтобы они когда-нибудь не только одержали надъ ними верхъ, но даже сравнялись съ ними. Для этого нужно было бы измѣнить характеръ народа,—но подобное явленіе едва-ли когда можетъ случиться, хотя измѣнчивость нѣкоторыхъ италіянцевъ и заставляетъ предполагать противное. Дѣйствительно, перемѣны, произведенныя иностранцами въ ихъ природномъ характерѣ, никогда не бывали продолжительны. Испанцы, нѣмцы, французы оставили въ нравахъ народа слѣды своего владычества, но ни одинъ изъ нихъ не произвелъ въ нихъ значительной перемѣны.—Италіянецъ и теперь тотъ же, какимъ былъ во времена Льва X-го и Макіавеля—весь инстинктъ и страсть. Лица, отдѣльно взятыя образуются; но масса народа сохраняетъ свои нравы, нѣсколько дикіе, и тотъ складъ ума, который кажется намъ такимъ грубымъ. И теперь, какъ за 40 лѣтъ предъ симъ, во времена вторженія французовъ, какъ за 100 лѣтъ, когда италіянцевъ наблюдали Дюкло и Де-

бросъ, какъ за три вѣка, когда Монтень останавливалъ на нихъ наблюдательный взоръ,—сущій дѣти природы—они увлекаются зломъ и добромъ съ одинаковою легкостью. Объ нихъ очень справедливо говорятъ, что они ни къ чему не станутъ принуждать себя и ни отъ чего не станутъ удерживаться, потому что на нихъ смотрятъ. Въ этомъ, они совершенная противоположность французамъ. Народъ, который такъ мало уважаетъ мнѣніе, не можетъ доставлять обильной пищи для комедіи право- и характеро-описательной, потому что для него рѣшительно ничто не кажется смѣшнымъ и страннымъ.

Другая причина упадка и посредственности комедіи заключается въ излишней неприхотливости публики, всегда готовой притти въ изступленіе, отдаваться актеру и соединить его съ лицемъ, которое онъ представляетъ. Когда неаполитанскій импровизаторъ разскажетъ окружающей его толпѣ какую нибудь трагическую исторію, которая кончится несчастіемъ, слушатели удаляются съ неудовольствіемъ, и возвратясь домой, бьютъ своихъ женъ. Даже люди лучшаго круга, пробуждаясь на другой день, думаютъ о роковой развязкѣ драмы, слышанной ими наканунѣ. Очень понятно, что сочинители, назначая свои произведенія для такой публики, не считаютъ себя обязанными дѣлать большихъ усилій, или предаваться трудному изученію; они увѣрены, что и безъ того возбудятъ сочувствіе и заслужатъ рукоплесканія.

Постоянство итальянской публики, ея природный характеръ, доведенный до крайности, ея готовность всѣмъ забавляться,—изъясняютъ продолжительный успѣхъ народной комедіи, той въ особенности, которая нападаетъ на провинціальные недостатки, легко схватываемые народомъ. Для этой комедіи, быть можетъ, еще готовится жизнь въ будущемъ. И дѣйствительно, еслибы искусный писатель взялся усовершенствовать и развить народную комедію, трудно опредѣлить до какой степени она могла бы возвыситься и усилиться. Теперь же она служитъ только шутовскою приправою убійственно-скучнымъ драмамъ или тяжелымъ благороднымъ комедіямъ новѣйшаго театра.

Мольеръ, котораго упрекали за глупость Скапина, отвѣчалъ: «Публика бросила Мизантропа для Скарамуша; я поручилъ Скапину воротить ее.» Нынѣшніе Скапины не могутъ, правда, сослаться на подобныя образцовыя произведенія, но сами они не лишены личнаго достоинства. Приведенная въ дѣйствіе геніяльнымъ писателемъ и направленная на путь, который Анелли, Тезари, Зографи только слегка указали, народная комедія, до сихъ поръ полная жизни за Альпами, безъ сомнѣнія произвела бы счастливый переворотъ въ драматическомъ искусствѣ и, быть можетъ, воскресила истинную итальянскую комедію, умершую такъ скоро послѣ своего рожденія.

НЕСЧАСТЛИВЕЦЪ ВЪ ЛЮБВИ,

ИЛИ

ЧУДНЫЯ ЛЮБОВНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ РУССКАГО ГРАЦІОЗО.

I.

«Que font quelques femmes? Elles babillent, s'habillent et se désbabillent» сказалъ Панаръ—истина неоспорима, которая была бы еще выпуклѣе, если бы почтенный авторъ слово quelques замѣнилъ членомъ *les*... Не говорите мнѣ о постоянствѣ женщинъ, о томъ, что онѣ способны на все великое и прекрасное, о самоотверженіи и героизмѣ ихъ:—не вѣрю, тысячу разъ не вѣрю... Женщина создана для шутки;— есть ли что иное, какъ шутка; жизнь ея замысловатая шутка, страсти ея—шутка, и способна она на одинъ великій мелочи, на одинъ шутки!.. Не говорите мнѣ, что она въ состояніи понять высокую, фанатическую любовь мужчины:— она притворяется, что понимаетъ ее; мужчина вѣритъ ей на-слово, и скоро узнаетъ, что то была новая шутка!.. Я ненавижу женщинъ, и смѣло сознаюсь въ томъ, не боясь мщенія прекраснаго пола.

Но не такъ легко искоренить заблужденіе вѣковъ одними словами, безъ доказательствъ, и потому, какъ человѣкъ, постигающій всю важность предпринимаемаго подвига, представляю я на судъ всѣхъ благомыслящихъ людей неоспоримыя доказательства того, что утверждаю; они не придуманы, но взяты изъ жизни вашего покорнѣйшаго слуги, который имѣлъ равную съ вами глупость латься въ обманъ, и быть игралищемъ женщинъ болѣе, чѣмъ кто-либо...

Рано задумалъ я объ женщинахъ, рано заговорило во мнѣ сердце, рано почувствовалъ я потребность любви и необходимость женскаго пола для совершеннаго счастія человѣка. Еще ребенкомъ, на школьной скамьѣ, подъ скучныя лекціи тощаго профессора, уже мечталъ я о черныхъ и голубыхъ глазкахъ, русыхъ, бѣлокурыхъ и каштановыхъ кудряхъ, губкахъ и носикахъ всѣхъ калибровъ, ножкахъ и ручкахъ всѣхъ формъ и размѣровъ,—мечталъ, а дѣтское сердчишко такъ и колотило подъ казенною курточкою, и глаза, устремленные въ тетрадь геометріи, въ треугольникахъ и пирамидахъ видѣли идеалы, которые создавало шаловливое воображеніе!.. Но рано тоже узналъ я, какъ накладны для сердца, ума и тѣла подобныя мечты: по милости ихъ, я никогда не зналъ заданнаго урока; вмѣсто ученыхъ записокъ профессора писалъ стихи всѣхъ возможныхъ размѣровъ, на всѣ возможныя темы; вмѣсто геометрическихъ фигуръ чертилъ одни носики, глазки и головки,—и все это влекло за собою очень непріятныя для меня послѣдствія... Но какъ поэтъ, я стоялъ выше обыкновенныхъ смертныхъ, съ презрѣніемъ и отчаянною твердостію простаивалъ по недѣлѣ за штрафнымъ столомъ, и, питаясь сладкими мечтами, довольствовался въ существенности хлѣбомъ и водою, съ стоическимъ хладнокровіемъ выслушивалъ длинныя убѣдительныя рѣчи инспектора, и только кусалъ губы отъ досады при анти-изящныхъ выраженіяхъ оратора. Но даже еще въ ребячествѣ я не довольствовался однѣми мечтами; я

жаждалъ осуществленія ихъ, и въ каждомъ хорошенькомъ личикѣ видѣлъ свой идеалъ, вспыхивалъ, томился, вздыхалъ, писалъ нѣжныя записочки на розовыхъ бумажкахъ, съ безднною точекъ и восклицательныхъ знаковъ; но къ немалой досадѣ влюбленнаго юноши, «идеалы» его не понимали, не умѣли цѣнить страсти поэта; иныя, болѣе сострадательныя, улыбались, другія, менѣе идеальныя, хмурили брови и надували маленькія губки, иныя, болѣе прозаическія, даже изустно объявляли свое негодованіе въ выраженіяхъ, которыя сильно дѣйствовали на мое самолюбіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ показывали всю полноту ихъ невѣжества; одна даже—о, стыдъ и срамъ!—половольствуясь личнымъ выговоромъ, пожаловалась своей маменькѣ, а та инспектору, а тотъ... Съ тѣхъ поръ долго, долго не могъ забыть я глубокой раны, нанесенной моему сердцу; пылкость моя упала на точку замерзанія...

Наконецъ я, благодареніе Аллаху, кончилъ безконечный курсъ ученія; я получилъ свободу... Очертя голову, кинулся я въ вихрь свѣта; въ какомъ-то непонятно-сладостномъ опьяненіи вертѣлся въ неистовомъ вальсѣ наслажденій, или мчался въ бѣшеномъ галопѣ страстей...Огумяненный счастіемъ, я не въ силахъ былъ остановить ни мысли, ни взоры исключительно на одномъ предметѣ; мнѣ хотѣлось заразъ стиснуть въ своихъ объятіяхъ все человѣчество, влюбиться во всѣхъ женщинъ, вспыхнуть пламенемъ страсти, сгорѣть въ немъ, превратиться въ пепелъ, и разлетѣться отъ жаркаго дыханія красавицъ... Мало по малу мысли мои пришли въ порядокъ; сердце стихло, какъ природа стихаетъ передъ бурею; глаза, утомленные пестротою, искали предмета, на которомъ бы могли отдохнуть—я былъ на той степени чувства, съ которой переступаешь на степень любви... Я сталъ замѣчать, что всѣхъ женщинъ было бы для меня даже много.

Недолго искало себѣ сердце повелительницы: оно поверглось къ ногамъ семнадцати-лѣтней дѣвушки, и полюбило ея неземной красотѣ весь пылъ свѣжаго сердца... А если бы вы знали, какъ хороша была моя Софья, какъ лучезарна была красота ея бѣлокурой головки, съ томными голубыми глазками, смѣющимся ротикомъ и прозрачными щечками, слегка наведенными румянцемъ утренней зари. Она была мила, какъ ребенокъ, обворожительна, какъ гурія, легка, какъ перышко колибри; и мнѣ-ли, съ моимъ-ли сердцемъ можно было противостать владычеству ея красоты? Она рабски влачилась по слѣдамъ ея, когда она носилась бабочкою въ вихрѣ вальса, порхала райскою птичкою подъ музыку мазурки, или плавала золотою рыбкою подъ звуки контрданса. Я слѣдовалъ за нею; какъ тѣнь былъ на всѣхъ вечерахъ, гуляньяхъ, въ театрахъ— вездѣ, гдѣ была она, такъ, что она не могла ступить шагу, не встрѣтившись со мною...Любовь находчива; для меня преградъ не существуетъ— я вошелъ въ домъ родителей Софьи. Я не говорилъ вамъ еще, что Софья была единственною дочерью одного изъ богатѣйшихъ купцовъ, получила блестящее воспитаніе въ извѣстномъ модномъ пансіонѣ, и была идоломъ своего старика-отца, который, однако, не смотря на безграничную любовь къ дочери, не отступалъ ни на шагъ отъ обычаевъ почтенныхъ предковъ, считалъ выборъ жениха неоспоримымъ правомъ и священнымъ долгомъ отца...

Вы вѣрно знаете по себѣ, какъ бываютъ увѣрены въ своихъ достоинствахъ молодые люди, только-что вышедшіе изъ подъ ферулы учителя, и потому не удивитесь, что я, нисколько не колеблясь и не подозрѣвая неудачи, объявилъ почтенному батюшкѣ Софьи о привязанности къ его дочери, и о намѣреніи соединиться съ нею узами законнаго брака... Но, увы! батюшка Софьи не раздѣлялъ со мною мнѣнія о моихъ личныхъ достоинствахъ, не принялъ въ уваженіе ни моей любви, ни моей будущей славы (я былъ увѣренъ, что со временемъ непремѣнно прославлюсь), и отказалъ наотрѣзъ, основываясь на глупыхъ отговоркахъ, что я губернскій секретарь и получаю всего шесть сотъ рублей жалованья—будто генію нужны высокій чинъ и большое жалованье! ! Но, несмотря на неосновательность этой причины, ни на мои доводы, доказательства и убѣжденія, упрямый старикъ стоялъ на сво-

емъ, и кончилъ тѣмъ, что, вышелъ изъ терпѣнія отъ моей неотвязчивости, довольно невѣжливо попросилъ меня убираться, и избавить на будущее время отъ своихъ визитовъ. Что мнѣ было дѣлать? Я былъ на верху отчаянія, я покушался на жизнь свою, и, увѣряю васъ, отъ моей горячей головы это-бы легко сталось, если-бы письмо моего ангела-хранителя, Софьи, не спасло меня отъ этого преступленія.

«Mon ange» писала она: «хотя я не въ силахъ противиться воли отца, и потому никогда не могу быть *твоею*, но, не смотря на то, сердце мое будетъ принадлежать одному тебѣ; тебя одного люблю, любила и буду любить!.. Утѣшься, милый другъ; неужели нельзя быть счастливымъ на землѣ чистою, идеальною любовью? Я привыкла видѣть въ тебѣ человѣка, нисколько непохожаго на другихъ, способнаго *понимать* меня — неужели я обманывалась?.. Будь мужемъ.. люби меня *идеально*, и не теряй надежды на соединеніе, если не тутъ, то *тамъ*!.. Твоя навѣкъ *Софья*.»

Это письмо, разумѣется, было бы плохимъ утѣшеніемъ теперь, но тогда, когда всѣ предметы видѣлъ я не иначе, какъ сквозь призму поэзіи, — оно остановило порывъ отчаянія.

Но скоро почувствовалъ я, что этой *идеальной* любви для меня недостаточно, что мечты не въ состояніи утолить жажды взаимности, что поцѣлуи подушки не въ силахъ утишить взрывовъ страсти... земное вкралось въ небесное, и я снова искалъ сближенія съ своимъ идеаломъ... Но отецъ Софьи съ неутомимостью наблюдалъ за дочерью, и я не могъ улучить минуты, въ которую могъ бы перебросится съ нею парою словъ...

Видя безполезность своихъ исканій, я задумался... Злая мысль запала въ мою голову... Она не покидала ни на минуту, мучила, душила меня... Я рѣшился на гнусное средство: прінскать Софьѣ мужа!!.. Какой-то адскій духъ помогалъ мнѣ въ этомъ планѣ;—онъ указалъ мнѣ на моего школьнаго товарища и друга, сына богатыхъ родителей, и въ лобавокъ гусарскаго корнета. Я опуталъ его сѣтями дружбы, вдохнулъ въ него мысль о женитьбѣ, раздувалъ, укоренялъ ее, такъ что наконецъ онъ такъ сроднился съ нею, что считалъ ее своею. Тутъ я натолкнулъ его на Софью, какъ Іуда продавалъ любовь свою за порочныя надежды въ будущемъ. Красота Софьи поразила его, онъ посватался, отецъ ея согласился, Софья, не имѣла силы, а можетъ быть, и не хотѣла противиться волѣ отца,—и черезъ мѣсяцъ она стояла уже съ своимъ женихомъ передъ брачнымъ налоемъ, и я, ея возлюбленный, держалъ вѣнецъ надъ головою своего друга!.. Софья съ изумленіемъ смотрѣла на мои поступки; она дивилась моему самоотверженію, моей твердости — она *уважала* меня.

Томскій (имя моего друга) по женитьбѣ оставался по-прежнему моимъ другомъ; онъ привязался ко мнѣ еще болѣе, и съ дѣтскою довѣрчивостію дѣлился со мною избыткомъ счастія, причиною котораго считалъ меня. Каково было мнѣ слушать его—судите сами: и я слушалъ, притворялся, что радуюсь его счастію, и въ то-же время медленными, осторожными шагами приближался къ предположенной цѣли. Сначала, въ бесѣдахъ съ Софьею, не было и въ поминѣ любви; далѣе, по временамъ промелькивали воспоминанія прошедшаго, тамъ жалобы на судьбу, на свое несчастіе, на свои страданія и т. д. Софья слушала меня, вѣрила мнѣ, сожалѣла, утѣшала—и только... Терпѣніе мое истощалось, я положился на неопытность и любовь ко мнѣ Софьи,—и сталъ дѣйствовать открытѣе. Софья поняла меня. И кроткая, 17 лѣтняя женщина однимъ взглядомъ, однимъ словомъ разбила въ дребезги всѣ планы, которые строились въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ подъ руководствомъ страсти.. Софья поняла все: она увидѣла, какъ искусно опутывалъ я сѣтями коварства ея добродѣтель, ея волю. Двери дома друга моего закрылись для меня...

Стыдъ, раскаяніе, досада, бѣшенство, любовь разрывали сердце мое на части; мнѣ должно было бѣжать Софьи, бѣжать воздуха, которымъ дышала она, бѣжать себя самаго, своей страсти—и я хватаюсь за первое попавшееся подъ руку средство: прошу перевода въ Москву, и,

черезъ недѣлю, сказавъ *прости* Петербургу, Софьѣ и своей любви, скачу очертя голову, по московской дорогѣ, оставивъ за собою толпу мечтаній, надеждъ и плановъ... Пылкость души моей упала опять къ точкѣ замерзанія!...

II.

Москва славится калачами и невѣстами—дѣло извѣстное. Дорога поохладила припадокъ отчаянія; разсудокъ сталъ робко подавать голосъ о своемъ существованіи; онъ толковалъ мнѣ о твердости и развлеченіи—совѣты, при тогдашнихъ обстоятельствахъ не совсѣмъ дурные—и я спѣшилъ воспользоваться ими. Услужливость одного пикольнаго товарища, постояннаго жителя Москвы, и фактическое радушіе москвитянъ очень пособляли мнѣ въ исполненіи этого намѣренія. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, а я, къ стыду моему, отуманенный ароматическою атмосферою баловъ и легіонами красавицъ, почти совсѣмъ забылъ и свое несчастіе, и свою *идеальную* Софью. Вы, можетъ быть, подумаете, что страсть, забытая такъ скоро, была несправедливо принимаема мною за любовь; въ такомъ случаѣ вы очень обманываетесь: то была любовь, любовь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ это чувство впервые названо любовью. И между тѣмъ я все таки забылъ Софью. Сердце мое, по прихоти случая, создано такъ, что съ неимовѣрною легкостью воспламеняется отъ пары хорошенькихъ глазокъ, но охлаждается еще быстрѣе, для того, чтобы воспламениться отъ дуновенія новой страсти. У Лунскаго, одного изъ извѣстнѣйшихъ хлѣбосоловъ Москвы, былъ вечеръ для встрѣчи новаго 18.. года. Общество было многочисленное и блестящее; въ хорошенькихъ личикахъ не было недостатка; но среди этого роскошнаго цвѣтника розъ одна была пышнѣе, ароматнѣе своихъ прелестныхъ подругъ, и взоръ наблюдателя, скользя по цвѣтистому ковру, съ изумленіемъ останавливался на головкѣ, принадлежавшей Лидіи Карно, лучшей розѣ цвѣтника красавицъ этого вечера. Лидія была двадцати-лѣтняя супруга шестидесяти-лѣтняго подагрика, съ тремя тысячами душъ, фіолетовымъ носомъ, звѣздою и огромною лысиною. Всѣ эти личныя достоинства Карно придавали ему большой вѣсъ въ обществѣ; но красота Лидіи была чуть ли не главнымъ изъ этихъ достоинствъ, и почтенный супругъ, хорошо зная это, не упускалъ случая пощеголять *своею собственностью*. На всякомъ порядочномъ вечерѣ онъ былъ непремѣннымъ рыцаремъ зеленаго поля, а жена его Божьею карою за грѣхи всѣмъ лицамъ и личикамъ женскаго пола!!

Но злоба матушекъ, злословіе тетушекъ и зависть дочекъ и женъ еще болѣе придавали Лидіи интереса въ глазахъ блестящей молодежи. Всѣ вились около нея, какъ рой пчелъ около улья, жужжали комплиментами, *стрѣляли холостыми зарядами вздоховъ, полу-признаній и глазокъ;* осмѣивали другъ друга, и всѣ были равно счастливы, или вѣрнѣе, равно несчастливы: Лидія со всѣми была равно-благосклонна, со всѣми равно мила, и ни съ кѣмъ—коротка. Лидія была, какъ и всѣ женщины, хорошенькія и дурныя, начиная отъ прабабушки Евы, кокетка!.. Не смотря на неудачныя попытки столь многихъ, я, съ свойственною мнѣ самоувѣренностію, смѣло приступилъ къ атакѣ, слѣдуя влеченію сердца, которое давно уже было тревогу.

Лидія слушала меня съ примѣтною разсѣянностію: въ этотъ вечеръ она была скучнѣе обыкновеннаго. Но сердце понукало меня, самолюбіе подстрекало, разсудокъ обнадеживалъ—и не робѣлъ. Я преслѣдовалъ ее похвалами, восторгами, комплиментами, вздохами—и былъ чертовски краснорѣчивъ, и не удивительно: во мнѣ говорило сердце: наконецъ, увлекшись блестящимъ фейерверкомъ мыслей и чувства, она слѣлалась внимательнѣе, благосклоннѣе: милая улыбка заиграла на ея коралловыхъ губкахъ; ея личико воодушевилось жизнью, въ глазахъ заискрилось чувство,—она была очаровательна. Демонъ самолюбія и страсти поджигалъ меня болѣе и болѣе; я становился смѣлѣе и смѣлѣе, она дѣлалась благосклоннѣе и благосклоннѣе.

Зоркіе глаза зависти успѣли уже за-

мѣтить это, и на каждомъ шагу встрѣчалъ я долгія, уморительныя физіономіи, на которыхъ ясно были написаны худо-скрываемая злоба и досада, и нескрываемая насмѣшка. Я торжествовалъ. Но кто вообразитъ себѣ восторгъ, блаженство—нѣтъ не то—какое-то особенное, сверхъестественное чувство, невыразимое слишкомъ холоднымъ, пошлымъ, матеріальнымъ языкомъ человѣка, чувство, близкое къ безумію, каплю, въ которую перегнаны всѣ лучшія наслажденія жизни—однимъ словомъ, что почувствовалъ я, когда гордая, холодная, непобѣдимая Лидія своею крошечною ручкою, съ трепетомъ страсти, сдавила мою неуклюжую, прозаическую руку?... Какой-то туманъ набѣжалъ на глаза мои, какой-то хаосъ завьюжилъ въ головѣ, какой-то огонь охватилъ сердце... я готовъ былъ вскрикнуть отъ неизъяснимой, пронзительной боли; мнѣ чудилось, что всѣ мои нервы готовы лопнуть отъ напряженія; я страдалъ,—и, не смотря на то, я желалъ-бы пострадать еще хоть минуту этимъ чувствомъ, чтобъ умереть отъ избытка счастія... Все это продолжалось не долѣе одного мгновенія; я взглянулъ въ глаза Лидіи, и они сказали мнѣ, что то былъ не обманъ чувствъ, не сонъ, не случай; что рука ея была проводникомъ сердца, наэлектризованнаго страстью!...

«Вѣрить-ли мнѣ своему счастію?» едва проговорилъ я, задушаемый приливомъ крови.

— Молчите! прошептала она: за нами наблюдаютъ.

Еще новичекъ въ обществѣ, я не успѣлъ постичь трудной науки маскировать чувства; слѣдуя инстинктивному влеченію, быстро взглянулъ въ сторону,—и глаза мои встрѣтились съ глазами одного офицера. Я не вынесъ его взгляда: огонь глазъ его прожегъ мое сердце. Легкая улыбка пробѣжала по лицу Лидіи; вѣроятно я былъ очень смѣшонъ въ эту минуту.

Кадриль кончилась (все это происходило въ продолженіи одной кадрили); я намѣреваюсь помѣститься сзади стула Лидіи, но короткое «на минуту», сказанное офицеромъ, принудило меня оставить свой завидный постъ и послѣдовать за нимъ на другой конецъ залы.

— Что у васъ было съ нею? сказалъ онъ глухимъ голосомъ, стискивая въ своей желѣзной рукѣ мою бѣдную руку.

— Вопросъ довольно неумѣстный, отвѣчалъ я, собравшись съ духомъ:—и не совсѣмъ вѣжливый, присовокупилъ я, оправившись отъ невольнаго страха.

— Что у васъ было съ Лидіею Александровною? повторилъ онъ, не обращая вниманія на слова мои и стиснувъ мою руку сильнѣе прежняго.

— Какое вы имѣете право спрашивать меня объ этомъ,—отвѣчалъ я, выходя изъ терпѣнія—пустите меня.

— Ты негодяй—слышишь? — сказалъ усачь, сверкая своими страшными глазами.

— Да какъ вы смѣете? да знаете-ли, что за это васъ...

—Завтра мы съ вами увидимся, прервалъ онъ меня: вашъ адресъ!—

— На что вамъ?

— Вашъ адресъ, говорю я!

И я машинально, какъ бы подъ вліяніемъ какого-то волшебства, опустилъ въ карманъ руку и вынулъ карточку. Онъ вырвалъ ее изъ руки моей и оставилъ меня, ошеломленнаго отъ неожиданности этой сцены. Оправившисьотъ смущенія, я бросился отыскивать въ толпѣ гостей Лидію, но всѣ поиски мои были безуспѣшны: во весь остатокъ вечера я не встрѣчалъ ни Лидію, ни усатаго соперника. Грустный и встревожевный происшествіями вечера, возвратился я домой, и долго, долго не могъ заснуть, мечтая о неожиданномъ счастіи, которое послало небо на мою долю. Прелестное личико Лидіи и страшное лицо офицера попеременно представлялись разгоряченному воображенію; странное дѣялось со мною: я то вздыхалъ, то хохоталъ, то начиналъ жаркое любовное объясненіе, то вступалъ въ жестокія пренія объ оскорбленіи чести. Наконецъ, утомленный душевнымъ волненіемъ, я забылся...

И какихъ сновъ не пересмотрѣлось мнѣ въ эту ночь! Я пережилъ въ нее нѣсколько лѣтъ, рѣдкихъ, завидныхъ лѣтъ счастія. И во всѣхъ этихъ дивныхъ созданіяхъ разгоряченнаго воображенія главнымъ

предметомъ была она, милая, очаровательная Лидія; то являлась мнѣ она, окруженная какимъ-то чуднымъ блескомъ, и съ улыбкою ангела простирала ко мнѣ съ недосягаемой высоты свою маленькую, прозрачную ручку; то лежала на груди моей съ страстнымъ лепетомъ на устахъ, то, поправляя мои волосы, умоляла меня голосомъ, глубоко-проникавшимъ въ душу, не покидать ее, и я, осыпая поцѣлуями ея блѣдныя щеки, омоченныя слезами, клялся въ вѣчной преданности. И вотъ вдругъ является передъ нами длинное, страшное привидѣніе, вырываетъ ее изъ моихъ объятій, и, увлекая ее съ собою въ ужасную бездну, съ адскимъ хохотомъ говоритъ мнѣ: «Мы съ вами увидимся!»... Не знаю, долго-ли бы еще продолжались эти сновидѣнія, если-бы громкій стукъ не разбудилъ меня. Первый предметъ, представившійся глазамъ моимъ, былъ мой противникъ... Я протиралъ глаза, считая это продолженіемъ ночныхъ видѣній,—но образъ офицера не исчезалъ: онъ стоялъ подлѣ меня, и блѣдное лицо его, растрепанные волосы и сверкающіе глаза приводили меня въ ужасъ.

— Но долго-ли это будетъ продолжаться? воскликнулъ онъ наконецъ съ сердцемъ. — Я не люблю подобныхъ шутокъ, милостивый государь! Мнѣ надобно стоять у вашей кровати и смотрѣть на вашу глупую физіономію. Я не намѣренъ болѣе дожидаться—ѣдемте, мы будемъ стрѣляться безъ свидѣтелей: къ чему они,—одинъ изъ насъ долженъ остаться на мѣстѣ!

Я вскочилъ съ кровати, и все еще, протирая глаза, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на офицера.—Стрѣляться? съ кѣмъ стрѣляться? бормоталъ я, не понимая самъ, что дѣлается со мною.

Какъ не ожесточенъ былъ мой противникъ, но не могъ удержаться, чтобъ не захохотать.—Развѣ вы забыли о вчерашнемъ вечерѣ? спросилъ онъ наконецъ, принимая прежній видъ.

— О вчерашнемъ вечерѣ? Но развѣ я васъ чѣмъ нибудь обидѣлъ? Помнится еще, что вы...

—Вы трусите? закричалъ усачь.—Знаете-ли, какъ называютъ труса?—подлецомъ, да, подлецомъ, котораго должно заставить палкою, если онъ отказывается отъ благороднаго вызова. Я васъ заставлю стрѣляться, слышите-ли, я васъ заставлю...

Я ужъ не спалъ. Я очень хорошо понималъ слова офицера... Драться, драться мнѣ, невинному истребителю бумаги и чернилъ, который отъ роду не имѣлъ въ рукахъ ни шпаги, ни пистолета... И что такое дуэль? Глупость, величайшая глупость, недостойная образованнаго человѣка: она противна религіи, потому что заповѣдь гласитъ «*не убій*», противна нравственности, потому что основаніе ея—*мщеніе*, а мщеніе безнравственно; дуэль противна правосудію, потому что успѣхъ зависитъ отъ запальчивости или искусства противниковъ; дуэль противна всѣмъ правиламъ общественнаго порядка, которыя не позволяютъ *самому чинить расправу*; дуэль вещь нелѣпая, потому что часто невинный лишается жизни единственно оттого, что дерзкая отвага или искусство противника выше отваги или искусства его; наконецъ, дуэль ничего не доказываетъ, потому что ударъ шпаги или выстрѣлъ пистолета не докажетъ невинности того, кто виноватъ, справедливости того, что ложно... Однако, не смотря на всѣ эти прекрасныя мысли, которыя въ продолженіи одной секунды перетолпились въ головѣ моей, слова офицера такъ сильно задѣли меня за живое, что я, отложа въ сторону философію, съ гордостью, приличною человѣку, чувствующему нанесенную ему обиду, сказалъ своему сопернику: «М. г. вы забываете, что грубость не принадлежитъ къ числу отличительныхъ качествъ образованнаго человѣка. Не вы должны требовать у меня удовлетворенія, а я—я обиженный!... Въ доказательство-же, что я не заслуживаю названія труса, я требую удовлетворенія, и, какъ обиженный, предлагаю условія: мы стрѣляемся въ трехъ шагахъ.»

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ онъ съ дьявольскимъ хладнокровіемъ: «не будетъ промаха. И такъ ѣдемъ!»

— Но пистолеты?

— Они здѣсь, сказалъ онъ; выставляя изъ-за шинели пистолетный ящикъ.

Я сталъ одѣваться.

Въ передней раздался звонокъ. «Письмо, сударь,» сказалъ человѣкъ, подавая мнѣ красиво-сложенную раздушенную записочку. Я взглянулъ на адресъ: Андрею Ивановичу Гропову. «Кто привезъ это письмо? ово не ко мнѣ.»

Офицеръ, взглянувъ на адресъ, вырвалъ записку изъ рукъ моихъ, съ поспѣшностію распечаталъ и жадными глазами впился въ мелко-исписанный листокъ.

Мгновенно выраженіе лица его совершенно измѣнилось: улыбка зашевелилась на его губахъ. глаза заблистали радостью.

— М. г. сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: я виноватъ передъ вами; стыжусь своей запальчивости и прошу у васъ извиненія въ нанесенной вамъ обидѣ. Впрочемъ, если этого для васъ недостаточно, я не прочь отъ удовлетворенія.

Изумленный неожиданною перемѣною въ обращеніи офицера, я пробормоталъ не помню что; онъ взялъ меня за руку, пожалъ ее съ какимъ-то двусмысленнымъ выраженіемъ лица, и оставилъ меня разсуждать надосугѣ о чудесахъ, которыя творятся со мною.

Но недолго я оставался въ недоумѣніи; скоро насмѣшливые взгляды и урывчатыя фразы, долетавшія со всѣхъ сторонъ до ушей моихъ, объяснили мнѣ все дѣло: я былъ жалкою игрушкою женщины. Офицеръ успѣлъ, еще до появленія моего въ московскихъ обществахъ, завоевать сердце прекрасной Лидіи Александровны Карно. Ревнивая, какъ и всѣ женщины, она не выпускала изъ виду своего возлюбленнаго; ей показалось, что Гроновъ сдѣлался къ ней холоднѣе, и вотъ, боясь лишиться его навсегда, она сочла небезполезнымъ прибѣгнуть къ одному изъ обычныхъ маневровъ женщинъ: возбудить въ немъ ревность. Ей нужна была для этого какая-нибудь жертва. и я былъ этою глупою жертвою!

Нѣтъ! на этотъ разъ мнѣ не нужно было бѣжать за шесть сотъ верстъ, чтобы заставить сердце забыть его идола: любовь превратилась въ ненависть, въ ненависть бѣшеную, жгучую, еще сильнѣйшую, чѣмъ была ея предшественница. И все-таки я долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, если не хотѣлъ быть игралищемъ молвы, осѣлкомъ. на которомъ всякій пробовалъ свое остроуміе, шутомъ общества — и я чрезъ нѣсколько дней, проклиная себя, любовь, ревность, женщинъ и любовниковъ, мчался въ Варшаву, напутствуемый гуломъ колоколовъ, которые казались мнѣ насмѣшливымъ хохотомъ *старушки* надъ глупою ролью, которую заставили меня разыгрывать на потѣху добрыхъ людей!

III.

Есть въ мірѣ отрада, лучше всѣхъ отрадъ, добрый другъ-посланецъ небесъ для утѣшенія бѣдствующаго человѣчества, этотъ вѣрный другъ—*надежда*. Она не покидала и бѣднаго Граціозо, она заживляла раны сердца, изъязвленнаго неудачами, и оно, ослабшее, обгорѣлое отъ страстей, все еще билось отраднымъ *авось!* Но женщины утратили уже много прежняго блеска въ глазахъ моихъ; я смотрѣлъ на нихъ ужъ не съ тѣмъ благоговѣніемъ, слушалъ ихъ не съ тѣмъ безотчетнымъ вѣрованіемъ, любовался ими не съ тѣмъ безграничнымъ восторгомъ — я былъ уже на пути къ разочарованію; къ прекрасному въ чувствахъ самовольно примѣшивалось досадное сомнѣніе; поэтическій туманъ, въ который облекало женщинъ дѣтское воображеніе, рѣдѣлъ, и я начиналъ чувствовать положительность этого міра, начиналъ понимать, что поэзія находится не въ немъ, но въ насъ самихъ; что степень прекраснаго въ природѣ зависитъ отъ степени прекраснаго въ нашемъ сердцѣ. *Проза* жизни начинала вытѣснять изъ сердца *поэзію* мечты! Но я все-таки надѣялся, хотя при встрѣчѣ существъ, которыхъ считалъ почему-либо достойными осчастливить меня, я удерживалъ пылкость сердца силлогизмами разсудка, былъ осмотрителенъ, недовѣрчивъ, извѣдывалъ прежде ту, которую могло полюбить сердце, и кончалъ всегда тѣмъ, что говорилъ ему: «*погоди еще, эта недостойна тебя!*» И оно, напуганное неудачами, слуша-

лось, жалло и надѣялось! Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ я жилъ постоянно въ Варшавѣ; и я все еще былъ холостъ, а сердце свободно. Надежда соскучилась уже утѣшать меня и готова была оставить несчастливца на произволъ судьбы, какъ случай поспѣшилъ спасти ее отъ неслыханнаго вѣроломства и тѣмъ сохранить ея репутацію: онъ натолкнулъ меня... но нѣтъ, позвольте разсказать все по порядку.

Съ самаго начала пребыванія моего въ Варшавѣ, нанималъ я квартиру у одной шляхтянки, вдовы какого-то Тррм, Птрм.. не выговоришь. Пани Маріанна, какъ я называлъ ее, была женщина лѣтъ сорока, вертлявая, болтливая, услужливая и веселая, какъ и всѣ польки. Я любилъ ее какъ родную, и часто въ минуту грусти дѣлился съ нею чувствами души моей, разсказывалъ ей похожденія своей жизни, повѣрялъ ей надежды въ будущемъ, желанія, мечты—и, что всего болѣе мнѣ нравилось, никогда не встрѣчалъ противорѣчій: пани Маріанна слушала меня всегда со вниманіемъ, съ дружескимъ участіемъ, утѣшала какъ могла, сватала даже невѣстъ, не сердилась на мою разборчивость, однимъ словомъ, мы жили съ нею какъ нельзя дружнѣе. Въ числѣ многихъ ея знакомыхъ, была одна молоденькая вдовушка, о красотѣ которой отзывалась она всегда съ особеннымъ уваженіемъ, и съ которою, не знаю почему, никакъ не соглашалась познакомить меня. Не полагаясь слишкомъ на вкусъ моей хозяйки, я мало обращалъ вниманія на похвалы ея означенной вдовушкѣ и не настаивалъ слишкомъ на томъ, чтобы повѣрить слова ея на дѣлѣ. Прошло болѣе года, а я даже и не видалъ ее. Но отъ того, что *написано на роду* человѣку, не отмолишься, не отчураешься. Вдовушкѣ суждено было имѣть большое вліяніе на жизнь мою, и я не избѣгъ ея. Однажды, Богъ вѣсть съ чего, хозяйка моя что-то особенно много толковала о красотѣ своей знакомки; но видя, что это на меня мало дѣйствуетъ, стала убѣдительно просить, чтобы я отпѣсъ ей не помню какія-то ноты, говоря, что обѣщалась доставить ихъ непремѣнно въ этотъ день, по что не имѣетъ на то времени. У меня не было никакихъ причинъ уклоняться отъ этого, и потому, безъ всякихъ отговорокъ, согласился я исполнить ея просьбу. «Смотрите, берегите свое сердце!» сказала хозяйка, прощаясь со мною. Я смѣялся словамъ ея, не воображая, что то было роковое предсказаніе новыхъ бѣдъ для сердца... О, если бы я никогда не относилъ нотъ къ этой вдовушкѣ!...

Въ Польшѣ хорошенькія личики—не рѣдкость; изъ десяти женщинъ вѣрно девять если не красавицъ, то по крайней мѣрѣ, миленькихъ... Но та, которую суждено мнѣ было увидѣть въ этотъ роковой для меня день, красотою своею потемнила всѣхъ красавицъ, до тѣхъ поръ мною видѣнныхъ. Я бы непремѣнно описалъ вамъ ее, если-бы въ состояніи былъ вообразить себѣ ея дивный образъ: время и горести ослабили мое пылкое воображеніе, и теперь она представляется мнѣ темнымъ кружкомъ, который вертится передъ глазами послѣ того, когда долго смотришь на солнце. И такъ, довольно сказать, что сердце, холодное уже въ продолженіи трехъ лѣтъ, при видѣ ея, не ожидаясь ни силлогизмовъ разсудка, ни моего разрѣшенія, запылало давно забытымъ пламенемъ страсти, который охватилъ его тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ.

Она встрѣтила меня съ милою, благосклонною улыбкою, и къ немалой радости, явнымъ образомъ старалась удержать меня у себя подольше.—Я такъ много наслышалась объ васъ отъ моей знакомки; она не можетъ нахвалиться своимъ жильцомъ,—и это давно пробудило во мнѣ желаніе короче познакомиться съ вами. Но вы, по ея словамъ, такой нелюдимъ, такъ боитесь насъ, женщинъ,—вы такъ несчастливы.

Я отвѣчалъ ей не помню что, только вѣроятно какую-нибудь глупость, потому что мы всегда говоримъ глупости, когда хотимъ казаться умными. Но она слушала меня съ непзъяснимымъ добродушіемъ, была такъ ласкова, съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ льстила моему самолюбію, съ такимъ милымъ кокетствомъ принимала отъ меня неуклю-

жіе комплименты, которыми желалъ я отплатить ей за ея похвалы моему уму, моему сердцу, даже моей наружности (право не лгу!),—что не прошло и часу съ первой минуты нашего свиданія, а я былъ уже прикованъ къ ней неразрывною цѣпью страсти; она видѣла свою побѣду, и съ примѣрнымъ великодушіемъ простирала къ побѣжденному руку милости!... Если-бы кто послушалъ насъ, подумалъ-бы, что мы знакомы ужъ нѣсколько лѣтъ, такъ скоро сблизились мы. «Смѣю надѣяться», сказала она, прощаясь со мною и дружески пожимая руку: «что вы позволите мнѣ считать васъ въ числѣ своихъ друзей—ихъ у меня такъ немного!»

Я клялся, бормоталъ безсвязицу, и еле-еле удержался, чтобы не упасть къ ногамъ прекрасной вдовушки. Глаза мои, мое смущеніе высказывали ей отвѣтъ краснорѣчивѣе словъ, и она разсталась со мною, взявъ съ меня слово посѣщать ее какъ можно чаще... Нужно-ли говорить, что я съ примѣрною аккуратностію держалъ данное слово, что не проходило недѣли, въ которую-бы не провелъ вечера у обворожительной пани Франциски; что страсть моя съ каждымъ свиданіемъ разжигалась сильнѣе и сильнѣе, а прошедшія неудачи вспоминались рѣже и рѣже?—Сердце боязливо, когда полно любовью,—а потому и очень естественно, что, не въ состояніи долѣе таить свою любовь, я чувствовалъ необходимость высказать ее пани Франциски... Повидимому, она была приготовлена къ этому заранѣе; потому что ни сколько не изумилась, когда однажды, въ пылу страсти, забывъ нерѣшительность и страхъ быть отвергнутымъ, я высказалъ тайну сердца... Долго молчала она, и глаза ея, устремленные на меня, казалось, читали въ глубинѣ души моей; наконецъ, на этихъ чудныхъ глазахъ заискрились двѣ алмазныя слезинки, неземная улыбка заиграла на ея губкахъ, и тихимъ, дрожащимъ голосомъ проговорила она: «Да, я люблю тебя!»

Въ какомъ-то бѣшеномъ изступленіи я стиснулъ Франциску въ своихъ объятіяхъ; мы жили одною общею, прекрасною жизнью—мы переливали другъ въ друга свои души, свои мечты, мысли, и время летѣло, унося съ каждою минутою бездну счастія... Поздо вечеромъ разстались мы для того, чтобы свидѣться снова по наступленіи утра. Франциш-кѣ нечего было опасаться меня: моя любовь была слишкомъ чиста, чтобы я рѣшился воспользоваться слабостью обожаемой мною женщины.—На другой день я предложилъ ей свою руку.

— Мой ангелъ, сказала она, склоняясь головкою на плечо мое:—я слишкомъ много перенесла въ первое замужество: мужъ мучилъ меня, а свѣтъ обвинялъ жену, называлъ ее преступною и оправдывалъ тиранство варвара.. Я терпѣла, я не жаловалась никому на свои страданія, на несправедливость людей. Наконецъ, небо сжалилось надо мною—оно избавило меня отъ мужа. Я поклялась не выходить замужъ вторично; но клятва, вызванная изъ сердца страданіями—не клятва: я рѣшаюсь нарушить ее для тебя, изъ любви къ тебѣ. Другъ мой! не допусти меня раскаяваться въ своемъ рѣшеніи, сдѣлай меня счастливою, люби меня всегда, какъ любишь теперь; не обмани меня, не погуби меня!—Рыданія заглушали слова ея, я заграждалъ уста ея поцѣлуями, я плакалъ, плакалъ въ первый разъ въ жизни отъ избытка счастія...—Да, да! клянусь сдѣлать тебя счастливою, клянусь любить тебя вѣчно, вѣчно!...

Я жаждалъ обладать скорѣе Франциш-кою—черезъ недѣлю церковь должна была соединить насъ на всю жизнь.

Мечты человѣческія, что вы такое? какъ сказалъ одинъ нашъ *великій* драматургъ,—одуванчикъ, который осыпается отъ малѣйшаго дуновенія случая;—и мои мечты разлетѣлись, одулись, и оставили одинъ голый, грустный стебелекъ—воспоминаніе объ нихъ... Но безъ отступленій.—Вы не повѣрите, если я скажу вамъ, что *платокъ* былъ причиною моего, и едва-ли не величайшаго несчастія въ моей жизни, и между тѣмъ это такъ-же справедливо, какъ справедливо то, что я, шутъ—граціозо, не признаю въ женщинахъ ничего великаго и прекраснаго. Да, простой, прозаическій, *носовой* платокъ открылъ глазамъ, отуманен-

нымъ страстью, пропасть, въ которую готовъ былъ я кинуться... Вотъ какъ это было. Внѣ себя отъ избытка счастія, которымъ была переполнена душа моя послѣ послѣдняго свиданія съ Франциш-кою, бѣжалъ я домой, строя планы новой для меня жизни и любуясь цвѣтистою, завидною перспективою будущаго. Вдругъ, посреди этихъ сладостныхъ мечтаній, почувствовалъ я слишкомъ прозаическую прихоть носа: ему захотѣлось чихнуть. Я хватаюсь за карманъ—пустъ! Вѣроятно я оставилъ платокъ у своей невѣсты, утирая имъ умилительныя слезы, орошавшія мои ланиты... Я былъ еще недалеко отъ ея дома, и, радуясь случаю еще разъ поцѣловать ея сахарныя губки, ворочаюсь... Дверь въ прихожую была незаперта, и я вошелъ въ пріемную, не бывъ замѣченъ ни кѣмъ. Желая изумить Франциш-ку неожиданностію, тихонько пробираюсь я къ ея кабинету, отворяю притворенную дверь, и—застаю свою невѣсту, свою нѣжную, пламенно-любящую меня Франциш-ку tête-à-tête съ однимъ моимъ короткимъ знакомымъ въ очень неутѣшительномъ для меня положеніи...

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову, я обезпамятѣлъ и почти безъ чувствъ отшатнулся къ простѣнку двери... Увидѣвъ меня, пріятель мой нисколько не смутился; напротивъ, подошелъ ко мнѣ и дружески протянулъ руку. «Вотъ мило, ты какъ очутился здѣсь?» сказалъ онъ смѣясь: «о скромникъ! вотъ всѣ вы таковы!...»

Я едва былъ въ состояніи понимать его, и, въ порывѣ бѣшенства, едва не задушилъ презрѣннаго. «Негодяй», воскликнулъ я, играя въ свою очередь роль Гронова: «мы съ тобой увидимся... Вашъ адресъ?» продолжалъ я, забывая, что бывалъ разъ двадцать на его квартирѣ.

—Да что съ тобой? сказалъ онъ, изумленный моими словами: — въ умѣ-ли ты?

— Вашъ адресъ, говори! воскликнулъ я, не обращая вниманія на слова его.

—Послушай, ты знаешь—я не трусъ, я никогда не откажусь отъ вызова; но, не смотря на то, драться съ добрымъ пріятелемъ и притомъ изъ-за... помилуй, на что это похоже?...

—Если вы желаете непремѣнно знать причину моего вызова: знайте, что она моя невѣста!

—Невѣста, твоя не... причина, впрочемъ, довольно-достаточная; но въ такомъ случаѣ вамъ, м. г., предстоитъ довольно хлопотъ: вы должны будете имѣть дѣло съ порядочнымъ числомъ обличковъ!

— Какъ?

— Какъ?—такъ! и онъ громко захохоталъ.

—Какъ, Франциш-ка!... я взглянулъ на нее—клеймо порока напечатлѣно было на лицѣ ея... Франциш-ка—Боже мой, Боже мой!... Я задрожалъ отъ бѣшенства и омерзѣнія; слезы ярости брызнули изъ глазъ моихъ—я бѣжалъ изъ этого проклятаго дома, задыхаясь отъ горести и отчаянія...

И она, презрѣнная, могла говорить языкомъ ангеловъ, могла выжимать слезы изъ нечистыхъ глазъ своихъ, могла призывать небо въ свидѣтели ея непорочности,—и небо не разразилось надъ нею своимъ праведнымъ гнѣвомъ, попустило ее ругаться надъ всѣмъ, что есть святаго въ этомъ мірѣ!—Женщины, женщины! если-бы вы знали, что чувствовалъ я къ вамъ въ эти минуты!...

И между тѣмъ, я грустилъ о потерѣ этой падшей женщины; любовь моя къ ней зашла слишкомъ далеко; и досадовалъ даже на благодѣтельный случай, открывшій мнѣ глаза: мнѣ жаль было любви своей! Разочарованный, я не ждалъ уже отъ міра ничего; я отрёкся отъ радостей, отъ горестей, отъ надежды... Невыносимо-тяжко было для меня бремя жизни, и я не имѣлъ силы разорвать этой длинной, тяжелой цѣпи, приковывавшей меня къ землѣ... Внезапная мысль озарила усталый разсудокъ: я надѣлъ косматую шапку и шашку, и поскакалъ на Кавказъ, обрекая себя на вѣрную смерть...

IV.

Нѣтъ, не вѣрю вамъ, высокоученые психологи: есть въ свѣтѣ судьба, есть

предопредѣленіе, есть что-то, руководствующее свободою человѣка, управляющее его поступками, напутствующее его въ продолженіе всего земнаго пути... Судьба руководила и меня, она ограждала меня непроницаемымъ щитомъ, когда я, съ безумною дерзостью, врубался въ толпы дикихъ наѣздниковъ, стремглавъ кидался на своемъ бѣгунѣ съ утесовъ въ ярящіяся волны Терека, вскарабкивался на неприступныя скалы, готовыя рухнуться отъ малѣйшаго потрясенія... Судьба хранила меня, смерть бѣжала неутомимо-преслѣдовавшаго ее несчастливца, пули визжали у самыхъ ушей, шашки свистѣли передъ глазами,—и я оставался живъ и невредимъ, и груды тѣлъ моихъ товарищей, черезъ которыя пробирался я, напося смертоносные удары, ясно говорили мнѣ объ этой невидимой силѣ, съ озлобленіемъ разрушавшей всѣ надежды, всѣ желанія ею гонимаго: она завидовала даже моей смерти!...

Видя безполезность своей дерзкой храбрости, я сдѣлался разсудительнѣе: инстинктуальная привязанность къ жизни заговорила во мнѣ, и я сталъ снова дорожить жизнью—для чего—самъ не зналъ я: мысли о счастіи и не западало ужъ въ мою голову; женщины не въ силахъ были и на минуту возмутить мертвое спокойствіе сердца; я смотрѣлъ съ презрѣніемъ и насмѣшкою на свѣтъ, въ которыя такъ легко ловили онѣ неопытныхъ, и съ искусствомъ стараго моряка лавировалъ между подводными камнями кокетства и красоты...

Душа моя огрубѣла; мечты развѣялись отъ пороховаго дыму; изъ пылкаго фантаста сдѣлался я положительнымъ человѣкомъ; всѣ чувства сердца взвѣшивалъ на безмѣнѣ разсудка, всѣ лучшія вѣрованія души подводилъ подъ анализъ сомнѣнія, задушалъ ихъ безжалостными логическими доводами и силлогизмами... Молодежь дичилась меня; женщины бѣгали, какъ отъ чумы... Такъ прошло добрыхъ полдюжины лѣтъ;—я былъ ужъ въ лѣтахъ *солиднаго* человѣка.

Но мой злой геній, судьба, не дремалъ; онъ поджидалъ только минуты, въ которую ударъ его былъ-бы для меня чувствительнѣе... Повѣрите-ли, я влюбился еще разъ!... Послѣ всего, бывшаго со мною, послѣ дорогихъ уроковъ, которые дали мнѣ женщины, я, пошлый глупецъ, могъ забыть прошедшее, могъ усомниться въ результатахъ, выведенныхъ изъ тяжкаго опыта,—я полюбилъ женщину!...

Моя храбрость, примѣрная исправность по службѣ и мой странный, угрюмый характеръ привязали ко мнѣ нашего новаго полковника, переведеннаго изъ одного армейскаго полка, стоявшаго въ окрестностяхъ Москвы... Старый служака былъ безъ ума отъ своей находки, не слышалъ во мнѣ души, любилъ меня какъ сына, какъ брата. Я не оставался невнимателенъ къ его ласкамъ, и старался своими поступками сдѣлаться достойнымъ привязанности ко мнѣ моего почтеннаго друга.

Полковникъ былъ женатъ; но жена его, по какимъ-то домашнимъ обстоятельствамъ, не могла сопровождать его на мѣсто службы, и должна была пріѣхать къ намъ не раньше, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.—Полковникъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ о личныхъ и душевныхъ достоинствахъ своей *Кати*, и часто, увлекшись чувствомъ, добрый старикъ забывался, и слезы умиленія смачивали его лицо, закоптѣлое въ пороховомъ дыму. Онъ любилъ ее болѣе какъ дочь, чѣмъ какъ жену, и ждалъ пріѣзда ея съ возрастающимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ она пріѣхала. Въ это время я былъ у него. Не стану описывать трогательной сцены свиданія супруговъ, которая заставила меня еще разъ признать въ женщинахъ чувства, которымъ-бы позавидовалъ любой мужчина. Катерина Ивановна, съ первой минуты нашего знакомства, расположила меня въ свою пользу. — Она уважала своего мужа, и потому я, какъ лучшій другъ его, имѣлъ притязаніе на маленькій уголокъ въ ея сердцѣ,—и она удѣлила мнѣ его: я получилъ позволеніе считать себя и ея другомъ.

Дружба между мужчиною и женщиною невозможна; что ни говорите мнѣ напротивъ, и не отступлюсь отъ своего мнѣнія. Пользуясь правомъ друга Катерины

Ивановны, я позволилъ сердцу принять въ этомъ дѣлѣ маленькое участіе: вѣдь и въ дружбѣ нельзя-же обойтись безъ содѣйствія сердца!—Ветреное, неудобообуздываемое, когда дашь ему хоть немножко воли, оно встрепенулось отъ долгаго летаргическаго сна, засуетилось, заговорило; *былое* стало *дышать* съ нимъ, въ немъ зародились по-прежнему и радости, и горести, и мечты... Я считалъ все это за нѣжную дружбу, и не принималъ никакихъ мѣръ противъ ослушника.—Поздно увидѣлъ я свою опрометчивость; я разгадалъ это смутное чувство, когда было уже невозможно обратиться къ разсудку, когда пламень новой страсти съ неудержимою простью разливался по всему моему существу... Я любилъ жену своего друга!... Совѣсть грызла меня, я не могъ безъ внутренняго трепета смотрѣть въ глаза моего благороднаго друга, я содрогался, какъ преступникъ, при каждомъ его словѣ; его ласки, его братское обхожденіе со мною были для меня ударами кинжала; я дичился его, бѣгалъ, и рѣшился, во что бы то ни стало, задушить преступную страсть, и началъ съ того, что, подъ различными предлогами, не ходилъ къ нему цѣлую недѣлю... Что перенесъ я въ продолженіе этого времени, знаю я одинъ; дни казались мнѣ вѣками... Наконецъ страсть взяла свое: я не въ силахъ былъ долѣе крѣпиться; любовь заглушила всѣ другія чувствованія, разсудокъ умолкъ, совѣсть уснула; я рѣшился дружбу принести на жертву любви, и отправился къ полковнику... Онъ встрѣтилъ меня съ обыкновенною пріязнію; но дѣла по службѣ не позволяли ему оставаться со мною, и онъ ушелъ, препоручивъ женѣ занимать дорогаго гостя.—Его увѣренность во мнѣ, его благородство, его доброта разбудили на минуту голосъ совѣсти, но одинъ взглядъ, одна улыбка Катерины Ивановны,—и снова все забыто, и я жадными глазами пожиралъ ея кроткое, милое лицо.

—Вы, кажется, сегодня очень разстроены, сказала она, съ нѣжнымъ участіемъ устремивъ на мое блѣдное лицо прекрасные, томные глазки: вы больны?—не правда-ли? Грѣхъ таиться передъ друзьями!—Нѣтъ, ничего, увѣряю васъ, ничего! едва могъ я выговорить отъ душевнаго волненія.—Не знаю; мнѣ сегодня что-то особенно скучно — вотъ и все.

—Скучно? О чемъ вамъ скучать? ужъ не влюблены-ли вы? спросила она съ ангельскою улыбкою.—Но нѣтъ, этой бѣды съ вами вѣрно не случится.—Не хотите-ли сыграть со мною партію въ шахматы; это, можетъ быть, нѣсколько развеселитъ васъ, и она придвинула ко мнѣ шахматную доску. Не зная, что дѣлать, и молча сѣлъ и сталъ разставлять шахматы. Она придвинула къ столу кресло, и сѣла такъ близко ко мнѣ, что платье ея касалось ногъ моихъ... Кровь кипѣла во мнѣ, сердце готово было выпрыгнуть изъ груди, я былъ весь въ огнѣ и двигалъ шахматы на удачу, не въ силахъ будучи принудить себя вникнуть въ игру.

—Помилуйте, кто такъ играетъ! воскликнула она, переставляя на прежнее мѣсто моего слона.—Ну, можно-ли такъ ходить? Вѣдь вы сами поддаете мнѣ вашего короля.

Въ это время рука ея коснулась моей; электрическій ударъ пробѣжалъ по всему моему тѣлу, и я, самъ не знаю какъ, очутился передъ нею на колѣнахъ съ признаніемъ на языкѣ. Глаза ея загорѣлись негодованіемъ, но не болѣе, какъ на одну секунду; лицо ея приняло прежнее выраженіе, и голосомъ, который не обнаруживалъ въ ней ни малѣйшаго волненія «Послушайте!» сказала она: «если-бы женщина и захотѣла измѣнить своему мужу, вѣроятно она избрала-бы для того человѣка, отличающагося красотою или, по крайней мѣрѣ, умомъ, любезностью... ну, а вы...»

— Не угодно ли продолжать! прервалъ я ее, внѣ себя отъ стыда и смущенія, и сѣлъ на прежнее мѣсто. «Шахъ королевѣ!» продолжалъ я, самъ не зная, что говорю.

— Матъ королю! отвѣчала она съ тою-же самою улыбкою, которая околдовала меня...

Въ это время вошелъ полковникъ. «Что мило, то мило!» сказалъ онъ, подходя къ женѣ и цѣлуя ее въ лобъ: «бла-

годарю за исправность!... Эге, да видно женщины лучше васъ, мужчинъ, умѣютъ занимать,» продолжалъ онъ смѣясь и трепля меня по плечу: «пришелъ въ чемъ душа: блѣдный, угрюмый;—а теперь, что твой маковъ цвѣтъ—браво, браво!»

Я былъ ни живъ ни мертвъ! но уйти не было никакой возможности; въ голову не приходило никакого предлога, который я могъ-бы представить... Я просидѣлъ съ ними весь вечеръ,—безконечный, адскій вечеръ, о которомъ и теперь не могу вспомнить безъ содраганія. —Катерина Ивановна была мила и обходительна со мною, какъ и прежде, и это усиливало еще болѣе мои мученія. Наконецъ, хвала Аллаху, пытка кончилась; я вырвался на свободу, съ твердою рѣшимостью никогда уже не переступать за порогъ этого дома. Но исполнить это намѣреніе было не совсѣмъ-то легко; послѣ различныхъ попытокъ, долженъ былъ я прибѣгнуть къ послѣднему и единственному средству: разссориться съ полковникомъ. Скоро нашелъ я къ тому удобный случай;—и какъ не найти случая поссориться, когда того желаешь?.. Раздосадованный моимъ ослушаніемъ въ какомъ-то его распоряженіи по службѣ, онъ арестовалъ меня. Я съ радостью ухватился за этотъ предлогъ къ разрыву, и ни просьбы, ни убѣжденія полковника не могли помирить насъ... Я перепросился въ другой полкъ, и съ тѣхъ поръ не видалъ ни полковника, ни жены его.

V.

Разсказывать-ли вамъ послѣднее мое несчастіе? Я и то ужъ смѣшонъ въ глазахъ вашихъ, а послѣ его... Но я отрекся отъ всѣхъ высокихъ чувствъ души, отрекся отъ самолюбія, отъ гордости, любви и чести; я прикрылъ свою сѣдую голову дурацкимъ колпакомъ Грацiозо, и всѣ лучшія воспоминанія, всѣ священнѣйшія движенія души отдалъ на потѣху людей. Мнѣ-ли послѣ того бояться показаться смѣшнымъ въ глазахъ читателей?

Я проклиналъ женщинъ съ ихъ мишурною образованностію, съ ихъ гибельнымъ кокетствомъ; но сердце, неудовлетворенное взаимностью, требовало любви, и я рѣшился искать ее въ аулѣ мирныхъ черкесовъ; я рѣшился, въ отмщеніе свѣту, непонявшему меня, не воздавшему должной справедливости моимъ талантамъ, полюбить дикарку безъ образованія, безъ кокетства, но съ сердцемъ, способнымъ любить искреннѣе, безкорыстнѣе, пламеннѣе, чѣмъ сердце, принадлежащее ароматнымъ существамъ большаго свѣта. Я *рѣшился* полюбить, я *искалъ* любви, и потому неудивительно, что скоро желаніе мое увѣнчалось успѣхомъ: кошелекъ золота и нѣсколько словъ склонили на мою сторону одну старуху, мать той, на которую палъ мой выборъ. Излишне говорить, что она была красавица; во-первыхъ потому, что я выбралъ ее изъ числа многихъ; во-вторыхъ, что между черкешенками дурныя лица такая-же рѣдкость, какъ между нашими дамами... какъ между нами, хотѣлъ я сказать, истинные красавцы. Я намѣревался увезти ее, и старуха дала мнѣ слово уговорить дочку и привести ее на условленное мѣсто, когда смеркнется. Я являюсь на мѣсто свиданія, оставивъ въ недальнемъ отъ себя разстояніи повозку, въ которой намѣревался увезти ее. Старуха не заставила себя долго дожидаться, и я ужъ заранѣе восхищался при мыслѣ, что буду обладать сокровищемъ, которое она предательски передавала мнѣ съ рукъ на руки, какъ внезапный шумъ за сосѣднею скалою обратилъ на себя мое вниманіе. Не успѣлъ я еще собраться съ духомъ, какъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя брата красавицы и за нимъ нѣсколько человѣкъ его товарищей, которые съ громкимъ гикомъ и ругательствами бросились на меня. Чувство самохраненія заставило меня бросить свою добычу и прибѣгнуть къ помощи ногъ.

За мной раздалось нѣсколько выстрѣловъ, и я ясно слышалъ шаги бѣгущихъ. Внѣ себя отъ страха, бѣжалъ я сломя голову, и, благодаря темнотѣ, успѣлъ благополучно добраться до своей повозки, прыгнулъ въ нее съ легкостью, ка-

кую придаетъ намъ близкая опасность, и погналъ лошадей въ хвостъ и въ гриву. Въ послѣдствіи узналъ я, что старуха обманула меня и, притворясь, что согласна на мои предложенія, увѣдомила обо всемъ своего сына.

Вотъ мои похожденія—не правда-ли, очень смѣшныя?—Я самъ смѣюсь, разсказывая ихъ; смѣюсь, по обязанности шута, хоть часто и сквозь слезы, но все-таки смѣюсь. Пожалѣйте, добрые люди, жалкаго *Грацiозо*.

СТИХОТВОРЕНІЯ

И

КУПЛЕТЫ.

КАРТИНА.

Передо мной широкая поляна;
Я вижу знамена и лѣсъ штыковъ,
Я слышу звукъ трубы, бой барабана,
И крикъ *ура* восторженныхъ полковъ.
Недвижимо усатые солдаты,
Какъ львы, могучіе въ строю стоятъ,
Лишь вѣютъ флюгера, сіяютъ латы,
Да кони ржутъ и палаши гремятъ.
Вотъ ѣдетъ Царь. Онъ всѣхъ орлинымъ взоромъ
Окинулъ и сказалъ: благодарю!
И всѣ отъ сердца, общимъ хоромъ
Еще ура герои грянули Царю.
И близъ полковъ, кого-то ожидая,
Остановился Царь; глядитъ... вотъ тамъ
Шестеркою карета золотая
Подъѣхала къ гвардейцамъ-усачамъ.
И звучно крикнулъ Царь: ребята, смирно!
Царицѣ честь теперь мы отдадимъ!
Не гимнъ торжественный и дивный,
Но русское ура мы загремимъ.
Откликнулись на зовъ Царя солдаты,
Отъ мощныхъ кликовъ воздухъ задрожалъ,
Заколебались ружья и булаты,
Суворова ликъ блѣдный заблисталъ.
На кликъ полковъ улыбкой отвѣчая,
Поѣхала Царица вкругъ рядовъ;
За ней, тѣсняся, свита щегольская
Неслась, взвивая пыль до облаковъ.
Но мигъ еще, — мѣняется картина:
По манію вождя-богатыря,
Раздвинулась громадная дружина,
Идетъ колоннами впереди Царя.
Прошли... дивится свита, Царь доволенъ,
Начальниковъ, солдатъ благодаритъ,
Въ отвѣтъ ему, какъ воздухъ силенъ, воленъ
Стараться рады! отъ полковъ летитъ.

А. Пороховой.

ДВА ТОСТА.

Искрится влага съ брегова благодатнаго Рейна!
Пейте же, други, коль жизнь вамъ сладка!
Горе отбросивъ, я нектаромъ дивнымъ
Пламень душевный залью.
Можетъ быть слезы обильной польются рѣкою,
И бремя души облегчатъ!
Лейтесь же, слезы!... я выплакать радъ
Послѣдній остатокъ жизни моей
За чашей веселаго Вакха!...
Бокалы мы первые выпьемъ въ честь *горя*, друзья!
Оно есть виновникъ веселаго въ жизни:
Безъ горя бы люди не знали птички небесной,
Что *радостью* здѣсь называютъ!
Вторые бокалы въ честь *смерти* свѣтлой;

Она благодѣтель людей;
И радость, и горе все хладно беретъ;
И насъ избавляетъ отъ ноши великой
Отъ жизни игривой, печальной и скучной.

Рождественскій.

=

НА СМЕРТЬ МЕРИ.

Luenga es su noche, y cerrados
Estan sus ojos pessados,
Idos, idos in paz, vientos aludos!
(*Ночь ея длинна и глаза закрыты.
Идите, идите съ миромъ, крылатые
вѣтры!*)

Чистѣйшій изъ помысловъ,
Землей вдохновляемыхъ,
Что надъ могилами—
Ангеломъ кротости—
Въ мигъ удученія
Съ скорбію носишься....
Дай крылья мнѣ свѣтлыя!
Дай ихъ — не прихоти,
Не пѣснѣ — безчувственной
Какъ самъ воспѣваемый,—
Но тайной, божественной
Чистой слезѣ!

Не рѣчью пламенною—
Глаголомъ тщеславія,
Не надписью громкою—
Усильемъ ничтожества,
Могилу невинности,
Призванья небеснаго
Земное свидѣтельство,
Хочу увѣнчать!

Нѣтъ! вздохъ тайной горести,
И слезы участія—
Изъ нѣдра сердечнаго
Алмазы чистѣйшіе,
Да память блаженную—
Мысль свѣтозарная,
Мысль благородная!
На крыліяхъ вознесенныхъ
Къ ней отнесн.

И пусть надъ лилеею
Чистой и дѣвственной,
Еще нерастлѣнною
Холодомъ жизненнымъ,
Ни огненной бурею
Земли не обвѣянной,
Тѣ слезы разсыпляются
Гранію зеркальной
Божьей росы!

Ѳедоръ Конн.

=

ЭЛЕГІЯ.

(*Въ альбомъ*).

Была пора моихъ элегій
Звучали страстные стихи;
И я въ припадкѣ томной нѣги
Читалъ ихъ многимъ за грѣхи.
Все ихъ рождало: и улыбка,
И взора жгучаго привѣтъ,
И соблазнительная дымка
И станъ затянутый въ корсетъ.
Душа кипѣла молодая,
Мечты роились, удалая
За идеаломъ высоко;
И въ дни, какъ пѣлъ я жизни горе:
Жизнь разливалася какъ море
И глубоко, и широко.
Пусть не смыкались въ рифмахъ очи
Во всѣ воспѣтыя въ нихъ ночи
Отъ стройныхъ ножекъ и очей;
Но я на дѣлѣ спалъ покойно,
Хоть идеалъ любви достойный
И раздувалъ огонь страстей.
А нынче? нѣтъ страстей мятежныхъ
Нѣтъ ожиданій взглядовъ нѣжныхъ,
Мечты бѣгутъ отъ сердца прочь,
И я спокоенъ: а хандрится,
И я зѣваю, и не спится
Порой въ томительную ночь.
Прошла пора моихъ элегій!
И ужъ давно, давно отвыкъ
Отъ выраженій томной нѣги
И страстныхъ вздоховъ мой языкъ;
Лишь въ дни существенности грустной,
Въ часы безсонныя ночей
Я повторяю ихъ изустно
Въ поминки юношескихъ дней.
Ужъ я объ глазкахъ не мечтаю,
Ужъ стройныхъ ножекъ не слѣжу;
Объ нихъ съ улыбкой вспоминаю
На нихъ спокойно я гляжу.
Промчались молодости лѣта,
И я отъ рая Магомета
Какъ можно дальше отхожу.

П. Грековъ.

=

РОМАНСЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, никто здѣсь не узнаетъ
И ото всѣхъ сокрою я,
Что жизнь тоскою омрачаетъ,
Что гложетъ сердце, какъ змѣя,
Въ чемъ былъ бы рай ея, въ чемъ мука,
Что для нея не разцвѣтетъ...
Ея томительнаго звука
Ничья душа здѣсь не пойметъ.
Моей судьбой неумолимой
Дана мнѣ темная стезя;
На ней мечтѣ моей любимой
Осуществиться здѣсь нельзя,
И въ ней ли пламень одинокой
Горитъ и сердце тайно жжетъ,
Тоски безмолвной и глубокой
Ничья душа здѣсь не пойметъ.
Я кончу путь мой безъ привѣта,
Безъ яспой думы на челѣ,
И не настанетъ часъ разсвѣта
Для грустной жизни на землѣ.
Она какъ бурл пронесется
И слѣдъ минутный свой смететъ
И ей никто не отзовется,
Ее никто здѣсь не пойметъ.

И. Грековъ.

=

ТАБАКЪ.

Табакъ не признанъ модпымъ франтомъ,
Но человѣкъ съ дѣятельнымъ умомъ,
Писатель съ пстиннымъ талантомъ
Живутъ, какъ съ другомъ, съ табакомъ.
Носъ образованный и дикой
Его издревле упажалъ,
И даже Фридрихъ, мужъ великой,
Табакъ въ карманъ жилетный клалъ.
Наполеонъ, извѣстный боемъ,
Имъ разгонялъ свою тоску
И врядъ ли бъ онъ прослылъ героемъ,
Когда бъ не нюхалъ табаку.
Табакъ смягчаетъ нравъ суровый,
Дополнитъ къ почестямъ людей:
Пріятель мой черезъ *бобковый*
Достигъ *извѣстныхъ* степеней
Табакъ, нашъ разумъ просвѣтляя,
Насъ къ добродѣтели ведетъ;
И если, трубку презирая,
Въ природѣ нюхать все начнетъ,
Добро какъ будто въ мірѣ горнемъ
Здѣсь процвѣтетъ съ того числа
И на землѣ табачнымъ корнемъ
Искоренится корень зла.

В. Б—ой.

СОЛОВЕЙ.

О, да! — и онъ поетъ.
Гр—ва Е. Р—на.

О чемъ поетъ, пѣвецъ онъ сладкогласный
Въ безмолвіи и въ сумракѣ ночей?
И для чего поетъ онъ такъ прекрасно
Предвѣстникъ розъ, волшебный соловей?
И пѣсни той какое здѣсь значенье?
Весны ли гимнъ таинственный она?
Въ ней страсти ли кипучее волненье?
Тоски ль она бунтующей полна?
Иль разлита въ ней пламенная радость
И счастія прекрасная мечта?...
Что бъ ни было, въ ней все для сердца сладость,
Все чувство въ ней, все жизни красота;
Все полно въ ней торжественныхъ созвучій,
Все въ ней звучитъ здѣсь любящей душой...
И внемля ей, мечтой моей кипучей
Я унесусь въ какой-то міръ иной,—
Я думаю, какъ думала другая,
Прекрасная, высокая душа,
Которой пѣснь поэзіи живая,
Какъ соловья звукъ сладкій хороша.
Я думаю: что такъ-же вдохновенье
Знакомо и ему, пѣвцу весны,
И что его ночныя пѣснопѣнья
Любовію и грезами полны.
За чѣмъ же въ насъ онъ чувство такъ пробудитъ,
Такъ далеко мечты нетъ увлечетъ?...
О! вѣрю я, что все въ природѣ любитъ
И что любовь пѣснь лучшую поетъ.

И. Грековъ.

=

* * *

По небу лазурному, чистому, ясному
Толпою летятъ облака.
Прозрачныя волны въ даль темную, скрытную
Глубокая катитъ рѣка.
Куда же полетъ ихъ грядой серебристою,
Куда же?.. На сѣверъ родной.
Въ ту жъ сторону ярко сверкая алмазами
Несется волна за волной.
И также какъ имъ здѣсь раздолье широкое
Кипучія думы и вамъ!
Зачѣмъ же несетесь вы вольныя, жгучія
По ихъ быстролетнымъ слѣдамъ?
За чѣмъ же на хладномъ вы сѣверѣ, грустныя,
Прервали свой быстрый полетъ?

Иль тамъ, что цѣлый міръ и жизнью манило
васъ,
Все той же красою цвѣтетъ,
И тянетъ къ себѣ васъ магнитною силою,
И сѣверъ покинуть вамъ жаль,
Межъ тѣмъ, какъ спутники ваши веселые
Блистая, несутся все въ даль?
Но вотъ ужъ они надъ лазурными сводами,
Какъ дымъ, исчезаютъ, и ихъ
Не видно ужъ болѣ, и волны прозрачныя
Скрываются въ безднахъ морскихъ;—
А вы все прикованы къ хладному сѣверу,
Все носитесь тучей надъ нимъ.
Нѣтъ, думы мятежныя, страстныя, жгучія,
И вы разлетайтесь, какъ дымъ!
Какъ мигъ нѣтъ, поздушнымъ и вѣчно здѣсь
льющимся,
Возвратной стези никогда,
Такъ къ счастью минувшему, здѣсь огнедышущимъ
И намъ не найти ужъ слѣда.

П. Грековъ.

=

СТАНСЫ.

(*Изъ В. Гюго.*)

Когда ты говоришь о славѣ мнѣ далекой,
Улыбка грустная въ устахъ моихъ мелькаетъ:
Ты вѣришь голосу мечты своей глубокой,
А я—я знаю, другъ, что этотъ голосъ лжетъ.
Что слава? на нее здѣсь зависть негодуя,
Съ кровавымъ факеломъ, лишь тамъ ее зажжетъ,
Гдѣ, какъ печальная, надгробная статуя,
Она надъ темною могилою стоитъ.
Всѣ блага на землѣ проходятъ быстро, быстро
Могущество и власть исчезнутъ, какъ мечты,
И всѣхъ прочнѣй изъ нихъ, любви живая искра:
Въ ней болѣе отрадъ, съ ней меньше сусты.
Вотъ все, что нужно мнѣ для мирныхъ наслажденій:
Улыбка ясная, звукъ милыхъ мнѣ рѣчей,
Кустъ благоповныхъ розъ, шатеръ древесной тѣни,
Да въ рощахъ тихой блескъ отъ солнечныхъ лучей.
Я одного хочу, здѣсь душу погружая
То въ море радости, то въ грустныхъ думъ потокъ:
Лишь взгляда твоего, звѣзда моя земная!
Дыханья устъ твоихъ, душистый мой цвѣтокъ!
Подъ этой розовой, плѣнительной ресницей,
Гдѣ ярко разлился небесъ лазурный цвѣтъ,
Гдѣ будто цѣлый міръ ночіетъ въ часъ дѣвицы,—
Одной любви твоей ищу я вѣрный слѣдъ.
И мысль души моей, которой я объемлю
Все это диное вселенной бытіе,
Та мысль, которая бъ наполнила всю землю,—
Наполнить рвется другъ, лишь сердце здѣсь твое.
О! пой же пѣсни мнѣ! ей въ сердце вдохновенье!
О! улыбайся мнѣ, алмазъ моей судьбы!
То требуетъ душа, то цѣль ея стремленья;
Что мнѣ молва людей, что крикъ мнѣ ихъ толпы!
Въ восторгѣ пламенномъ, въ которомъ потонула
Ты душу всю мою, напрасно, какъ свѣтила
Мнѣ грезится но сей могучихъ рядъ пѣвцовъ:
Нѣтъ! жребій мой рѣшенъ, и тщетенъ гласъ призваній:
Вся жизнь моя тебѣ! Пускай душа порой,
Здѣсь пробуждается отъ ихъ рукоплесканій:
Милѣе мнѣ дремать подъ тихой голосъ твой.
Да, я хотѣлъ бы, другъ, когда бы хоть звѣзлою
Мнѣ рокъ судилъ горѣть, и свѣтъ свой въ небѣ лить:
Чтобъ полъ-души моей осталося съ тобою,
Которая бъ могла и здѣсь тебя любить.
О! окружимъ себя безвѣстной тишиною!
Пусть будетъ грустенъ здѣсь и мраченъ нашъ пріютъ,
Но грусть осѣнена всегда бываетъ тьмою,
А въ ней лучи любви ярчѣе свѣтъ прольютъ.
О, геній чистый мой! мой ангелъ свѣтлоокой!
О, женщина, чья жизнь—вся страсти грустной вздохъ!
На крыліяхъ своихъ неси мой духъ высоко,
А сердце на землѣ оставь у милыхъ ногъ!

Н. Грековъ.

=

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

ОДНО ИЗЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ ЛЬВА ГУРЫЧА СИНИЧКИНА.

СЛУЧАЙ.

Вѣдь онъ шалунья ты дѣвченка!...
Грибоѣдова.

— Сестрица! сестрица! Катинька! нетерпѣливо кричала дѣвушка, лѣтъ шестьнадцати, глядя въ окно, которое выходило на большую улицу. «Катенька! сестрица!» продолжала она;—но Катеньки-сестрицы не было. Она быстро побѣжала въ другую комнату и привела оттуда за руку сестру, которая хохотала что было мочи.

— Ты вѣчно хохочешь и кстати, и некстати, Катинька!... Смотри, смотри!... видишь, онъ идетъ?

По троттуару шелъ конный артиллеристъ и смотрѣлъ прямо въ окна.

— Ха, ха, ха!... Въ самомъ дѣлѣ, онъ! говорила Катенька!

— И смотритъ сюда!

— Я ему непремѣнно поклонюсь, Юлія.

— Ахъ, ахъ!... что ты, сестрица! какъ это можно: незнакомый мужчина.

— Ужъ онъ другой день ходитъ здѣсь... что его мучитъ!

— Помилуй!...

Не смотря ни на что, Катинька кивнула артиллеристу миленькой своей головкой.

— Боже мой! что ты дѣлаешь!... вспомни, ты невѣста! кричала Юлія, таща за платье отъ окна сестру свою.

— Ну, что же такое, что я невѣста! ха, ха, ха!... И Катенька помирала со смѣху.

— Шт!... maman!...

Въ комнату вошла очень почтенная дама.

— Дѣти! сказала она: хотите въ театръ?

— Ахъ, maman, милая maman!... обнимая ее, говорили съ восхищеніемъ обѣ дочери:—мы такъ давно не были... пожалуйста!... А что даютъ?

— Льва Гурыча. Вотъ и аффиша, вотъ и билетъ.

— Ахъ Боже мой! играетъ Живокини! хлопая въ ладоши, кричала Юлія.— Я такъ люблю Живокини: онъ такой смѣшной, такой забавный... я его очень люблю!...

— И Ленскій, и Ленскій играетъ! прервала Катенька, глядя на аффишу.

— И Орлова!... Это просто прелесть!

— Мнѣ давно уже говорили объ этомъ Львѣ Гурычѣ!

— Послушай, Катенька, въ нашей ложѣ будетъ Аполлонъ Даниловичъ.

Катенька засмѣялась и отвернулась къ окошку.

— Я тебѣ давно хочу сказать, милая Катенька, что твой безпрестанный смѣхъ заставляетъ меня сердиться; притомъ же твоя разсѣянность, необдуманность ужасны! Въ твои лѣта это непростительно, говорила мать довольно важнымъ тономъ.

— Да что же, maman?

— Какъ что? Тебѣ далъ Столбняковъ

свой альбомъ что нибудь нарисовать, и ты нарисовала — онъ видѣлъ, — а послѣ вырвала и подарила карабинерному полковнику!

— Онъ, maman, у меня просилъ.

— Да какъ же это можно! это просто, смѣхъ!

— Аполлонъ Даниловичъ Столбняковъ! сказалъ вошедшій лакей.

— Проси.

Всѣ вышли въ гостиную.

Николай Аммосовичъ Дымовъ, во дни оны, командовалъ какимъ-то конным полкомъ; потомъ принужденъ былъ выйти въ отставку, опрелѣлился въ статскую службу на тепленькое мѣстечко, служилъ, служилъ, и вышелъ въ чистую. Кто ни говори, что привычка есть вторая натура, а прежде, нежели къ чему нибудь привыкнешь, оно успѣетъ десять разъ надоѣсть. Дымовъ прежде скучалъ военной службой; вступивъ въ статскую, началъ жалѣть о мундирѣ, и кропталася на фракъ; наконецъ вышелъ въ отставку—ну, чего же онъ еще? нѣтъ, скучно: ему надоѣла праздность, онъ не зналъ чѣмъ убить время, безпрестанно сердился и непремѣнно хотѣлъ перемѣнить родъ жизни, но на что, не придумывалъ. Тутъ кстати явилась услужливая старушка, общій нашъ стряпчій; она устроила такъ, что онъ уже больше не жаловался на скуку: ему дано было мѣсто на Ваганьковомъ кладбищѣ. «Неутѣшная вдова» Наталья Васильевна Дымова, тотчасъ «съ душевнымъ прискорьбіемъ» извѣстила о кончинѣ мужа кредиторовъ и должниковъ чрезъ Московскія Вѣдомости, и вступила по духовной во владѣніе наслѣдствомъ, которое состояло въ очень-хорошенькой подмосковной, какой-то фабрикѣ, порядочномъ количествѣ денегъ, и двухъ дочеряхъ, — Катеньки и Юліи. Время траура Наталья Васильевна провела въ деревни и поправила разстроенное состояніе крестьянъ: покойникъ — не тѣмъ будь помянутъ! — самъ ни во что почти не входилъ и вѣровалъ въ управляющаго. Какъ нѣжная мать, она любила своихъ дочерей какъ нельзя больше и дала имъ отличное образованіе въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ. Катенька была красавицею; Юлинька пампою, доброю дѣвушкой. Онѣ начали выѣзжать. Балъ, другой, третій, еще балъ, и еще балъ, и наши двѣ сестрицы стали непохожи на себя, на тѣхъ скромныхъ, милыхъ созданій, которыми всѣ восхищались, когда онѣ только вышли изъ пансіона. Красота ихъ еще болѣе выиграла; но Катенька потеряла эту милую дѣвическую скромность и застѣнчивость; стала разсѣянна, какъ-то необдуманна. Можетъ быть, на нее слишкомъ подѣйствовала свобода послѣ смиреннаго уединенія пансіонскаго. Видя себя всегда окруженную обожателями, которыхъ число росло и росло съ каждымъ баломъ, постоянно слыша похвалы своей красотѣ, она позволяла себѣ многое кое-что, чего не должна бы позволять скромная дѣвушка; безпрестанно внимая «охамъ» и «ахамъ» своихъ кавалеровъ, слушая намеки о любви, объ обожаніи, о томъ и объ этомъ, она полагала, что за ней волочится вся Москва, и ей стоитъ сказать только слово, чтобъ осчастливить любаго. Мужчины, собираясь около буфета курить табакъ, очень частенько посмѣивались на ея счетъ. Она прослыла разсѣянною кокеткою. Теперь она была невѣстою Аполлона Даниловича Столбнякова.

Аполлонъ Даниловичъ Столбняковъ, въ свою очередь, тоже былъ порядочный оригиналъ. Онъ, изъ любви къ наукѣ, занималъ каѳедру въ одномъ изъ какихъ-то заведеній, и читалъ эстетику. Онъ читалъ потому, что хотѣлъ читать; ученики его слушали, потому что должны были слушать. Наконецъ, поклонникъ науки, къ немалой радости своихъ слушателей, раскланялся съ школою и полетѣлъ жениться — въ Москву, какъ на самую лучшую

во всей Россіи ярмарку невѣстъ. Если-бы кому-нибудь захотѣлось изобразить педанта, и педанта, притомъ, занимающагося эстетикой, врядъ ли нашелся бы лучше оригиналъ, какъ Аполлонъ Даниловичъ Столбняковъ. Онъ былъ роста немного повыше средняго, и ни толстъ, ни тонокъ, съ бѣло-краснымъ лицомъ, съ порядочнымъ посомъ, осѣдланнымъ золотыми очками, съ большимъ лбомъ, потому что онъ имѣлъ обыкновеніе его немножко подбривать, съ русыми волосами, всегда прилежно, всегда эстетически примазанными и причесанными—гладко, очень гладко... Иные говорили, что онъ носитъ парикъ; я этому охотно вѣрю; — фракъ его всегда чистъ, сшитъ — модою назадъ; жилетка изящная; по ней эстетически-запутанно лежала золотая цѣпочка отъ лорнета; галстухъ à la mode черный; изъ-за него чопорно выглядывали и обтягивали щеки бѣлые полиссоны; по немъ невыразимо-красиво обвивалась станиславская лента, и вмѣстѣ съ орденомъ почтительно ниспалала на бѣлую манишку, на которой, между прочимъ, свѣтились три брильянтика. Ходитъ онъ поднявши немного голову и грудь впередъ. Таковъ былъ эстетикъ съ внѣшней стороны. Внутреннія его качества гармонировали съ внѣшними. Онъ былъ гордъ; нѣтъ ничего легче какъ польстить и раздражить его самолюбіе; вся напыщенная эстетическая душа его выражалась въ голосѣ тихомъ, теноромъ, разстановочномъ; говорилъ почти нараспѣвъ, и въ разговорахъ онъ обыкновенно закладывалъ большой палецъ за третью пуговицу фрака, если былъ застегнутъ; если же нѣтъ, то игралъ цѣпочкой и лорнеткой.

Онъ видалъ Катеньку въ собраніи и по пятницамъ у предсѣдателя какой-то палаты, познакомился съ Натальей Васильевной и старался покороче узнать свою будущую невѣсту, на которую онъ имѣлъ, по своему, неоспоримое право, гремя сотнею тысячъ денегъ, чиномъ надворнаго совѣтника, кавалерствомъ, ученостью и наконецъ своею красотою... Онъ почиталъ себя очень недурнымъ.

Дней съ 10 назадъ онъ сдѣлалъ предложеніе; оно было принято. Вчера былъ семейный вечеръ, на которомъ Столбнякова познакомили съ родными Дымовой, въ качествѣ жениха.

Москва любитъ новости: еще на третій день предложенія вся московская молодежь твердила, что Катенька Дымова выходитъ замужъ за какого-то ученаго гуся. Катеньку Дымову знали всѣ молодые люди. Объ этомъ вѣсть привезъ мнѣ одинъ юноша, — ω, наша Сѣверная Пчела, ходячая энциклопедія, олицетворенное собраніе анекдотовъ, говорящій календарь, летучій вѣстникъ, — все, что вамъ угодно. Замѣчательный человѣкъ ω!

Катенька и невѣстой вовсе не перемѣнилась. Она была такъ-же вѣтрена, такъ-же разсѣянна, такъ-же необдуманна; часто спрашивала своего жениха два раза сряду объ одномъ и томъ-же; часто невпопадъ отвѣчала на его вопросы, или, совсѣмъ неотвѣчая, обращалась съ какими-нибудь пустяками къ другимъ; недалѣе какъ вчера она почти не обращала вниманія на виновника праздника,—своего Столбнякова, и почти цѣлый вечеръ проболтала и просмѣялась съ карабинернымъ полковникомъ и совѣтникомъ надворнаго суда.

— Вы завтра будете въ театрѣ? спрашивалъ Аполлонъ Даниловичъ Катеньку, заложивъ большой палецъ за третью пуговицу фрака.

— Не знаю! разсѣянно отвѣчала Катенька, и въ то-же время обратилась съ вопросомъ къ сестръ—не надѣть ли ей завтра въ театръ шляпки, потому что боится простудится.

— Такъ вы ѣдете въ театръ, а говорите—не знаю.

— Развѣ я вамъ сказала — не знаю? ха, ха, ха!... Мы нынче взяли билетъ;

а то, говоритъ, въ день представленія нельзя найти... Который часъ на вашихъ?

— Я не ношу съ собою часовъ; это лорнетъ... говорилъ ученый женихъ и думалъ: эстетическая дѣвушка, прекрасная... немножко разсѣянна... Который разъ я ей говорю, что не ношу часовъ?... впрочемъ... ничего... ничего... главное эстетика... и физически и нравст...

— А вы будете завтра въ театрѣ?

— Непремѣнно.

— Прошлую пятницу у предсѣдателя было очень много, и довольно весело. Вы были?

— Я съ вами тамъ много говорилъ.

— Ха, ха, ха!.. Я забыла!... А въ слѣдующую пятницу... то есть завтра, будете?

— Да вѣдь и завтра въ театрѣ!

— Ахъ, Боже мой!... ха, ха!.. Ахъ, Юлія! отослала ли ты къ Зимулиной книги?

— Нѣтъ еще: кажется рано.

— Рано?... Который часъ на вашихъ? спрашивала Катенька, обращаясь къ Столбнякову.

— Это не часы, а лорнетъ! немножко съ досадой отвѣчалъ онъ.

— Ха, ха, ха!... Какая разсѣянность.

— Богъ знаетъ, что это такое!... думалъ Аполлонъ Даниловичъ: она эстетически хороша... да Богъ знаетъ что это такое! разсѣянна что-ли?... Видно горькій опытъ... еще не касался... ея свѣтлая душа... все это... прекрасное сердце... эстетика, въ высшей степени эстетика... да это-то что? И многое, многое онъ прибиралъ въ умѣ своемъ. Еслибы въ эту минуту ему вздумалось разразиться монологомъ, онъ прочелъ бы длинный, длинный, непонятный, философскій, съ громкими фразами, эстетическій, съ «охами» и «ахами»—печальный, удивительный монологъ, точь-въ-точь пышную лекцію, какія онъ читалъ съ каѳедры своимъ слушателямъ. Бѣдные слушатели!

Наталья Васильевна, прощаясь съ Столбняковымъ, просила его завтра къ себѣ въ ложу.

Настало завтра. Вотъ и вечеръ. Вотъ и время ѣхать въ театръ.

Кому не извѣстенъ московскій Большой театръ? Неужели его нужно описывать? Притомъ, этому происшествію меньше года; въ это время не произошло никакихъ перемѣнъ: можете справиться. Левъ Гурычъ Синичкинъ шелъ хорошо, какъ и всегда. По обыкновенію, хохотали, хлопали, стучали, кричали, неистовствовали, вызывали и прочее, и прочее, что весьма естественно въ московскомъ театрѣ: Москва не знаетъ середины—aut Caesar, aut nihil? Дымовы сидѣли въ бель-этажѣ; рядомъ съ Катенькой сидѣлъ эстетикъ. Половина лорнетовъ партера была наведена на ихъ нумеръ.

Спектакль кончился.

— Который часъ? спрашивала Катенька своего обожателя.

— Безъ десяти минутъ одиннадцать часовъ! отвѣчалъ Столбняковъ, взглянувъ на карманные часы. Съ нимъ уже были часы.

Дымовы, подъ предводительствомъ Аполлона Даниловича, сошли въ сѣни театра. Кареты ихъ еще не было. Онѣ остановились у колоннъ. Между тѣмъ молодежь вышла изъ партера и толпилась тутъ-же. Бальные знакомые въ мундирахъ и фракахъ окружали и Катиньку и Юлію, и ихъ кузины, которыя были вмѣстѣ съ ними въ ложѣ, и одинъ то, другой другое, и пошли! и пошли! Бойкая и разсѣянная Катенька отдѣлилась какъ-то отъ прочихъ. Окруженная знакомыми, которые рады случаю поболтать, она сыпала вопросы и отвѣты то въ ту, то въ другую сторону; она забыла, что была въ театральныхъ сѣняхъ. Между тѣмъ жандармъ исправно прокричалъ.

— Карета генеральши Дымовой!

Человѣкъ, толкая туда и сюда, пробрался къ подъѣзду; за нимъ Столбняковъ;

за нимъ его дамы. Вотъ въ дверцы кареты пропихнули кое-какъ Наталью Васильевну; за ней порхнула Юлія; за ней кузина... Человѣкъ, держась за растворенныя дверцы, посматривалъ въ двери выхода, будто кого-то ждалъ. Столбняковъ раскланивался.

— Пошелъ! закричалъ громко полицейскій офицеръ.

Лакей оставался въ томъ-же положеніи.

— Пошелъ! что стоишь! Кричалъ полиціймейстеръ.

— Гдѣ же Катенька? Катенька гдѣ? встревоженнымъ голосомъ, высунувшись изъ кареты, спрашивала Дымова.

— Пошелъ! пошелъ! кричала полиція.

— Боже мой! Катеньки нѣтъ!... Катенька! Катенька!..

Человѣкъ, не зная, что дѣлать, какъ-то машинально, обращаясь къ полицейскому, повторилъ:

— Катеньки нѣтъ!

— Жандармъ! кричи Катеньку! проговорилъ чей-то мужской голосъ. Жандармъ принялъ это за приказаніе начальника.

Хриплымъ, сиповатымъ, басистымъ голосомъ крикнулъ жандармъ:

— Катеньку!

Другой, еще болѣе отчаяннымъ голосомъ, повторилъ ему, разинувъ настежь ротъ:

— Катеньку!

Жандармъ, стоявшій въ сѣняхъ, вторилъ на ихъ крики:

— Катеньку!

И всѣ находящіеся въ сѣняхъ въ одинъ голосъ крикнули:

— Катеньку!

И сто разъ слово Катенька повторилось подъ сводами театра.

Бѣдная Катенька! что же съ ней? Обернувши всю голову въ капишонъ салопа, сгорѣвшая, что́ называется, со стыда, она бѣжала, пролираясь къ подъѣзду.

Окружавшіе ее кавалеры вдругъ исчезли.

— Пустите! пустите Катеньку! кричало вслѣдъ ей нѣсколько голосовъ.

Насилу она добралась до кареты; при громѣ рукоплесканій прыгнула она въ дверцы. Съ ней сдѣлался сильнѣйшій обморокъ.

Столбняковъ, раскланявшись съ Дымовыми, возвратился въ сѣни и пробирался въ кофейную выкурить трубку табаку. Онъ былъ свидѣтелемъ этого происшествія; но, удивленный, оставался въ остолбенѣніи: для него была непонятна эта исторія. Съ тревожнымъ сердцемъ онъ вошелъ въ кофейную, и въ чаду этого страшнаго и близкаго его сердцу приключенія, бросился на диванъ, и трясущеюся рукою обтиралъ градомъ катящійся по лицу потъ. Толпа молодыхъ людей съ громкимъ смѣхомъ хлынула въ двери.

— Ха, ха, ха! ха, ха, ха!... Каково! каково! такого анекдота не было и въ Репертуарѣ Песоцкаго!.. кричалъ одинъ юноша, длинный, тоненькій, спереди обстриженный подъ гребенку, а сзади завитый въ локоны.

— Ну, Дымова! утѣшила!... кричалъ левъ гостиныхъ, отчаянный судья театра, смѣлый критикъ литературы, членъ всѣхъ клубовъ, крикунъ во всѣхъ концертахъ.

— Какая это Дымова? спрашивалъ дишкантомъ, въ очкахъ, небольшаго роста человѣкъ, членъ общества любителей лото, преферанса и алагера.

— Ну, Дымова! Катенька Дымова... Какъ не знать Катеньки Дымовой!... Она живетъ на Пречистенкѣ, кричало тысячо голосовъ и хохотало во все горло.

— Не ужели послѣ этого она явится еще въ общество.

— Кстати, господа! вы слышали, она выходитъ замужъ.

— За кого? Не было ли жениха тутъ съ нами?

— Онъ какой-то ученѣйшій мужъ нашего вѣка!... ха, ха!... утѣшительный человѣкъ!... говоримъ левъ.

— Нельзя ли посмотрѣть этого ученаго звѣря? ха, ха! пищалъ лишкантъ въ очкахъ: говорятъ, онъ презабавная вещь?

— Ты его увидишь всегда на пятницахъ у предсѣдателя. Его зовутъ Аполлономъ; онъ изъ малороссіянъ.

— Малороссійскій Аполлонъ! Ха, ха, ха!... Не онъ ли издалъ книжку: Стихотворенія Аполлона де...?

— Такъ онъ, стало быть, поэтъ?

— Да, для домашняго обихода?... ха, ха!...

— Шампанскаго! кричалъ левъ:—за здоровье Дымовой и ея ученаго мужа!... Шампанское заискрилось въ бокалахъ.

Эстетическій Аполлонъ Даниловичъ невытерпѣлъ такого вовсенеэстетическаго афронта. Онъ какъ сумасшедшій бросился вонъ.

На другой день у него сидѣлъ докторъ и прописывалъ микстуру.

— Ну, что? спросилъ Столбняковъ вошедшаго человѣка.

— Отдалъ-съ.

— Отвѣту не было?

— Никакъ нѣтъ-съ. У нихъ такая суматоха; все укладываютъ да увязываютъ.

— Сбирайся и ты: мы завтра ѣдемъ.

— Чрезъ два часа, двѣ столовыя ложки; завтра вы будете здоровы; желаю счастливаго пути. Докторъ раскланивался; Столбняковъ положилъ ему что-то въ шляпу.

На завтра—это было воскресенье—вечеромъ повозка тройкою ѣхала по Пречистенкѣ; у воротъ одного дома кучеръ немного пріостановилъ лошадей: оттуда выѣзжалъ шестеркою возокъ. Мужчина, сидѣвшій въ повозкѣ, взглянулъ въ возокъ; нѣсколько женскихъ головъ, высунувшихся изъ возка, взглянули въ повозку; увидавъ другъ-друга, и этотъ и тѣ поспѣшно отвернулись.

Въ понедѣльникъ вечеромъ—заѣзжалъ ко мнѣ и сказалъ, что Дымовы уѣхали въ деревню.

Въ субботнихъ газетахъ, въ статьѣ объ отъѣзжающихъ, на пятой строкѣ снизу, было напечатано: Надв. Сов. Столбняковъ, въ Одессу.

«Вотъ что случается порой!»

Давыдъ Зенко.

=

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЙ УРОКЪ БЕРТИНИ.

Если на землѣ было гдѣ нибудь счастіе, то конечно въ этомъ красивомъ, веселомъ и чистомъ домикѣ, гдѣ все свидѣтельствовало о довольствѣ и спокойствіи жильцовъ. Полъ въ столовой блисталъ и свѣтился возлѣ широкой, голубой полосы клеенчатаго ковра, который велъ въ залу. Въ залѣ, на каминѣ изъ каррарскаго мрамора, красовались подъ стекляннымъ колпакомъ бронзовые часы; тройные канделябры, покрытые зеленымъ газомъ, протягивали вѣтви свои возлѣ бѣлыхъ фарфоровыхъ вазъ, расписанныхъ золотомъ, между тѣмъ, какъ мѣбель, подъ новыми полотняными чехлами съ зеленой каймою, доказывала утонченную заботливость хозяевъ о ея сохраненіи и рѣдкое употребленіе этой комнаты, назначенной только для немногихъ торжественныхъ дней. За залой слѣдовала небольшая спальня съ кроватью, покрытою длинными складками скромнаго бѣлаго газа, съ вышитою каймою, похожею на праздничный покровъ италіянской примадонны. Разостланный на полу пушистый коверъ смягчалъ докучливые звуки шаговъ, и нѣжный полусвѣтъ проникалъ сквозь тройные занавѣсы единственнаго окна, освѣщавшаго это святилище мира и любви.— Въ сторонѣ расположенъ былъ убранный книгами кабинетъ, съ голубою кушет-

бою и большими покойными креслами.

Здѣсь работалъ обыкновенно молодой человѣкъ, привлекательной наружности, въ улыбкѣ котораго сливались замѣчательнымъ образомъ прямодушіе и насмѣшливость. Высокій, украшенный густыми волосами лобъ его представлялъ признаки, по которымъ Галль узнавалъ поэтовъ, а меланхолическій и вмѣстѣ вдохновенный взглядъ еще болѣе подтверждалъ ученіе знаменитаго доктора. Его широкія плеча и нѣсколько сгорбленный станъ показывали бы атлетическую бодрость, если бы во всѣхъ его чертахъ не было какого-то выраженія томности, которое дѣлало его еще привлекательнѣе. Онъ писалъ на маленькихъ листахъ бумаги самымъ мелкимъ почеркомъ, но четко и неутомимо.

Въ спальнѣ сидѣла въ креслахъ, положивъ крошечныя ножки на табуретъ, молодая дама, которую, конечно, всякій счелъ бы за дѣвицу, если бы возлѣ нея, въ красивой колыбели, подъ кисейною занавѣсью, не спала бѣленькая малютка. Молодая мать представляла удивленному взгляду тотъ красоты, созданный Рафаэлемъ для его мадоннъ: святость материнской любви сливалась въ ней со всею чистотою дѣвичества. Большіе голубые глаза блистали ясною пышностью весенняго неба; правильныя и гармовическія черты оттѣнялись пышными бѣлокурыми волосами, а нѣжная головка поэтически покоилась на гибкой шеѣ и очаровательныхъ плечикахъ. Тонкіе пальчики ея пухлыхъ ручекъ были заняты вышиваніемъ дѣтской шапочки, а глаза обращались по временамъ къ небу, къ колыбели и къ кабинету, гдѣ занимался молодой человѣкъ. Наконецъ, послѣдній весело вскочилъ, бросилъ перо, и съ дѣтскою радостью забилъ въ ладоши и запрыгалъ.

«Мой романъ конченъ! Вотъ онъ! Конченъ, Луиза: *Дому Ангела* не достаетъ только издателя и типографщика. Благодаря Бога, это не худшій трудъ мой.»

И онъ сѣлъ на подушкѣ у ногъ жены своей, взялъ обѣими руками ея хорошенькую ручку, горячо поцѣловалъ ее, и наконецъ прислонилъ голову къ колѣнамъ молодой подруги, которая съ нѣжностью играла кудрями романиста.

Минутъ десять провели они такъ: она — въ вѣжныхъ мечтахъ, онъ — счастливый своимъ сладкимъ *far niente*, какъ вдругъ дверь растворилась и на порогѣ показался молодой человѣкъ рѣдкой красоты, но съ выраженіемъ лица, совершенно противоположнымъ чертамъ счастливой четы: въ немъ отражалась горечь разочарованія — слѣдствіе обманоиъ души, признакъ сердца, у котораго отняли все святое: и вѣру, и надежду и любовь.

— Здравствуйте, синьоръ Беллини, сказала гармоническимъ голосомъ Луиза, между тѣмъ, какъ мужъ ея всталъ и протянулъ руку знаменитому композитору.

— Здравствуйте, сударыня, здравствуй, любезный Давенъ, сказалъ гость.

Потомъ онъ сѣлъ, вздохнулъ, и съ италіянскимъ удареніемъ, которое было не безъ прелести въ устахъ его, грустно сказалъ: — Вы всегда такъ счастливы, всегда! — Счастливы ли? прервалъ Феликсъ Давенъ: — я счастливъ какъ въ раю! И чего мнѣ еще желать, Боже мой? Немного побольше извѣстности; немного побольше состояніе? Но и то и другое подходитъ ко мнѣ потихоньку, рука объ руку, какъ двѣ сестры; съ каждымъ днемъ онѣ все ближе и ближе. Впрочемъ, если у меня и нѣтъ золотой посредственности Горація, такъ есть серебряная посредственность, которой для насъ достаточно, такъ что у насъ нѣтъ нуждъ, и нѣтъ печали. Если полевой цвѣтокъ и травка въ забытомъ углу сада не лишены своей капли росы и своего солнечнаго луча, то какое дѣло имъ до пышнаго фарфороваго, раззолоченнаго

цвѣтника? Мы живемъ здѣсь другъ для друга и другъ другомъ, благодаря Бога за каждую минуту этой жизни, жизни мира и любви, трудовъ и довольства, которую посѣщаетъ иногда отдаленное эхо извѣстности, а рожденіе нашей дочери освятило всѣми наслажденіями родительской любви?

Беллини не отвѣчалъ: задумавшись, онъ вышелъ въ залу и сѣлъ за фортепіано. Его пальцы блуждали сперва на удачу по клавишамъ, извлекая изъ нихъ случайные аккорды. Мало по малу эти аккорды приняли замѣтное выраженіе и раздался гимнъ элегическій и нѣжный, похожій на неопредѣленныя страданія, удѣлъ избранныхъ душъ, брошенныхъ на путь испытаній и горести, который называютъ искусствомъ. Фортепіано выражало безотчетное уныніе, которое разрываетъ и убиваетъ душу. Вдругъ раздался изъ него раздирающій вопль, горькое выраженіе долго подавленнаго отчаянія, жалкій стонъ сердца, молящаго о пощадѣ. Шумъ аккомпаньемана заглушалъ по временамъ этотъ крикъ; но вскорѣ онъ опять былъ слышенъ; онъ подавлялъ басъ; онъ прорывался среди трепещущихъ аккордовъ рыдающихъ гаммъ. Наконецъ весь этотъ поэтическій безпорядокъ умолкъ и Беллини, опустивъ голову, закрылъ лицо руками.

Когда онъ всталъ, то увидѣлъ слезы въ глазахъ Давена и на лицѣ его жены.

— Этотъ хоръ лучшее твое произведеніе! вскричалъ Феликсъ.

— Этотъ хоръ не мой, отвѣчалъ Беллини: онъ представился моему воображенію, потому что удивительно выражаетъ мои чувства и страданія: это восьмой характеристическій урокъ Бертини.

— Любезный Беллини, возразилъ Давенъ:—эти страданія испыталъ и я! Да, и я, только не съ такимъ отчаяніемъ, какъ ты. Въ тебѣ не хотятъ понять сердца, во мнѣ не отдавали справедливости уму: ты требуешь любви, я требовалъ искусства; тебѣ предлагаютъ удовольствіе, когда ты просишь счастія; мнѣ давали деньгъ, когда я хотѣлъ славы. Бѣдный другъ, ты конечно болѣе жалокъ, чѣмъ я былъ прежде. — А между тѣмъ, терпѣлъ много и я. Была въ жизни моей пора, что всѣ смѣялись, когда я говорилъ о желаніи слѣдовать внушеніямъ внутренняго голоса, недававшаго мнѣ покоя. Купеческое благоразуміе отца моего заранѣе видѣло на плечахъ моихъ истертое платье поэта, надъ которымъ грунитъ Буало, и онъ выходилъ изъ себя при мысли, что я буду по уши въ грязи, какъ нищій. Даже добрая мать моя не смѣла вѣрить святости моего призванія и поступала со мною, какъ съ больнымъ ребенкомъ, который требуетъ луны, отражающейся въ водѣ; она отлагала день ото дня исполненіе моихъ желаній, уговаривала предоставить все времени, надѣяться на будущее. И вотъ въ одинъ день, я долженъ былъ взять подъ мышку котомку торговца, слѣдовать за затемъ своимъ въ одномъ изъ его торговыхъ путешествій, показывать товары покупателямъ. Еще и теперь памятны мнѣ мой ложный стыдъ, моя неумѣстная робость. Сколько разъ стоялъ я по цѣлымъ часамъ у дверей магазина, не смѣя войти и предложить хозяину обращиковъ своихъ матерій. Какъ завидовалъ я наглой развязности попадавшихся мнѣ счастливыхъ собратій моихъ, которые, не смущаясь ничѣмъ, смѣялись надъ моею глупою робостью. Отецъ мой въ отчаяніи позволилъ мнѣ наконецъ ѣхать въ Парижъ, почти такъ, какъ отправляютъ въ колонію дѣтей, съ которыми не знаютъ, что дѣлать. Въ Парижѣ я досталъ работу, списалъ нѣсколько извѣстности и наконецъ могъ возвратиться въ Сенъ Кентенъ, гдѣ сталъ издавать журналъ и... увидѣлъ Лунзу. Лунза! о, съ этихъ поръ жизнь моя просіяла! Любовь чистая, безпредѣльная наполнила все сердце мое; годы поэзіи и счастія развернулись предо мною: я любилъ и былъ любимъ. Въ этотъ періодъ неизъяснимаго счастія,

появились и были хорошо приняты нѣсколько моихъ сочиненій. Обезпечивъ свою будущность, я сталъ мужемъ Луизы и мы пріютили здѣсь свое гнѣздо.

— Гнѣздо горлицъ съ розовыми носиками и бѣлыми крылышками, прервалъ Беллини, — гнѣздо, которое самая буря нѣжно колышетъ, разбивая все вкругъ него, какъ говоритъ любимый поэтъ Италіи, нашъ меланхолическій Романи.

Опустивъ голову на грудь, Беллини былъ весь преданъ грустнымъ мыслямъ, и наконецъ, вздохнувъ, сказалъ:

— Да, вы счастливы, и я заплатилъ бы своею славою за такое счастіе. Но столь же легко было бы кораблю желать спокойствія морскаго растенія, зеленѣющаго между двумя скалами. Моя жизнь — волненіе театра и свѣта! Богъ пустилъ меня въ это бурное море; Онъ велѣлъ мнѣ распустить паруса, плыть, сносить бури и... можетъ быть, сдѣлаться жертвою крушенія. — Прощайте! въ минуты величайшаго счастія помолитесь и о бѣдномъ другѣ.

Онъ ушелъ. Годъ спустя, Феликсъ Довенъ шелъ въ слезахъ за гробомъ Беллини, котораго въ нѣсколько дней привела къ могилѣ жестокая болѣзнь — слѣдствіе утомленія, трудовъ и, можетъ быть, тѣхъ безплодныхъ удовольствій, которыми онъ, несчастный, обманывалъ жаркія желанія сердца.

На слѣдующій годъ, весь городъ Сенъ Кентенъ толпился передъ домомъ, обитымъ трауромъ. Молодая женщина, блѣдная, помертвѣлая, судорожно сжимала руки, говоря: Господи! дай мнѣ пережить его, тогда какъ я хотѣла бы умереть съ нимъ! Сдѣлай, чтобы горесть не убила меня, потому что я мать, а у моей малютки теперь уже нѣтъ отца.

Феликсъ Давенъ сдѣлался жертвою ужасной болѣзни. Цѣлые шесть мѣсяцевъ, мученія — и какія страшныя мученія — не оставляли его ни днемъ, ни ночью и безъ устали, безъ жалости, неумолимо лили по каплѣ смерть на голову страдальца. Несчастный погибъ на рукахъ жены, у колыбели дочери, въ полномъ разсудкѣ, при всѣхъ способностяхъ, диктуя прекрасные стихи — поэтическое свидѣтельство самаго христіанскаго смиренія среди самаго жестокаго отчаянія.

Смертію Беллини и Феликса Давена кончилась, можетъ быть, думаете вы, эта плачевная, ужасная драма. Нѣтъ! взгляните на эту молодую женщину, которая все молится и плачетъ, проса всѣхъ, чтобъ ей пѣли церковныя пѣсни; эта несчастная, которая не узнаетъ ни своей матери, ни своей дочери; эта безумная — наконецъ надобно-же произнести роковое слово — это Луиза, бѣлокурая, нѣжная Луиза, это — ангелъ Феликса Давена.

Разсудокъ и душа несчастной были уже на небесахъ, возлѣ того, кого она любила; скоро гробъ поглотилъ и то, что оставалось еще отъ нея на землѣ. И потомъ отъ этой жизни, полной наслажденій, искусства и любви, отъ всего блаженства, отъ всей увѣренности въ настоящемъ и блестящихъ надеждъ на будущее — остались только двѣ могилы и сирота.

=

ЧТО ЗНАЧИТЪ ПОКРОВИТЕЛЬ ДРАМЪ ВО ФРАНЦІИ.

Вините историковъ, любезный читатель, что начало *рукоплесканія* остается во мракѣ неизвѣстности; дѣятельныя ученыя изысканія приписываютъ его Нерону и знаютъ только то, что въ древности существовали наемные рукоплескатели. Долго сохраняли они свое достоинство; но, по общему закону природы, канули въ вѣчность, и мѣсто ихъ занимаютъ покровители успѣха драмъ; а рукоплескатели только извѣстны по преданію.

Представте себѣ малаго двадцати или тридцати лѣтъ, невѣжу, грубіяна, безъ способностей, растрепаннаго, неопрят-

наго, отвратительной наружности; прибавьте къ тому совершенную неподвижность — и вы получите портретъ рукоплескателя прежнихъ временъ. Онъ обвѣшанъ бирюльками, носитъ стеклянныя кольца и мѣдныя серьги съ привѣсками. Впрочемъ, обычаи его согласуются съ низкимъ его происхожденіемъ.

Желаете знать его занятія—слушайте: онъ считаетъ обязанностію каждое утро заходить въ театръ, освѣдомляться о театральныхъ новостяхъ и при появленіи на сценѣ новой *нетерпѣливо ожидаемой* піесы, онъ, какъ покровитель таланта, отбираетъ точнѣйшія свѣдѣнія отъ автора и директора, и смотря по тому, разстались ли они съ нимъ друзьями или врагами, онъ въ бесѣдѣ съ Бахусомъ изыскиваетъ средства поддержать или унизить піесу, и горе новому врагу! Тогда, предъ поднятіемъ занавѣса, предводительствуемая имъ толпа изъ тридцати или сорока ремесленниковъ, безъ повиновенія, согласія и порядка врывается въ театръ, освистываетъ піесу, бранитъ талантъ и, отнявъ у зрителей охоту слушать продолженіе спектакля—удаляется побѣдителями. Изъ этого вы можете видѣть, какъ дурно было бы не поладить съ рукоплескателемъ.

Послѣ десятилѣтняго поприща, такой рукоплескатель, получивъ точныя свѣдѣнія о состояніи театровъ и актеровъ — мѣняетъ шумное поприще на уединенную жизнь съ шестью стами ливровъ годоваго дохода.

Покровитель напротивъ отличается важною поступью и гордымъ взглядомъ; слегка взглянувъ на него, вы тотчасъ подумаете, что это или отставной префектъ, или фабрикантъ, или какой нибудь почетный смотритель. Онъ одѣвается щеголемъ и считаетъ необходимостью имѣть обдѣланный à jour солитеръ, золотыя кольца, кабріолетъ на англійскихъ рессорахъ и новомодные сапоги. Его слугу зовутъ Бертраномъ, кухарку Офеліей, лошадь Робъ-Роемъ, а бульдога—Джонъ Буломъ; онъ нюхаетъ табакъ изъ платиновой табатьерки и куритъ настоящія *регаліи*.

Онъ не врагъ занятій, и можно навѣрное сказать, что проводитъ въ нихъ ежели не половину, то по крайней мѣрѣ треть своего времени.—Знакомства его въ ученомъ сословіи ограничиваются писцами, съ которыми онъ раздѣляетъ и радость и горе. Занятія же его очень разнообразны: онъ въ одно время экономъ, банкиръ, факторъ, прикащикъ—и такъ сказать подвижная касса денегъ, набранныхъ контрибуціею съ покровительствуемыхъ авторовъ. Одному онъ даетъ въ долгъ тысячу франковъ, другому довѣренность въ пять сотъ, этому покупаетъ піесы, тому продаетъ картины или вино, всѣмъ даетъ обѣды, и съ самодовольною улыбкой покровительства говоритъ: *мои* авторы и *мои* піесы, какъ-будто мой жилетъ и мои сапоги.

Во время репетиціи какой либо хорошей піесы, покровитель ни на минуту не оставляетъ театра и со тщаніемъ вноситъ въ памятную книжку: слабыя мѣста піессы, *браво* для однихъ куплетовъ, *фора* для другихъ, *шиканье* для третьихъ, ни того, ни другаго для четвертыхъ, выходы актеровъ и т. п.

Онъ считаетъ обязанностію посовѣтоваться съ авторомъ и директоромъ, а самъ надѣляетъ совѣтами актеровъ, актрисъ, декораторовъ, и даже ламповщика не оставляетъ безъ вниманія.

При общей репетиціи драмы, онъ занимаетъ позицію на балконѣ, вынимаетъ лорнетъ, раскрываетъ свой портфель и на завтра назначаетъ планъ битвы. *Баталіонъ*, составляющій *каре*—въ центрѣ партера, съ дюжину *стрѣлковъ* по флангамъ; по два плакальщика по угламъ галлереи; въ срединѣ же помѣщается рыдальщикъ; *отрядъ* изъ отборныхъ буяновъ во второмъ ярусѣ, а на балконѣ сажаютъ нарушителя порядка; онъ обязанъ перебить актера на занимательномъ мѣстѣ, подвергаясь за это неизбѣжному остракизму, осыпаемый бранью публики.

Резервный корпусъ занимаетъ позицію въ оркестрѣ, а *тяжелая артиллерія* помѣщается въ райкѣ, изъ котораго устроивается *брешь баттареи*; что же касается до генералъ-аншефа, то его главная квартира постоянно въ центрѣ партера; отсюда, обозрѣвая опытнымъ взоромъ позицію войскъ, онъ надѣваетъ бѣлыя перчатки, поднимаетъ руки надъ головою,—но такъ искусно, что вы не замѣтите его намѣренія,—и тѣмъ подаетъ сигналъ начать атаку. Ладони его едва касаются, за то орлиный взоръ съ быстротою мысли обозрѣваетъ поле битвы,—одно новое движеніе его — и *батальный огонь* прекращается, *громъ артиллеріи* умолкаетъ, стрѣлки же снова *завязываютъ перестрѣлку*.

Одинъ знаменитый трагикъ разсказывалъ забавное происшествіе, случившееся съ нимъ за четыре или пять лѣтъ.

Это было послѣ общей репетиціи драмы *Наполеонъ*. Артистъ былъ въ то время въ боковой комнатѣ сцены и занимался костюмомъ (репетировали въ костюмахъ); вдругъ слышитъ два легкіе удара въ дверь, и въ слѣдъ за этимъ входитъ прекрасно одѣтый мужчина; онъ кланяется, садится, съ растановками нюхаетъ табакъ и молча улыбается.

Артистъ продолжаетъ раздѣваться, спрашивая гостя не адвокатъ-ли онъ, или не полицейскій-ли чиновникъ; но пришлецъ не двигается, и только улыбкой отвѣчаетъ на всѣ вопросы.

Можетъ быть это глухонѣмой, подумалъ раздосадованный артистъ, и, потерявъ терпѣніе, спросилъ:

— Что вамъ угодно, милостивый государь?

— Удивить васъ...

— Очень радъ; но все-таки я желаю знать настоящую цѣль вашего посѣщенія.

— Вы не угадываете?

— Нѣтъ.

— Неужели нѣтъ?

— Повѣрьте благородному слову артиста.

— Это я... который..... вы поняли?

— Рѣшительно ничего.

— Я тотъ самый..... кому... вы догадываетесь?

— Милостивый государь, теперь четверть двѣнадцатаго, а моя дверь запирается ровно въ полночь; — рѣшайтесь-же говорить, или.... или... покойной ночи.

— И такъ, прелъ вами *покровитель театральныхъ успѣховъ*.

— Рукоплескатель?

— Именно; какъ я радъ, что вы наконецъ отгадали!

— Почему же вы такъ долго не открывались?—Вотъ уже цѣлый часъ, какъ вы мнѣ надоѣдаете. Чего-же вамъ надо—билетовъ?

— Вы обижаете меня: я выше подобныхъ просьбъ. Впрочемъ, мы поговоримъ завтра утромъ. Я пришелъ только сообщить вамъ мое *назначеніе* и вы увидите, что я засталъ васъ во время; потрудитесь выслушать:

1-е дѣйствіе: два бѣглыхъ огня при появленіи вашемъ, чтобъ заглушить стукъ сапоговъ; для большаго монолога продолжительный бѣглый огонь съ легкими топаньями. И при опусканіи занавѣса усиленный бѣглый огонь и браво.

2-е дѣйствіе: при появленіи въ зеленомъ костюмѣ — легкое рукоплесканіе; для первой восторженной рѣчи рикошетная пальба отъ партера къ центру; для второй — усиленная рикошетная пальба отъ центра къ партеру и отъ партера къ центру; для большаго монолога при концѣ дѣйствія — сильное топанье, смѣшанное съ рукоплесканіями.

3-е дѣйствіе: дать публикѣ успокоиться до средины дѣйствія. Большую сцену свиданія сильно атаковать изъ центра; пустить въ дѣло резервъ и открыть огонь съ брешь-баттареи. Неумолкаемый батальный огонь, сопровождаемый криками:

да здравствуетъ императоръ—на окончательныя слова послѣдняго явленія.

4-е дѣйствіе: встрѣтить рикошетами *старый сюртучекъ* и *маленькую шляпу*. Браво и усиленное топанье *руками сложенными назадъ*, и легкій согласный аплодисментъ въ концѣ дѣйствія.

5-е дѣйствіе: сильный аплодисментъ и маханіе платками при *прощаніи*; три гнусаря вытолканы вонъ за эту сцену. *Отреченіе* принять общимъ отчаяніемъ, слезами и рыданіями. При сценѣ же *отправленія*, усатый начальникъ атаки падаетъ въ обморокъ.

Эпилогъ. Вздохи, слезы, сильныя рыданія, между коими будутъ слышны слова: *смертъ англичанамъ!* Новые вздохи, новыя рыданія. *Общій вызовъ* актера послѣ піесы; аплодисменты повсюду; повтореніе вывоза, топаніе, стукъ креселъ съ усиленнымъ батальнымъ огнемъ; перестрѣлка фланкеровъ послѣ сраженія, и наконецъ общая тишина.

— Вотъ сударь, сказалъ покровитель, вынимая изъ портфеля карандашъ—вотъ мое назначеніе; кажется довольно, чтобъ возбудить восторгъ въ зрителяхъ; впрочемъ, что вамъ не нравится,—скажите, и я постараюсь воспользоваться вашимъ совѣтомъ.

Всѣ покровители въ успѣхѣ драмъ ничего не сочиняютъ; но между тѣмъ питаютъ непреодолимую любовь къ театру и сценическому искусству. Для нихъ не существуетъ ни Оперы, ни Французскаго театра, ни театра въ Пале-Роялѣ и пр.; но они съ важностію говорятъ: театръ такого-то и такого-то покровителя.

Надо видѣть покровителя послѣ перваго удачнаго представленія піесы. Еще не умолкли послѣдніе аплодисменты восторженныхъ зрителей, а онъ уже на сценѣ, едва не прыгаетъ отъ радости и перебѣгаетъ отъ актеровъ къ актрисамъ; отъ нихъ къ суфлеру, къ парикмахеру; разсыпается имъ въ комплиментахъ, говоритъ на ихъ счетъ остроты; жметъ руки друзьямъ; однихъ актеровъ приглашаетъ обѣдать на цѣлый годъ, другихъ на мѣсяцъ; этого на слѣдующее представленіе, тому вовсе отказываетъ, а этому дѣлаетъ замѣчаніе; обѣщаетъ исполнить желанія и просьбы каждаго, внутренно говоря: славно сыграна *моя* пьеса. О! да *мои* актеры едва-ли не изъ лучшихъ, и слава *моего* театра навѣрное распространится въ самое непродолжительное время.

Каждое удачное представленіе приноситъ покровителю около четырехъ тысячъ франковъ; когда же онъ искусными оборотами доставитъ себѣ около двѣнадцати или четырнадцати тысячъ ливровъ годоваго дохода, то, бросивъ свое ремесло, отправляется путешествовать по окрестностямъ Парижа; покупаетъ тамъ домъ; наполняетъ его разными домашними животными, и бросивъ шумную столицу,—проводитъ остатки дней въ уединенныхъ сельскихъ занятіяхъ, изрѣдка посѣщаемый собратомъ покровителемъ, пришедшимъ за совѣтами, или товарищемъ-инвалидомъ, завернувшимъ отобѣдать.

=

ПРИДВОРНЫЙ ТЕАТРЪ.

Послѣ перваго представленія Севильскаго Цирюльника, весь Парижъ пришелъ въ сильное волненіе. Каждый разъ всѣ подъѣзды театра *Французской комедіи* были загромождены экипажами; на улицахъ безпрерывная стукотня и невыносимая давка. Народъ толпами осаждалъ кассу театра, и въ припадкѣ изступленія готовъ былъ опрокинуть весь городъ съ его великолѣпными дворцами и зданіями.

По этому необыкновенному случаю, разсказываютъ одинъ очень оригинальный анекдотъ, напоминающій собою *Хромаго Бѣса*.

Передъ вторымъ представленіемъ комедіи Бомаршѐ, двое молодыхъ пажей сошлись въ одно время у театральной кассы. Оставался одинъ только незанятый билетъ; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ уступить другому удовольствія быть въ театрѣ. Наконецъ дѣло дошло до поединка, въ саду Пале-Рояля. Первая окровавленная шпага, по условію, должна была доставить билетъ для спектакля. Быстро распространившаяся вѣсть объ этомъ приключеніи еще болѣе увеличила славу Севильскаго Цирюльника. Наконецъ дошло до того, что непремѣнно положено было представить комедію Бомаршѐ въ самомъ Версальскомъ дворцѣ. Королева очень охотно приняла это предложеніе, и даже сама взялась сыграть роль Розины. Постановка на сцену производилась въ тайнѣ, роли были разучены въ восемь дней, репетиціи сдѣланы и занимательный спектакль совершенно былъ готовъ къ наступающему дню рожденія Людовика XVI-го.

Наступилъ урочный день, и король, казалось, ничего еще не зналъ о готовящемся спектаклѣ.

Приближалась минута сюрприза. Зала была освѣщена; публика, состоявшая изъ однихъ только придворныхъ, усѣлась по мѣстамъ. Но болѣе получаса напрасно искали повсюду короля; его кресло оставалось не занятымъ.

Наконецъ, кто-то, вышедъ изъ терпѣнія, закричалъ: *поднимайте!* Это былъ голосъ графа д'Артуа, игравшаго роль Альмавивы и исполнявшаго вмѣстѣ должность режиссера. Когда занавѣсъ былъ поднятъ, Розина въ лицѣ Маріи-Антуанетты приблизилась къ партеру и, напрасно ища глазами короля, начала свою роль просьбою о благосклонномъ вниманіи публики.

Шумныя рукоплесканія заглушили ея голосъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, она уже удалялась, какъ вдругъ среди толпы раздался пронзительный свистъ и заставилъ приподняться съ мѣстъ все собраніе. Тогда только замѣтили человѣка въ широкомъ плащѣ, съ огромной нахлобученной шляпой, который невидимкой прокрался въ средину залы.

Королева поспѣшно возвратилась, подала знакъ, и два пажа бросились уже было къ таинственному лицу, какъ тотъ сдѣлалъ повелительный жестъ, скинулъ съ себя плащъ и шляпу и открылся всему собранію. Это былъ Людовикъ XVI.

ТЕКУЩІЙ

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5. Май. 1841.

РАЗДАЕТСЯ

ПРИ

ЖУРНАЛѢ

РУССКАГО И ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

I. Габріель или Адъютанты. Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго *П. Ѳедоровымъ*.

II. Лѣтопись русскаго театра. Іюнь, іюль.

III. Провинціяльные театры въ Россіи.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, августа 31 дня, 1841 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. БОРОДИНА И КОМП.

ГАБРІЭЛЬ, ИЛИ АДЪЮТАНТЫ,

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

ПЕРЕВЕДЕННАЯ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

П. С. ѲЕДОРОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Герцогъ Вандомъ, генералиссимусъ французской арміи въ Испаніи.
Маркизъ д'Ерикаль, } офицеры той же арміи.
Графъ д'Обиньи, }
Габріель, баронесса Нанжи, молодая вдова.
Гертруда, ключница Габріели.
Канигу, скороходъ Габріели.
Офицеръ.
Офицеры, пажи, слуги.

Театръ представляетъ залъ въ замкѣ Габріели; на право окно; нѣсколько дверей: изъ нихъ средняя въ прихожую; на лѣво, въ первомъ планѣ, въ комнату Габріели; на право, въ образную.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гертруда (*одна, выходя изъ двери на лѣво*). Слышу, сударыня, слышу! сейчасъ скажу. (*Подходя къ окну*) Ну, ужъ головушка! Что задумаетъ,—поставитъ на своемъ! (*Кричитъ въ окно.*) Канигу! Канигу! Бѣги скорѣе, скажи конюшему, что баронесса хочетъ ѣхать на андалузкѣ. Слышишь? (*Отходя отъ окна*) Она такъ перевернула все въ замкѣ, что я ужъ не понимаю и приказаній ея: все не по ней!

ЯВЛЕНІЕ II.

Габріэль, Гертруда.

Габріель (*за дверью на лѣво.*) Валентинъ!

Гертруда. Ну, кажется, готова. Слава Богу!

Габріель (*все еще за дверью.*) Скорѣе, перчатки, хлыстикъ!... (*Входя въ амазонскомъ костюмѣ*). Теперь погляди, Гертруда, хороша ли я такъ?

Гертруда (*съ неудовольствіемъ.*) Гм! гм! (*Въ сторону.*) А въ самомъ дѣлѣ, очень хороша!

Габріель. Не правда-ли, что во мнѣ есть что-то воинственное?...

Что прекраснѣй, что милѣе
Амазонки удалой?
Дайте ей коня скорѣе
Съ силой крѣпкой, огневой!
Вотъ она стрѣлой несется,
Дальній путь ее манитъ;
Сердце радостію бьется,
И лицо огнемъ горитъ!
Что-жъ въ душѣ ея таится?
Чѣмъ душа ея полна?
И куда-жъ она стремится?
Для чего спѣшитъ она?
О, она летитъ стрѣлою,
Забывая цѣлый свѣтъ,
Чтобы милому герою
Сдѣлать встрѣчею привѣтъ!
Не лѣнись, мой конь, несися,
Ты успѣешь отдохнуть!
Прочь съ дороги! берегися!
Амазонкѣ дайте путь!
Что прекраснѣй, что милѣе
Амазонки удалой!
О, коня, коня скорѣе!
Близко, близко мой герой!...

Гертруда. Что съ вами, баронесса? Какой герой?

Габріель. О, я дождалась большаго счастія! Сюда, въ мой замокъ, будетъ герцогъ Вандомъ.

Гертруда. Герцогъ Вандомъ?

Габріель. Я получила письмо отъ графа д'Обиньи. Выслушай, что онъ пишетъ. (*Читаетъ письмо.*) «Въ прошломъ году, баронесса, когда я имѣлъ счастіе провести нѣсколько времени у васъ съ тетушкой, вы жестоко поступили со мной—отказали мнѣ въ вашей рукѣ. Но я не мстителенъ—и докажу вамъ это на дѣлѣ. Вы очень желали видѣть его высочество герцога Вандома; теперь ваше желаніе будетъ удовлетворено. Онъ назначенъ генералиссимусомъ французской арміи въ Испаніи, а я удостоился назначенія въ его адъютанты. Мы будемъ проходить близъ самаго вашего замка, и по моему убѣжденію, герцогъ рѣшился просить у васъ гостепріимства на одинъ день. Быть можетъ, изъ уваженія къ моимъ заслугамъ, великій генералъ успѣетъ склонить въ мою пользу волю прекраснѣйшей женщины во всей Франціи.» Послѣ этого можно-ли удивляться моему восторгу?

Гертруда. Я и не удивляюсь... Я только боюсь...

Габріель. Чего?

Гертруда. Боюсь, чтобъ васъ не унизила ваша страсть къ герцогу.

Габріель. Она очень естественна; я получила ее въ наслѣдство отъ моей фамиліи. Мой дѣдъ очень много разсказывалъ мнѣ о дѣтствѣ герцога.

Гертруда. Но могъ ли онъ все помнить?

Габріель. О, несмотря на его девяносто лѣтъ, память его была еще очень свѣжа. Какъ сынъ беарнскаго дворянина, погибшаго за Генриха IV, онъ былъ крестникомъ этого добраго государя и Габріели д'Эстре. Въ разсказахъ своихъ, можно сказать, онъ оживлялъ ихъ предо мною и почти каждый разъ присовокуплялъ: «теперь, дочь моя, остался одинъ потомокъ ихъ, герцогъ Вандомъ, и въ молодости своей предвѣщаетъ ужъ великаго полководца; не забывай, мой другъ, никогда тѣхъ узъ, которыя связывали твою скромную фамилію съ его знаменитыми предками.»

Гертруда. Мнѣ кажется, вашему дѣдушкѣ не слѣдовало бы такъ часто говорить объ этомъ.

Габріель. Отчего?

Гертруда. Да хоть оттого, что эта Габріель д'Эстре не слишкомъ-то отличалась скромностью... Что она такое была? не болѣе, какъ пріятельница...

Габріель. Героя!

Гертруда. Героя?... Для нашей чести все равно, герой ли получилъ ее, или простолюдинъ... Если бъ вашъ дѣдушка послушался меня, такъ никогда бы не далъ вамъ имени...

Габріель. Своей крестной матери, Габріели? О, я горжусь имъ!

Гертруда. Ну, еще объ имени ни слова. А ужъ поведеніе ея...

Габріель. Замолчи лучше. Ты сама ничто иное, какъ старая лицемѣрка!.. И я еще слушаю ее, когда бы давно ужъ должна была отправиться на встрѣчу герцогу!

Гертруда. Почему-же не дождаться его здѣсь?

Габріель. Мнѣ дождаться, когда я могу видѣть его ранѣе!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же. Каншу входитъ въ среднюю дверь.

Каншу, (*Габріелю.*) Конюшій приказалъ мнѣ доложить вамъ, баронесса, что все готово.

Габріель. Хорошо, Каншу. А собралъ ли ты моихъ вассаловъ?

Каншу. О, они сходятся со всѣхъ сторонъ; мужчины съ ружьями, женщины съ букетами.

Габріель. Пускай они дожидаются на дворѣ. Ты, Гертруда, наблюдай за исполненіемъ моихъ приказаній; смотри, чтобъ обѣдъ былъ отличный, роскошный. Прощай.

Гертруда. Такъ вамъ не угодно ѣхать въ каретѣ?

Габріель. Нѣтъ; въ ней нельзя проѣхать по маленькой дорогѣ, которая вдвое сократитъ мой путь.

Гертруда. Ужаснѣйшая дорога!.. И вы еще хотите ѣхать на этой бѣшеной андалузскѣ?

Габріель. Да; потому что она мнѣ нравится. Прощай, Гертруда, не бойся ничего. (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Каншу, Гертруда.

Каншу. Скажите, пожалуйста, ну, какое вамъ дѣло заставлять ее ѣхать въ каретѣ?

Гертруда. Потому что въ каретѣ было бы лучше.

Каншу. Не думаю.

Гертруда. Почему это?

Каншу, (*растягиваясь въ креслахъ на право*). Да если бъ она изволила отправиться въ каретѣ, такъ мнѣ пришлось бы бѣжать впереди.

Гертруда. Лѣнивецъ! Вѣдь тебѣ за это заплатили?

Каншу. Конечно, заплатили; а если ужъ заплатили, такъ я тутъ ничего больше не выиграю. Лучше заняться чѣмъ нибудь такимъ, за что бы я могъ еще кое-что получить.

Гертруда. Ахъ, Каншу, какъ ты жаденъ до денегъ!

Каншу. Не я одинъ ихъ люблю, — всѣ ихъ любятъ. Для чего-жъ мы служимъ, для чего трудимся, не жалѣемъ ни силъ, ни рукъ, ни ногъ, ни головы, ни языка? Все для нихъ, проклятыхъ! За то ужъ какъ появятся деньги, такъ не житье, а рай.

Свѣтъ лишь въ деньгахъ счастье видитъ;
Деньги все пускаютъ въ ходъ,
Съ ними мигомъ въ люди выйдетъ
И безногій скороходъ.
Съ ними все на свѣтѣ купишь,
Всѣ желанья предъ тобой;
Сморщишь лобъ, глаза прищуришь,
Вздернешь носъ — и самъ не свой!
Ждетъ отъ всякаго поклона;
Бьешь баклуши цѣлый вѣкъ:
Я-молъ, важная персона, —
Я богатый человѣкъ!
Что таланты, что книжонки!
Въ нихъ какая польза есть?
Деньги, денежки, деньжонки —
Вотъ гдѣ слава, умъ и честь!

(Слышны за сценой крики.)

Гертруда. Что за шумъ!... Кто это пріѣхалъ? Бѣги скорѣе, Каншу, бѣги, посмотри!

Каншу. Бѣги, бѣги. Потому только, что я скороходъ, всѣ мнѣ кричатъ: бѣги, бѣги скорѣе!... Какъ бы не такъ! не хочу! Мнѣ и здѣсь хорошо.

Гертруда. Нечего сказать, услужливый малой! расторопный слуга! (*Крики за сценой*). Ура! виватъ!

Каншу (*вставая.*) Въ самомъ дѣлѣ, что тамъ такое?

Гертруда, (*подходя къ окну.*) Это онъ! да... посмотри: это герцогъ Вандомъ. Онъ пріѣхалъ по большой дорогѣ и не встрѣтился съ баронессой. Ахъ, Боже мой!

Канигу. О, для такой особы можно тронуться съ мѣста. Побѣгу, взгляну на него.

Гертруда. Погоди, успѣешь наглядѣться послѣ. Прежде ты долженъ найти баронессу. Бѣги скорѣй за ней... сюда, черезъ садъ, здѣсь ближе.

Канигу. Бѣгу, лечу! теперь я не посрамлю своего званія: для его высочества герцога Вандома готовъ на все... За дѣло, Канигу! будетъ на водку отъ его высочества, свѣтлѣйшаго генералиссимуса. (*Убѣгаетъ на лѣво въ дверь, ведущую въ галлерею.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Гертруда, Маркизъ д'Ериталь, Графъ д'Обиньи, слуги, входятъ въ среднюю дверь; послѣдніе съ криками.

Маркизъ (*слугамъ.*) Благодарю, друзья мои. Я вижу ясно, что присутствіе мое доставляетъ вамъ удовольствіе. Продолжайте веселиться; я даю по двѣ пистоли на каждаго.

Всѣ. Ура! виватъ!

Маркизъ, (*шаря въ карманахъ.*) Вотъ прекрасно! со мной нѣтъ денегъ, а казначей мой остался въ дорогѣ. (*Всѣ къ нему приближаются.*) Но погодите; къ счастію здѣсь со мной адъютантъ. Графъ д'Обиньи.

Графъ. Что прикажите, ваше высочество?

Маркизъ. Вашъ кошелекъ.

Графъ. Ваше высочество...

Маркизъ. Дайте вашъ кошелекъ этимъ добрымъ людямъ; пусть они его раздѣлятъ.

Графъ. Ваше...

Маркизъ. Что это значитъ?

Графъ (*вынимая медленно кошелекъ*). Я долженъ доложить вашему высочеству, что этотъ кошелекъ заключаетъ въ себѣ... вдвое болѣе того, что вы изволили обѣщать.

Маркизъ, (*выхвативъ кошелекъ изъ рукъ графа, бросаетъ его слугамъ.*) Все равно! даю вдвое каждому.

Всѣ. Ура! виватъ!

Гертруда. Какая щедрость!

Графъ, (*въ сторону.*) Да, чужія деньги можно бросать; а каково-то мнѣ...

Маркизъ. Теперь ступайте, друзья мои. Желаю вамъ веселиться.

Всѣ. Ура! виватъ! (*Уходятъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Маркизъ д'Ериталь, Графъ д'Обиньи.

Маркизъ, (*смѣясь.*) Ха, ха, ха, ха!... Экъ они раскричались! Вотъ что значитъ увидѣть знаменитую особу.

Графъ. Да, еще бы не кричать имъ за такія деньги! Но скажи, пожалуйста, не сошолъ ли ты съ ума, д'Ериталь? какъ можно намъ, офицерамъ, сорить безъ толку деньгами?

Маркизъ. Я не офицеръ. Ты самъ захотѣлъ, чтобъ я принялъ на себя роль герцога; а въ этомъ случаѣ или ужъ надо быть щедрымъ, или ни во что не мѣшаться.

Графъ. Щедрымъ! можно было бы отъѣхать и на обѣщаніи.

Маркизъ. Я узналъ тебя въ этой фразѣ.

Графъ. Ты вѣчно надо мной смѣешься.

Маркизъ. Но ты же самъ заставляешь меня хохотать... Однако-жъ, что-то будетъ послѣ.

Графъ. Чего ты боишься?

Маркизъ. Какъ чего? Мы рѣшились отмстить этой лицемѣркѣ, этой гордой женщинѣ, которая не слишкомъ хорошо всегда поступала съ нашими товарищами. Многіе изъ нихъ, мимоѣздомъ, являлись къ ней, желали ей представиться, но получали чрезъ ея слугъ всегда отказы... Надобно сдѣлаться принцемъ, чтобъ получить къ ней доступъ.

Графъ. Ну, я тебя и сдѣлалъ герцогомъ.

Маркизъ. Прекрасно! только и опасности много... могутъ быть дурныя послѣдствія... Мы завладѣли правами и именемъ нашего генерала.

Графъ. Но онъ ничего не узнаетъ! Онъ отправился совершенно по другой дорогѣ.

Маркизъ. Дай Богъ, чтобъ это такъ было.

Графъ. Ну, перестань. Проказить, такъ проказить!... Только напоминай ей, пожалуйста, почаще обо мнѣ: хвали ей меня какъ нельзя больше; говори ей, что я прекрасный, храбрый офицеръ, что я любезенъ, уменъ...

Маркизъ (смѣясь). Слѣдовательно, я долженъ лгать на славу.

Графъ (серьезно). Что я могу достигнуть до всего... Скажи, что въ меня влюблены по крайней мѣрѣ двадцать графинь, маркизъ и баронессъ...

Маркизъ (смѣясь). И ты думаешь, она повѣритъ?

Графъ. Какъ же не повѣрить герцогу? Увѣрь ее, что всякая изъ нихъ съ восторгомъ бы отдала мнѣ свою руку, еслибъ только я захотѣлъ... но что, къ несчастію, я никакъ не могу на это рѣшиться... въ сердцѣ своемъ я ношу неугасимую страсть...

Маркизъ. Къ чему же все это повелетъ?

Графъ. Какъ къ чему? къ свадьбѣ.

Маркизъ. И ты хочешь жениться на этой вдовѣ, тогда какъ она ужъ разъ отказала тебѣ въ рукѣ своей? Ты хочешь навлзать себѣ на шею глупую провинціалку, тогда какъ самъ же ты говорилъ мнѣ, что она исполнена предразсудковъ, падута своей знатностью, ставитъ себя выше всякой герцогини...

Графъ. Тебѣ хорошо разсуждать; ты богатъ; у тебя есть земли, замки. А я... я разоренъ вокругъ; у меня, кромѣ ума и выгодной наружности, ничего нѣтъ.

Маркизъ. Ну, а если сватовство твое опять будетъ неудачно?

Графъ. Тогда ужъ баста! Отретирующсь отъ нея навсегда.

Маркизъ. И это тебя не оскорбитъ?

Графъ. Можетъ быть и оскорбитъ... впрочемъ, что жъ такое!

Меня нисколько не убудетъ.

Маркизъ.

Но получить другой отказъ

Ужъ это, просто, другъ мой, будетъ
Обида страшная для насъ.

Графъ.

О, если всѣмъ мнѣ обижаться,
Такъ лучше лечь живому въ гробъ...
Мы не должны щелчковъ бояться.

Маркизъ.

На это нуженъ мѣдный лобъ.

Графъ.

Да, чтобъ до счастія добраться
Имѣть не дурно мѣдный лобъ.

Маркизъ. Прекрасныя правила!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Гертруда.

Гертруда (вбыгая въ среднюю дверь). Вотъ она! вотъ она!

Графъ. Твоя госпожа?

Гертруда (подходя къ окну на право). Боже мой! Какъ она несется! вотъ изъ этого окна видно. Не угодно ли вашему высочеству взглянуть. (*Уходитъ*).

Графъ. Не угодно ли вашему высочеству...

Маркизъ (смотря въ окно). Какъ, неужели эта амазонка...

Графъ. Это она!

Маркизъ. Я представлялъ ее себѣ совершенно другою. Изъ твоихъ словъ, мнѣ казалось, что она дурна, неловка; но выходитъ совсѣмъ иначе... хоть вуаль и закрываетъ ея лицо, но по этому стройному стану, по этой легкости можно вообразить какъ она хороша. (*Съ крикомъ*) Ахъ. Боже мой!

Графъ. Что такое?

Маркизъ (смотря въ окно). Неужели она перескокнетъ чрезъ этотъ оврагъ? она убьется! (*Кричитъ въ окно*). Остановитесь! (*со страхомъ*). Ахъ! (*Отворачиваетъ голову*).

Графъ. Ахъ!

Маркизъ (немного спустя, смотритъ снова въ окно со страхомъ.) Нѣтъ... нѣтъ... ничего... не случилось.

Графъ. Какъ я испугался! (*въ сторону*). Всѣ мои надежды чуть не погибли въ этомъ оврагѣ.

Маркизъ. Сходитъ съ лошади. (*Въ сторону*) Какъ она прекрасна!... злодѣй! и не сказалъ мнѣ этого... онъ хотѣлъ меня сдѣлать глупцомъ, хотѣлъ моими руками вынимать изъ огня каштаны... нѣтъ, любезнѣйшій графъ, вы жестоко ошиблись...

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ГРАФЪ, ГАБРІЕЛЬ, МАРКИЗЪ.

Габріель (за кулисами). Въ большой залъ? хорошо.

Графъ. Вотъ она.

Габріель (войдя въ среднюю дверь, графу). Его высочество? Гдѣ его высочество? (*Графъ показываетъ на маркиза*). Такъ близко отъ меня! (*въ сторону*) Какъ бьется мое сердце.

Графъ (Габріели). Я васъ представлю, не бойтесь.

Габріель. Мнѣ его бояться! (*Подходя съ твердостью къ маркизу*). Ваше высочество!

Безъ скучныхъ привѣтствій встрѣчаюсь я съ вами,
Въ словахъ для героя привѣтствія нѣтъ;
Того, кто прославленъ своими дѣлами,
Встрѣчаетъ безмолвный, сердечный привѣтъ;
Кому вся отчизна обязана славой,
Въ комъ видитъ въ дни битвы защиту она,
Того своимъ гостемъ назвать я не вправѣ,
Того властелиномъ считать я должна!

Маркизъ (съ замѣшательствомъ). Баронесса... такой пріемъ...

Габріель. Да, ваше высочество, съ этой минуты вы полный властелинъ въ моемъ замкѣ... Теперь и сама у васъ въ гостяхъ...

Маркизъ (въ сторону). Какая милая откровенность. И неужели я долженъ ее обманывать?...

Габріель. Располагайте этимъ замкомъ, какъ своимъ; владѣтельница его преклоняетъ предъ вами колѣна. (*Хочетъ стать на колѣна*).

Маркизъ (удерживая ее). Остановитесь... скорѣе это мой долгъ...

Габріель. О, нѣтъ, я не допущу васъ до этого.

Маркизъ (въ сторону). Какъ она прекрасна! Признаюсь, положеніе мое затруднительное.

Габріель. Надѣюсь, что ваше высочество пробудетъ здѣсь до завтрашняго дня.

Графъ. Его высочество такъ и предполагалъ.

Маркизъ (съ замѣшательствомъ). Да... точно... я хотѣлъ... но поразду-мавъ... я боюсь... не употребляю ли во зло...

Габріель. О, вы мнѣ доставляете чрезвычайную честь.

Маркизъ (въ сторону). Не безчестье ли скорѣе.

Габріель. Я такъ мало этого заслуживаю.

Маркизъ (поспѣшно, не раздумавъ). О, конечно!

Габріель (съ удивленіемъ). Ваше высочество...

Графъ. Его высочество хочетъ сказать... что не зная васъ до сихъ поръ...

Маркизъ. Да, точно... иначе я никакъ бы не рѣшился... (*Новое удивленіе Габріели; она на него смотритъ; маркизъ останавливается въ замѣшательствѣ*).

Графъ. Его высочество никакъ бы не рѣшился откладывать минуты свиданія съ вами... (*въ сторону*). Что съ нимъ дѣлается? хорошо еще, что у меня достаетъ ума для двоихъ... Онъ совсѣмъ помѣшался. (*Габріели*). Теперь, баронесса, вы обязаны посѣщеніемъ его высочества одному мнѣ.

Маркизъ (все съ тѣмъ же смущеніемъ). Да, баронесса... точно ему, ему одному...

Графъ. Изволите слышать?

Габріель. Съ вашей стороны, графъ, это очень мило; вы мнѣ доставляете большое удовольствіе.

Графъ (въ сторону). Браво! я ужъ начинаю ей нравиться. Наша хитрость принимаетъ успѣхъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Гертруда, (слуги, которые приносятъ накрытый столъ, уставленный кушаньями).

Гертруда. Ужинъ для его высочества!

Графъ (въ сторону). Прекрасно! я такъ голоденъ.

Маркизъ (въ сторону). Онъ все еще считаетъ меня глупцомъ. Наши роли, однако-жъ, могутъ перемѣниться.

Габріель. Ваше высочество! будьте снисходительны къ моему гостепріимству... ваше посѣщеніе случилось такъ неожиданно... вы сами знаете, что прелокъ вашъ простилъ одинъ городъ за то, что онъ не стрѣлялъ ему изъ пушекъ, которыхъ въ немъ не было... надѣюсь, что и вы простите меня за скромный ужинъ, недостойный такой высокой особы (*Она отдаетъ тихо приказанія Гертрудѣ*).

Маркизъ (въ сторону). И при всемъ еще, какъ она умна! Признаюсь, положеніе мое очень незавидно.

Графъ (тихо маркизу). Помилуй, что съ тобой! ты на себя не похожъ... Будь, пожалуйста, развязнѣе, важнѣе, рѣшительнѣе; поддержи свое званіе.

Маркизъ (тихо). Хорошо, хорошо; ты будешь мною доволенъ.

Габріель. Не угодно ли вашему высочеству...

Графъ. Сейчасъ, баронесса, сейчасъ.. Марсъ не можетъ противорѣчить Венерѣ, особенно, если она приглашаетъ его къ ужину. (*Смотря на столъ*). Но что жъ это значитъ? тутъ одинъ приборъ.

Маркизъ (Габріели вѣжливо). Одинъ приборъ! Ахъ, баронесса!

Габріель. Я полагала, что принцу царской крови не позволяетъ этикетъ...

Маркизъ. Этикетъ даетъ ему всегда лучшее мѣсто. (*Габріели*). И по этому, баронесса, я очень бы желалъ сидѣть подлѣ васъ. (*Габріель отвѣчаетъ знакомъ благодарности*).

Графъ (въ сторону). Хорошо, что догадался. (*Въ слухъ*). Да, его высочество не любитъ сидѣть одинъ за столомъ... прикажите, баронесса, принести еще...

Маркизъ (поспѣшно). Одинъ приборъ. (*Габріель приказываетъ; Гертруда приноситъ еще одинъ приборъ и потомъ уходитъ*).

Графъ (съ удивленіемъ). Это что такое? (*Тихо маркизу*). Помилуй, а я-то что же? Неужели ты хочешь оставить меня голодомъ?

Маркизъ (тихо графу). Я хочу по твоему же совѣту поддержать свое званіе.

Графъ (такъ-же). Да я не къ этому сказалъ...

Маркизъ (неслушая графа). Очень жалѣю, графъ, что я не могу здѣсь поступить такъ-же, какъ въ арміи: тамъ простые офицеры могутъ салиться за столъ съ принцами... (*Беретъ Габріель за руку и подводитъ ее къ столу*).

Графъ (особо). Боже мой! Какой пріятный запахъ! такъ и возбуждаетъ аппетитъ... Неужели мнѣ не удастся поужинать?

Габріель. Мнѣ кажется, ваше высочество чѣмъ-то заняты?

Маркизъ. Признаюсь, я не могу притти въ себя отъ удивленія... Скажите, для чего вы скрываетесь въ провинціи, тогда какъ могли бы блистать при дворѣ?

Габріель. Я здѣсь счастлива.

Маркизъ. Счастливы? безъ разсѣянья, безъ удовольствій?

Габріель. Но развѣ вы ни за что считаете занятія: рисованье, музыку?

Маркизъ. О, сколько въ васъ талантовъ! Вы обладаете всѣми средствами нравиться.

Графъ. Въ особенности, баронесса большая музыкантша, ваше высочество. Въ прошломъ году, когда я ужиналъ здѣсь съ тетушкой, баронесса пѣла намъ нѣсколько національныхъ арій! Прелесть!

Маркизъ. Надѣюсь, что и теперь баронесса споетъ намъ какую нибудь беарнскую пѣсенку.

Габріель. Я не могу отказать въ этомъ внуку Генриха IV.

Графъ (подойдя къ столику, на которомъ лежатъ гитара и коты.) А! вотъ что-то новенькое... я еще не знаю этой музыки.

Габріель. Очень жаль. А я думала,

что вы мнѣ будете аккомпанировать на гитарѣ, какъ въ прошломъ году.

Графъ. Послѣ ужина!... Послѣ ужина готовъ!...

Маркизъ. А какъ вы еще не ужинаете, графъ, такъ можете вообразить, что уже поужинали.

Графъ (въ сторону). Вотъ прекрасно!

Маркизъ. Возьмите гитару, и проучите немного аккомпаньеманъ.

Графъ. Ваше высочество...

Маркизъ. Не стѣсняйтесь передъ нами: я вамъ позволяю.

Графъ. Но, ваше...

Маркизъ. Я этого хочу!

Графъ. Въ такомъ случаѣ... (*въ сторону*). Онъ ужъ начинаетъ употреблять во зло свое званіе. Боже мой! я чувствую судороги въ желудкѣ; нервы мои точно въ такомъ положеніи, какъ эти струны. (*Настраиваетъ гитару*).

Маркизъ (за столомъ въ полголоса Габріели, между тѣмъ, какъ графъ настраиваетъ гитару). Вы, баронесса, не сказали мнѣ еще объ одномъ удовольствіи, которое, вѣрно, болѣе всѣхъ занимаетъ васъ въ уединеніи?

Габріель. Какое же это удовольствіе?

Маркизъ. Первое, которое, при видѣ васъ, приходитъ всякому на мысль... которое замѣняетъ всѣ прочія... словомъ, любовь.

Габріэль. О, это удовольствіе слишкомъ опасно.

Однакожъ для меня ея ничтожны сѣти.

МАРКИЗЪ.

Предъ силою любви все, кажется, падетъ.

ГРАФЪ, (особо, не слушая ихъ).

Нѣтъ, голодъ, признаюсь, сильнѣй всего на свѣтѣ!

МАРКИЗЪ, (Габріели).

Она на свѣтѣ все забвенью предаетъ.

ГРАФЪ, (особо).

Мнѣ съ голоду теперь любовь на умъ нейдетъ.

МАРКИЗЪ, (Габріели).

И неужьли для васъ любовь такъ мало значитъ?

ГАБРІЕЛЬ.

Я отъ нея бѣгу, ея страшуся я.

ГРАФЪ, (особо).

Я ввелъ его сюда, а онъ меня дурачитъ.

МАРКИЗЪ, (въ сторону).

Ей должно быть моей, она навѣкъ моя.

ГРАФЪ, (особо).

Вотъ такъ-то поступать изволятъ всѣ друзья!

Маркизъ (Габріели). Неужели любовь дѣйствительно не можетъ имѣть къ вамъ доступа?

Габріель. До сихъ поръ я старалась ее удалять отъ себя.

Маркизъ. Однако-жъ она можетъ войти сюда и безъ позволенія...

Габріель. Надѣюсь, что этого не случится.

Маркизъ. А если ужъ это случилось?

Габріель. Ваше высочество...

Графъ (переставъ играть на гитарѣ). Что они тамъ толкуютъ?... Не обо мнѣ ли ужъ онъ говоритъ?...

Маркизъ (въ сторону). Еще ни одна женщина не производила на меня такого впечатлѣнія... (*въ слухъ*). Что жъ вы, графъ, не учитесь?

Графъ. Не знаю, право, ваше высочество, что со мною дѣлается: я чувствую какую-то слабость въ пальцахъ.

Маркизъ. А! я знаю, что вамъ нужно... вы, вѣрно, не откажетесь заняться тѣмъ же, чѣмъ мы.

Графъ (положивъ гитару и приближаясь къ столу, съ радостью). Если ваше высочество позволите.

Маркизъ (хладнокровно). Я позволяю вамъ оставить насъ, и попросить себѣ ужинать въ другой комнатѣ.

Графъ (въ сторону, съ неудовольствіемъ). Вотъ еще мило! оставить ихъ однихъ! (*Въ слухъ*). Ваше высочество...

Маркизъ. Безъ благодарности. Подите же отсюда. Я увѣренъ, что вы очень голодны.

Графъ. О, нѣтъ, ваше высочество, я вовсе не хочу ужинать. (*Въ сторону*) Я начинаю приходить въ совершенное изнеможеніе.

Маркизъ. А, тѣмъ лучше! я было отложилъ весьма важное порученіе; но теперь вы можете его сію же минуту исполнить.

Графъ (въ сторону). Что это значитъ?

Маркизъ (вставая, Габріели). Изви-

ните меня, баронесса, что я отнимаю вашего музыканта.

Габріель. О, ваше высочество, если этого требуетъ служба...

Маркизъ (*подходя къ графу*). Извольте отправиться немедля къ испанской границѣ... не останавливайтесь ни на минуту... и тамъ...

Графъ (*въ сторону*). Да это, просто, злодѣйство!

Маркизъ (*тихо*). Это я дѣлаю для твоей же пользы. (*Въ слухъ*) Понимаете?

Габріель (*графу*). Возьмите мою андалузку.

Графъ. Андалузку?... А! это ту самую лошадь, которая въ прошломъ году такъ славно меня...

Маркизъ. Безъ разсужденій, графъ! Поѣзжайте скорѣе, не теряйте времени.

Графъ (*въ сторону*). Если это точно для моей пользы, такъ нечего дѣлать, надобно ѣхать. Только бы меня опять не сшибла эта ужасная андалузка. (*Въ слухъ*) Все будетъ исполнено въ точности, ваше высочество (*Кланяется и уходитъ въ среднюю дверь*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Габріель, Маркизъ, Гертруда.

Маркизъ (*на аван-сценѣ, между тѣмъ какъ Габріель, въ глубинѣ театра, разговариваетъ тихо съ Гертрудой*). Онъ наконецъ уѣхалъ и я могу... но неужели мнѣ признаться ей во всемъ?... неужели долженъ я обнаружить мой обманъ?... Нѣтъ, нѣтъ... не теперь!... я могу подвергнуться ея гнѣву... и чрезъ это, быть можетъ, никогда ее не увижу... нѣтъ, это выше силъ моихъ... прощеніе послѣ, сегодня одна любовь.

Габріель (*тихо Гертрудѣ, въ глубинѣ театра*). Вели приготовить для герцога комнату на полдень; она отдѣлена отъ моей картинной галереи. (*Показываетъ на дверь въ галлерею*) Это будетъ приличнѣе. Ступай и не забудь ничего.

Гертруда. Не забуду, баронесса. (*Уходитъ*).

Габріель. Извините, ваше высочество, что оставила на минуту васъ однихъ. Мнѣ нужно было приказать Гертрудѣ — приготовить для васъ комнату.

Маркизъ. Да, чтобъ удалить меня скорѣе отъ себя. Признаюсь, такая забота можетъ меня сдѣлать неблагодарнымъ.

Габріель. Ваше высочество такъ снисходительны ко мнѣ... Впрочемъ, это принадлежность людей великихъ, достойнѣйшихъ.

Маркизъ (*въ сторону*). Вотъ что значитъ предубѣжденіе. (*Въ слухъ*) По этому, баронесса, вы добраго мнѣнія обо мнѣ?

Габріель. Можетъ ли герцогъ Вандомъ сомнѣваться въ моемъ удивленіи, въ моемъ восторгѣ?

Маркизъ. О, это ужъ слишкомъ!

Габріель. Я раздѣляю ихъ со всей Франціей.

Маркизъ. Въ такомъ случаѣ этого для меня очень мало.

Габріель. Мало?

Маркизъ. Да, баронесса. Я желалъ бы одного чувства, сердечнаго чувства, которое бы относилось не къ принцу, не къ счастливому генералу, но къ человѣку, просто къ человѣку.

Габріель. Ваше высочество.

Маркизъ. Вы можете меня считать дерзкимъ, безразсуднымъ... но я не въ состояніи болѣе скрывать моихъ впечатлѣній. При другихъ обстоятельствахъ, я могъ бы предоставить мое объясненіе времени и большимъ стараніямъ заслужить вниманіе ваше... но сегодня призываютъ меня обязанности, я долженъ скоро отправиться отсюда... и могу ли я уѣхать съ сердцемъ, въ которомъ такъ глубоко напечатлѣнъ вашъ образъ, съ сердцемъ...

Габріель. Довольно, герцогъ, довольно... умоляю васъ, пощадите меня... мнѣ достаточно и этого урока.

Маркизъ. Урока? Что вы хотите сказать?

Габріель. Я все теперь понимаю!... Мои чувства, мой восторгъ къ вашимъ достоинствамъ, къ вашей славѣ перетол-

кованы перелъ вами въ другую сторону.. быть можетъ даже сказано вамъ, что я ничто иное, какъ восторженная, сумасшедшая женщина, что я влюблена въ васъ... и ваше высочество, вѣроятно, хотѣли наказать меня, посмѣяться надо мной.

Маркизъ (съ жаромъ). О, баронесса, можете ли вы это думать? Смѣю ли я смѣяться надъ вами?... Но еслибъ я даже явился сюда съ такимъ ужаснымъ намѣреніемъ, то одно ваше слово, одинъ вашъ взглядъ должны измѣнить ихъ.

Габріель. А! стало быть я покоряю сердца, точно такъ-же, какъ вы непріятелей, по внезапнымъ вдохновеніямъ. О, это большая слава для меня!

Маркизъ. Вы все шутите, баронесса... это жестоко, несправедливо!... Но я клянусь вамъ, что въ словахъ моихъ заключается святая истина, что признаніе мое вылилось изъ глубины сердца.

Габріель. Если это такъ, я буду отвѣчать вамъ иначе, я не стану болѣе смѣяться... Теперь я должна вамъ сказать, герцогъ, что, по рожденію своему, я не могу быть вашей женою, но за то ничѣмъ и другимъ никогда не буду.

Маркизъ. Но кто же вамъ мѣшаетъ быть моей женой?

Габріель. Вы, герцогъ, вы сами!

Маркизъ. Я! послѣ того, что я говорилъ... тогда какъ я васъ люблю, обожаю...

Габріель. Но прекратимте нашъ разговоръ, герцогъ... Я не понимаю, какъ мы до него дошли... позвольте мнѣ лучше, ваше высочество, удалиться въ свою комнату... прошу васъ...

Маркизъ. Неужели вы хотите меня оставить?

Габріель. Конечно, это противъ законовъ этикета... это неучтиво, но необходимо для меня.

Маркизъ. Вы все еще сомнѣваетесь въ моей любви?

Габріель. О, я боюсь повѣрить ей!

Маркизъ. Что я слышу! Какое счастіе?

Габріель. Вотъ видите... я никакъ бы этого не сказала, еслибъ вы позволили мнѣ оставить васъ.

Маркизъ. Габріель! Неужели это правда? Неужели я покорю вашу твердость?

Габріель. Я сама не знаю, что говорю... ваши слова, ваша любовь... ваше внезапное предложеніе... все это случилось такъ скоро... я не могла ни о чемъ разсудить... я не понимаю, что со мной дѣлается... О, позвольте, позвольте мнѣ удалиться отсюда. (*Хочетъ уйти въ свою комнату*).

Маркизъ (*бросаясь передъ ней*). Нѣтъ, вы меня не оставите!

Габріель. Ваше высочество! это дурно съ вашей стороны. Вспомните, что вы сдѣлались властелиномъ въ моемъ замкѣ, по моему же желанію... и что я нахожусь подъ вашимъ покровительствомъ!

Маркизъ. Габріель...

Габріель. Неужели вы измѣните моей довѣренности?

Маркизъ. Мнѣ измѣнить вашей довѣренности, когда я хочу вамъ посвятить всю жизнь мою!... О, назовите меня скорѣе вашимъ супругомъ... позвольте мнѣ съ этимъ счастливымъ именемъ отправиться на поле сраженія, рѣшите мою участь. Габріель, согласитесь...

Габріель (съ смущеніемъ, въ сторону). О, Боже мой! бѣдный разсудокъ!...

Маркизъ (взявъ ее за руку). Ваша рука дрожитъ... это молчаніе... такъ вы согласны, Габріель?

Габріель (также въ сторону). Что мнѣ дѣлать?... (*внезапно*). А!... (*въ слухъ*). Ваше высочество, если я потребую залога въ справедливости вашихъ словъ?...

Маркизъ. О, требуйте! я готовъ на все!

Габріель. Дайте мнѣ вашу клятву... но не здѣсь, а въ моей образной.

Маркизъ. О, хоть сію минуту... Пойдемте... по куда-жъ идти?

Габріель (показывая на дверь съ правой стороны). Сюда, чрезъ эту галлерею.

Вместе.

Маркизъ.

О, восторгъ! судьба рѣшила —
Клятву дать ей долженъ я!
Счастье мнѣ не измѣнило,
Габріель на вѣкъ моя!

Габріель, (въ сторону).

Я разсудку измѣнила,
Но должна спасти себя:
Если тутъ ничтожна сила,
Такъ возьмусь за хитрость я.

Маркизъ.

Я готовъ на все рѣшиться...
О, пойдемъ, пойдемъ со мной!

Габріель, (въ сторону).

Счастья должно мнѣ лишиться,
Но я долгъ исполню свой.

Вместе.

Маркизъ.

О, восторгъ! судьба рѣшила, и проч.

Габріель.

Я разсудку измѣнила, и проч.

Маркизъ (*входитъ въ дверь на право; Габріель тотчасъ же замыкаетъ ее*). Что вы дѣлаете?

Габріель (*повертывая во второй разъ ключь*). Замыкаю дверь.

Маркизъ (*за дверью*). Вы меня обманули.

Габріель. Мнѣ не оставалось другаго средства... ступайте прямо по галлереѣ; въ концѣ ея найдете вы комнату: она приготовлена для васъ. Прощайте, ваше высочество!

Маркизъ. Габріель!... послушайте, отворите... одно слово...

Габріель (*взявъ свѣчу со стола налѣво*). Невозможно, ваше высочество.

Маркизъ. Клянусь вамъ, я исполню все, что вы потребуете.

Габріель. А я требую, чтобъ вы изволили сію же минуту отправиться въ вашу комнату. (*Уходитъ на лѣво*).

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Маркизъ (*одинъ за дверью*). Габріель!... баронесса!... вы мнѣ не отвѣчаете... хорошо-же... послушайте... вы вѣрно еще не ушли... отворите... о, какъ вы жестоки!... Габріель! (*Старается отворить замокъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

Маркизъ за дверью, Каниги, (измученный, входитъ въ среднюю дверь).

Каниги. Уфъ!... наконецъ я въ замкѣ!... Мнѣ сказали наши слуги, что его высочество далъ каждому по четыре пистоли, такъ, слѣдовательно, и мнѣ надо получить столько же на свою долю... но что́ жъ это значитъ? Здѣсь никого нѣтъ!.. Гдѣ же нашъ великій побѣдитель?.. (*Маркизъ, все еще стараясь отворить замокъ, производитъ стукъ*). Это что́ такое?

Маркизъ. Нѣтъ никакой возможности?

Каниги. Кто тамъ?

Маркизъ. Человѣкъ!... отвори скорѣе...

Каниги. Отворить? да кому?

Маркизъ. Герцогу Вандому.

Каниги (*про себя*). Герцогу! вотъ славная штука! онъ подъ замкомъ! (*Маркизу*). Какъ же это вы попали туда, ваше высочество?

Маркизъ. Отворишь ли ты?

Каниги. Сію минуту (*Взявъ оставшуюся свѣчу*). Ужъ когда другіе, просто, даромъ получили по четыре пистоли, такъ мнѣ вѣрно придется получить что́нибудь по полповѣснѣе. (*Отворивъ дверь*) Ну, вотъ...

Маркизъ (*отворивъ поспѣшно дверь предъ носомъ Каниги и загасивъ свѣчу*). Наконецъ! (*Они остаются въ темнотѣ*).

Каниги. Ай!

Маркизъ. А, она вѣрно ушла въ свою комнату.. кажется, съ этой стороны. (*Крадется на цыпочкахъ къ комнатѣ Габріели*).

Каниги, (*въ сторону*.) Неужели этимъ только и кончится? (*въ слухъ*.) Ваше высочество, гдѣ вы? (*Ищетъ маркиза и потомъ схватываетъ его за платье*).

Маркизъ. Оставь меня, дуралей!

Каниги. Извините, ваше высочество... но...

Маркизъ, (*давъ ему пощечину*). Оставь меня!

Каниги. Ай!.. ай!.. (*Каниги потираетъ щеку. Маркизъ подходитъ ближе къ комнатѣ Габріели; занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ залъ замка въ Барцелонѣ; въ глубинѣ театра галлерея; двѣ двери по сторонамъ; на право, впереди, столъ съ письменнымъ приборомъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Каниги, Офицеръ, входятъ изъ глубины театра.

Офицеръ. Я вамъ говорю, что вы не можете видѣть герцога. Я докладывалъ объ васъ его высочеству, но онъ очень дурно меня принялъ.

Каниги. А я вамъ говорю, что лицо мое доставитъ ему большое удовольствіе; оно напомнитъ ему пріятнѣйшія минуты...

Офицеръ. У его высочества много и безъ васъ дѣла. Только еще восемь дней, какъ мы вошли побѣдителями въ Барцелону, а ужъ его высочество получилъ тьму другихъ порученій, и въ эту минуту...

Каниги. Боже мой! Да скажите ему только про загашенную свѣчу. Мнѣ непремѣнно нужно ему отдать это письмо.

Офицеръ. Ну, хорошо, дайте его сюда—и ступайте.

Каниги. Я долженъ отдать его самъ... Я имѣю на это причины...

Офицеръ. Ужъ это слишкомъ! Вы вѣрно хотите, чтобъ я позвалъ солдатъ?.. Я долженъ васъ предупредить, что они славно дѣйствуютъ мушкетными прикладами.

Каниги. Знаю, знаю... я ужъ оцѣнилъ ихъ таланты.

Офицеръ. Такъ что же вы?..

Каниги. Иду, иду... вотъ извольте только взять письмо...

Офицеръ. Хорошо. Оно будетъ доставлено его высочеству.

Каниги, (*уходитъ въ сторону*). А я, стало быть, не получу своихъ пистолей? Но ужъ во что бы ни стало, я возьму свое отъ герцога, я его увижу. (*Уходитъ на лѣво.*)

Офицеръ. Слава Богу, что онъ ушелъ! Вотъ и герцогъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Герцогъ Вандомъ. Маркизъ д'Ериталь, Графъ д'Овиньи, Офицеръ, нѣсколько другихъ офицеровъ. Всѣ выходятъ изъ двери съ правой стороны.

Герцогъ. Я васъ не понимаю, маркизъ. Просить въ такое время увольненія.

Маркизъ. Ваше высочество вѣрно меня простите. Необходимая надобность.

Герцогъ. Нѣтъ, вы должны остаться при мнѣ. Мы взяли Барцелону—прекрасно! Въ продолженіе осады вы были всегда первымъ въ огнѣ; впереди своей роты вы дѣйствовали отлично... это вамъ дѣлаетъ честь. Но тутъ еще не все: нашъ завоеванный городъ запрягъ меня въ претяжелую телегу... вы должны везти ее со мной.

Маркизъ. Но, ваше высочество... если сильнѣйшее чувство, чѣмъ любовь къ славѣ...

Герцогъ. Тара, та, та!.. Я понимаю... вамъ нужно увидѣться съ своею любезной, не правда ли?.. Всѣ мои молодые

офицеры только и думаютъ объ этомъ... Но я принялъ свои мѣры...

Когда влюбленный между вами
Изволитъ отпуска просить,
Я говорю, что милой дамъ
Пріятнѣй ожиданьемъ жить.

Графъ.

А если вдругъ ее со скуки
Другой займетъ?

Герцогъ.

Тѣмъ лучше вамъ!
Когдабъ вы къ ней попались въ руки,
Тогдабъ связались по рукамъ.
Измѣнница на все готова;
Обманъ въ привычку къ ней войдетъ;
Обманетъ одного, другаго
И мужа такъ-же проведетъ!

О, еслибъ я въ моей арміи былъ снисходителенъ къ влюбленнымъ людямъ, такъ кончилось бы тѣмъ, что мнѣ одному пришлось бы охранять Барцелону. Теперь въ Рисвикѣ собираются уполномоченные; будутъ переговоры о мирѣ, и когда его подпишутъ, вамъ позволятъ снова сдѣлаться селадонами; но до тѣхъ поръ, чтобъ и мысли не было о любви и брачныхъ союзахъ... Вы, д'Ериталь, сейчасъ должны отправиться на сѣверный бастіонъ, который командуетъ важнымъ пунктомъ рейды; поставьте тамъ сто человѣкъ гвардейцевъ и наблюдайте за всѣми движеніями порта: это васъ разсѣетъ... Графъ д'Обиньи! приближьтесь ко мнѣ; мнѣ нужно вамъ дать нѣкоторыя секретныя наставленія. (*Говоритъ тихо съ графомъ на краю сцены*).

Маркизъ (*про себя, на авансцену*). Мнѣ остаться здѣсь, тогда какъ я хотѣлъ летѣть въ Парижъ къ моей сестрѣ... Она могла бы мнѣ выпросить прощеніе у Габріели, которую я такъ много люблю и такъ жестоко оскорбилъ... я до тѣхъ поръ не рѣшусь видѣть ее, пока не увѣрюсь въ своемъ прощеніи.

Герцогъ (*подходя къ маркизу и ударивъ его по плечу*). Ну, что, маркизъ; вы опять погрузились въ меланхолическія размышленія... конечно, любовь вещь прекрасная, но есть на все свое время. Отправляйтесь лучше, капитанъ, на сѣверный бастіонъ, а вы, графъ д'Обиньи, извольте выполнить въ точности мои наставленія.

Графъ. Надѣюсь, что ваше высочество останетесь довольны.

Герцогъ. До свиданія, господа. (*Графъ, маркизъ и офицеры уходятъ въ глубину сцены*).

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Герцогъ Вандомъ, Офицеръ.

Офицеръ (*подходя къ герцогу*). Ваше высочество!

Герцогъ. А! это вы, кажется, говорили мнѣ сейчасъ о какомъ-то письмѣ?

Офицеръ. Вотъ оно, ваше высочество.

Герцогъ (*взявъ письмо и садясь къ столу*). Посмотримъ, что такое... Въ завоеванномъ городѣ не должно ничѣмъ пренебрегать. (*Распечатываетъ письмо и читаетъ*). «Мой герой, мой другъ! До меня достигла громкая молва о вашихъ побѣдахъ... я не въ состояніи разсказать вамъ, въ какой восторгъ привело меня это извѣстіе»... (*Говоритъ*). Что это значитъ?... (*Читаетъ*). «Мысли мои переносились къ вамъ на поле сраженія... я трепетала за вашу жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ гордилась вашей славой.» (*Говоритъ*). Что за необыкновенное участіе!.. (*Читаетъ*). «Меня ничто уже не могло удержать въ моемъ замкѣ, когда я узнала, что Барцелона покорилась вамъ... владѣнія мои въ Испаніи послужили мнѣ предлогомъ къ отъѣзду; но настоящую причину вѣрно угадаетъ ваше сердце...» (*Говоритъ*). Нѣтъ, признаюсь, я не догадываюсь. (*Читаетъ*). «Когда вы получите это письмо, я буду уже близъ васъ, и надѣюсь, что вы не замедлите допустить меня къ себѣ.» (*Говоритъ*). А, вотъ въ чемъ дѣло! (*Читаетъ*). «Не одна-же слава занимаетъ душу внука Генриха IV; въ ней есть мѣсто и для любви: одно слово моего героя и онъ увидитъ предъ собою Габріель.» (*Говоритъ*). Вотъ, признаюсь, странности!.. что это за женщина?...

Габріель!... имя это обѣщаетъ... но точно ли ко мнѣ адресовано письмо?... Да, ко мнѣ... Кто жъ она?... не могу вспомнить!... да что за нужда... Кто бы она ни была, все равно... я долженъ ее видѣть, по крайней мѣрѣ изъ уваженія къ памяти моего знаменитаго дѣда... (*Офицеру*). Подите, прикажите отыскать даму, которая прислала ко мнѣ это письмо... пускай она явится ко мнѣ. (*Офицеръ кланяется и уходитъ въ дверь налѣво*). А! я забылъ... еще нѣсколько приказаній моимъ офицерамъ... и тогда мы уже займемся нашимъ таинственнымъ завоеваніемъ. (*Садится къ столу и пишетъ*). «Вы будете охранять предмѣстіе съ тремя ротами...» Габріель!... хоть убей, не помню... «Не оставляйте оружія во всю ночь и имѣйте зажженные фитили...» О, если она еще молода и хороша... это будетъ истинное счастіе для меня...

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Герцогъ Вандомъ, (сидитъ и пишетъ), Офицеръ вводитъ Габріель.

Офицеръ (*Габріели*). Вотъ его высочество; онъ васъ ожидаетъ... можете подойти...

Габріель (*съ лѣвой стороны*). Благодарю васъ, г. офицеръ... (*Офицеръ удаляется въ глубину сцены. Про себя*). Онъ здѣсь, мой герой, мой побѣдитель...

Герцогъ (*пишетъ*). «Если захватятъ шпіоновъ, тотчасъ же привести ихъ ко мнѣ.»

Габріель (*про себя*). Мысли его заняты одними завоеваніями... быть можетъ, онъ уже забылъ несчастную Габріель... О! слава — опасная соперница!... Но я должна съ нимъ говорить... (*Тихо приближается къ герцогу и облокачивается на спинку его кресель*).

Герцогъ (*про себя*). Думаю, думаю, и никакъ не могу припомнить этой женщины... (*Оборачивается и встрѣчается лицомъ къ лицу съ Габріелью, которая при взглядѣ на него съ удивленіемъ отступаетъ отъ кресель*). Ахъ! (*Герцогъ встаетъ*).

Габріель. Ахъ! (*въ сторону*). Это не онъ!

Герцогъ (*подходя къ ней*). Такъ это вы!... Но что съ вами? развѣ я васъ испугалъ?

Габріель. Извините... я имѣю надобность къ его высочеству герцогу Вандому.

Герцогъ. Знаю... вы просили свиданія со мною... и я не замедлилъ исполнить вашу просьбу.

Габріель. Герцогъ Вандомъ...

Герцогъ. Ну да, это я... что-жъ васъ удивляетъ?

Габріель (*въ сторону*). О, Боже!

Герцогъ (*улыбаясь*). Развѣ вы не узнаете своего героя, своего друга... какъ сами вы писали?

Габріель (*съ смущеніемъ*). Я не думала...

Герцогъ. А! васъ вѣрно удивляетъ простота моей одежды?... Но мы наряжаемся только для сраженій, какъ вы для балонъ... у всякаго свое кокетство...

Габріель (*въ сторону*). О, это ужасно! Неужели я была такъ жестоко обманута?...

Герцогъ. Ну, чего жъ вы хотите?... Если у насъ въ рукахъ завоеванный городъ, мы не теряемъ по напрасну времени... займемтесь дѣломъ... вы ко мнѣ писали... я вамъ за это очень благодаренъ; но вотъ что меня удивляетъ: вы писали ко мнѣ, какъ къ человѣку, котораго коротко знаете... но право, я не могу припомнить вашего лица... Гдѣ я васъ видѣлъ? Неужели я могъ забыть васъ? Это было бы странно, этого не можетъ быть...

Габріель. Простите меня... мое замѣшательство...

Герцогъ. О, оставимте церемоніи... Скажите мнѣ, гдѣ мы съ вами познакомились? Я, можетъ быть, вспомню...

Габріель (*въ сторону*). Что мнѣ лгать?... о, не надо терять присутствія духа.

Герцогъ (*въ сторону*). Она очень мила!

Габріель. Я должна все узнать и отмстить.

Герцогъ. Вы мнѣ не отвѣчаете?... Что съ вами?... Мнѣ кажется, я имѣю полное право дѣлать вамъ вопросы.

Габріель (въ сторону). Смѣлѣе! *(Въ слухъ, съ сильнымъ смѣхомъ).* Ха, ха, ха! Неужели вы не догадались?

Герцогъ. Въ чемъ же догадываться? Мнѣ кажется, я васъ попялъ... и при видѣ васъ, мнѣ очень было пріятно...

Габріель (весело). Неужели вы не догадались, что заставило меня писать къ вамъ? Я хотѣла видѣть васъ, но мнѣ сказали, что вы заняты важными дѣлами; меня не допускали къ вамъ... Чтобъ побѣдить всѣ препятствія, я должна была прибѣгнуть къ хитрости...

Герцогъ. А!... такъ вы меня вовсе не знаете?

Габріель (серьезно). Такимъ, какъ вижу васъ теперь, не знаю.

Герцогъ. Враги наши однакоже находятъ, что я нисколько не перемѣнился...

Габріель. Тѣмъ хуже.

Герцогъ. Что?

Габріель (улыбаясь). Тѣмъ хуже для нихъ.

Герцогъ (такъ-жеулыбаясь). Конечно.

Габріель. Потомокъ Генриха IV долженъ имѣть много сердечныхъ воспоминаній... и я была увѣрена, что, возбудивъ его любопытство, вѣрно получу къ нему доступъ...

Герцогъ (смѣясь). Да... дѣйствительно, мысль чудесная.

Габріель (смѣясь также, но съ принужденіемъ). Мнѣ самой теперь смѣшно... *(въ сторону).* Боже мой! я обязана смѣяться противъ воли... Но кто же этотъ обманщикъ?... Гдѣ онъ? о, какъ я его ненавижу!

Герцогъ. И вы, конечно, въ память моего знаменитаго предка, избрали имя Габріели?

Габріель. Это мое имя.

Герцогъ. Но у васъ вѣрно есть и другое?

Габріель. Баронесса Нанжи.

Герцогъ. А! это имя мнѣ извѣстно... вы, вѣрно, имѣете ко мнѣ какую нибудь важную просьбу?

Габріель. У меня есть здѣсь въ Испаніи значительныя владѣнія... это вамъ уже извѣстно изъ моего письма.

Герцогъ. Но вы говорите въ немъ, что они были однимъ только предлогомъ къ пріѣзду вашему сюда.

Габріель. Нѣтъ, теперь я могу сказать, что они были настоящей причиной...

Герцогъ. А!... чего-жъ вы хотите?

Габріель. Вашего приказанія, чтобъ они были въ безопасности отъ вашихъ соллатъ.

Герцогъ. Очень охотно! Но что же я получу въ замѣнъ этого?

Габріель. Чѣмъ же я могу васъ вознаградить?

Герцогъ. Всѣмъ, что можно было предполагать изъ вашего письма.

Габріель. О, это была одна шутка!

Герцогъ. Я желалъ бы, чтобъ въ ней заключалась истина.

Габріель. Къ чему жъ она повелетъ!

Герцогъ (приближаясь къ ней). Позвольте мнѣ повѣрить вашему письму и вы увидите.

Габріель. Я не любопытна.

Герцогъ. Вы мнѣ отказываете?

Габріель. А вы?

Герцогъ. Я согласенъ исполнить вашу просьбу. *(Подходитъ къ столу и пишетъ нѣсколько строкъ).*

Габріель (въ сторону). Онъ подписалъ!... Нѣтъ болѣе сомнѣнія!... О, это ужасно!...

Герцогъ (отдавая ей бумагу). Вотъ, возьмите! *(улыбаясь).* Что вы теперь скажете о вашемъ геро?

Габріель. Я ему очень благодарна.

Герцогъ. И только?

Габріель. Да... для нынѣшняго дня.

Герцогъ. Такъ вы обѣщаете, что я опять васъ увижу?

Габріель. Обѣщаю.

ЯВЛЕНІЕ V.

Габріель, Герцогъ Вандомъ, Маркизъ д'Ериталь, (входитъ изъ глубины сцены).

Маркизъ. Извините, ваше высочество, что я осмѣлился васъ безпокоить.

Габріель (въ сторону). Что я вижу? (*Отворачиваетъ голову*).

Герцогъ. А! маркизъ д'Ериталь! что вамъ нужно?

Габріель (въ сторону). Маркизъ д'Ериталь!...

Маркизъ. Приказанія ваши исполнены... но я пришолъ доложить вашему высочеству, что въ залѣ совѣта ожидаютъ васъ алькады и коррежидоры. Они желаютъ сообщить вамъ нѣчто весьма важное.

Герцогъ. Несносные люди!

Габріель (въ сторону). Его черты... его голосъ... о, это онъ, это онъ!...

Герцогъ (Габріели). Обязанности заставляютъ меня оставить васъ, баронесса... но вы подали мнѣ надежду... (*Подаетъ ей руку*). Неугодно ли, я васъ провожу.

Габріель (оборотясь). Нѣтъ, ваше высочество, я останусь здѣсь.

Маркизъ (въ сторону, узнавъ Габріель). Боже!

Герцогъ. Неужели?

Габріель. Я имѣю къ вамъ еще просьбу... и притомъ, съ моей стороны было бы неблагодарно, еслибъ я такъ скоро васъ оставила... Позвольте мнѣ дождаться вашего возвращенія.

Герцогъ. О, я чрезвычайно радъ! вамъ пришла прекрасная мысль!

Маркизъ (въ сторону). Что это значитъ?

Герцогъ. Я постараюсь скорѣе избавиться отъ этихъ докучливыхъ людей и тотчасъ же возвращусь къ вамъ... Съ вами останется маркизъ... онъ займетъ васъ... до свиданія!... (*Въ полголоса маркизу*). Эта побѣда досталась мнѣ вовсе неожиданно... поручаю тебѣ эту даму... будь любезенъ, но не слишкомъ; понимаешь?.. Впрочемъ, сердце твое уже заноевано... и я спокоенъ... взгляни, какъ она хороша!

Маркизъ (въ сторону). И это онъ говоритъ мнѣ?

Герцогъ (Габріели). До свиданія, баронесса. (*Въ сторону, уходя*) Я постараюсь, чтобъ письмо ея оправдалось на дѣлѣ. (*Уходитъ въ глубину сцены*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Габріель, Маркизъ д'Ериталь.

Маркизъ (въ сторону). Что мнѣ дѣлать? Что ей сказать?

Габріель (въ сторону). Онъ теперь одинъ со мной... о!...

Маркизъ (въ сторону). Какъ она должна меня ненавидѣть... презирать...

Габріель (поспѣшно). У васъ, маркизъ, нѣтъ ли брата?

Маркизъ (съ замѣшательствомъ). Брата?

Габріель. Да... нѣтъ ли у васъ брата?

Маркизъ (въ сторону). Какая мысль!.. (*въ слухъ*). Есть, баронесса.

Габріель. А!.. Онъ служитъ такъ-же въ арміи?

Маркизъ. Да, баронесса, въ арміи.

Габріель. Онъ теперь здѣсь?

Маркизъ. Нѣтъ.

Габріель. А!

Маркизъ. Ему дано порученіе.

Габріель. Долго онъ будетъ въ отсутствіи?

Маркизъ. Я думаю, очень долго... его положеніе ужасно... онъ очень несчастливъ...

Габріель. Что съ нимъ?

Маркизъ. Ничто не развлекаетъ его печали, ничто его не веселитъ... быть можетъ угрызеніе совѣсти...

Габріель. Онъ вамъ говорилъ?

Маркизъ. Онъ говорилъ мнѣ, что какая-то тайна терзаетъ его душу, ни на минуту не даетъ покоя... О, еслибъ вы видѣли его при послѣднемъ сраженіи!... еслибъ видѣли, какимъ опасностямъ онъ подвергался, желая славою заглалить свое преступленіе... или смертію прекратить страданія... О, еслибъ вы слышали тогда его слова... «Братъ», сказалъ онъ мнѣ: «есть въ мірѣ небесное существо, прекраснѣйшая женщина, какой я никогда не встрѣчалъ, которую я люблю всей силой моей души... я могъ быть счастливѣйшимъ человѣкомъ; но безразсудный обманъ и вѣтренность помрачили навсегда мою будущность!...

Я погубилъ на вѣкъ минуты наслажденья,
Въ глазахъ ея покрылъ презрѣніемъ себя;

Я виноватъ предъ ней и, безъ ея прощенья,
Быть можетъ, черезъ часъ погибну въ битвѣ я.
Когда, мой милый братъ, увидишься ты съ нею,
Услышишь отъ нея укоръ моей винѣ, —
О, помяни ее хоть съ памятью моею,
Скажи, что за нее отмстила совѣсть мнѣ!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Графъ д'Обиньи.

Графъ (*за сценой*). Хорошо... (*Входитъ*).

Габріель. Графъ д'Обиньи!

Графъ. Ба! здѣсь дама! (*Взглянувъ на Габріель*). Баронесса Нанжи!

Габріель. А, это вы, графъ.

Графъ. Точно такъ, баронесса... о, какъ я доволенъ, какъ счастливъ. (*Въ сторону*) Зачѣмъ она сюда явилась?

Маркизъ (*въ сторону*). Онъ можетъ испортить все дѣло... какъ бы мнѣ ему передать... (*Дѣлаетъ знаки графу*).

Графъ. Очень жалѣю, что вы не увѣдомили меня о своемъ пріѣздѣ. (*Въ сторону*) Я желалъ бы, чтобъ она была за сто миль отсюда... (*Въ слухъ*). Еслибъ я это зналъ, то навѣрное бы имѣлъ честь представить васъ его высочеству... вѣдь вы, безъ сомнѣнія, желаете видѣть его?

Габріель. Можетъ быть.

Маркизъ (*въ сторону*). Я трепещу! (*Дѣлаетъ снова знаки графу*).

Графъ (*въ сторону*). Что онъ за знаки мнѣ дѣлаетъ?..: а! я догадываюсь... онъ вѣрно еще поддерживаетъ ложное свое званіе... (*Въ слухъ*). Я вижу, однако-жъ, что моя протекція была бы для васъ безполезна... (*Маркизу*) Я увѣренъ, что ваше высочество ни въ чемъ не изволите отказать баронессѣ.

Маркизъ (*въ сторону*). О, безсмысленный человѣкъ!

Габріель (*въ сторону*). Какая дерзость!

Графъ. Еслибъ вы знали, баронесса, какъ пріятно его высочеству воспоминаніе о васъ!

Габріель. Остерегитесь, графъ! смотрите, чтобъ не вошелъ сюда герцогъ Вандомъ.

Графъ. Что такое?

Габріель. Ему можетъ показаться страннымъ такое уваженіе къ маркизу д'Ериталь.

Графъ. Какъ, вы уже знаете, баронесса?... Ахъ, извините меня...

Габріель.

Вы мило сочинили сказку.
Вамъ хитрость удалась вполнѣ...
Начало ваше, — а развязку
Позвольте ужъ придѣлать мнѣ!
Вашъ планъ обдуманъ былъ прекрасно,
Но вы одно могли забыть...
И мой конецъ докажетъ ясно,
Что съ женщиной нельзя шутить.

Графъ. Какъ, баронесса, неужели вы сердитесь за невинную хитрость?... Если она позволительна въ военныхъ дѣлахъ, такъ, кажется, простительна и въ любви. Мы воспользовались ею только для того, чтобъ мой другъ, подъ именемъ герцога, помогъ мнѣ... и вліяніемъ своимъ на васъ устроилъ мое счастіе.

Габріель. Надо признаться, счастливая мысль!

Графъ. Ну, видите!... я былъ увѣренъ, что она вамъ понравится... вы любите посмѣяться, любите шутки...

Габріель. Да... я надѣюсь, что эта шутка понравится и герцогу Вандому...

Графъ. Герцогу?... Это дѣло другое!... Онъ очень мало и чрезвычайно рѣдко занимается шутками.

Габріель. Неужели онъ разсердится?

Маркизъ (*въ сторону*). О, еслибъ я оскорбилъ еще одного герцога!... но обмануть ее!...

Графъ. Какъ же не разсердиться! Мы оставили свой постъ, употребили во зло его имя... онъ можетъ отдать насъ подъ военный судъ...

Габріель. Неужели?

Графъ. И кончится тѣмъ, что насъ разстрѣляютъ... но нѣтъ, вы вѣрно не рѣшитесь выдать насъ.

Габріель. Вотъ видите, до чего могла довести васъ эта шалость... Но что, если бы я ему уже разсказала все?

Графъ. Развѣ вы видѣли его высочество?

Габріель. Да, видѣла. Онъ самъ вручилъ мнѣ предписаніе, которое должно обезопасить мои владѣнія отъ опустошеній; я хотѣла васъ просить, не примете ли вы на себя труда привесть въ исполненіе волю герцога.

Графъ (взявъ отъ нея бумагу). О, съ большимъ удовольствіемъ, баронесса. (*Маркизу*). Ахъ, мой другъ, какъ она сегодня любезна со мной! это еще въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ я ее знаю. И навѣрное, я обязанъ всѣмъ твоему краснорѣчію? Прошу тебя объ одномъ: кончи все скорѣе, точно такъ-же, какъ началъ!

Габріель (съ нетерпѣніемъ). Графъ.

Графъ. Бѣгу, бѣгу, баронесса. (*Въ сторону*) Надобно признаться, я счастливѣйшее существо изо всего рода человѣческаго! (*Кланяется и уходитъ въ глубину сцены*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маркизъ д'Ериталь, Габріель.

Габріель. Ну, что, маркизъ?

Маркизъ. Что прикажете, баронесса?

Габріель. Вы придумываете, какъ бы еще меня обмануть?... Этотъ вымышленный братъ...

Маркизъ. Чувства его принадлежатъ мнѣ... я виноватъ передъ вами, баронесса, и прежде, чѣмъ могъ рѣшиться говорить вамъ о любви, хотѣлъ убѣдить васъ въ своемъ раскаяніи.

Габріель. А если я не вѣрю ни тому, ни другому?

Маркизъ. Вы будете дважды несправедливы.

Габріель. Точно такъ-же, какъ вы дважды были обманщикомъ?

Маркизъ. О, еслибъ вы знали, баронесса, всѣ мои намѣренія... я готовъ былъ на все рѣшиться, чтобъ загладить свою вину... чувствую, что вы имѣете полное право меня ненавидѣть.

Габріель. И вы думаете, что я откажусь отъ этого права.

Маркизъ. Я смѣю только надѣяться! Были минуты въ моей жизни, когда улыбка ваша отвѣчала на слова любви, когда сердце ваше было растрогано чувствами моего сердца... Быть можетъ, одно мгновеніе, не болѣе... но вы любили меня...

Габріель (въ сторону). Да, онъ правъ!

Маркизъ. Вы мнѣ не отвѣчаете?... вы думаете о мщеніи?

Габріель. Можетъ быть.

Маркизъ Что жъ, баронесса, за чѣмъ откладывать... Графъ д'Обиньи сказалъ уже вамъ: одно слово герцогу и мщеніе ваше совершено... По крайней мѣрѣ, я унесу съ собою воспоминаніе объ этихъ минутахъ, въ которыя я былъ такъ счастливъ, и вмѣстѣ такъ много виноватъ передъ вами...

Вся наша жизнь полна несчастій и мученій,
Путь къ радостямъ земнымъ весь терніемъ покрытъ;
Кто въ жизни достигалъ минуты наслажденій,
Тотъ вѣкъ ее какъ перлъ въ душѣ своей хранитъ!
Надежду у меня отнять вы въ состояньи,
Но прошлаго меня не въ силахъ вы лишить;
Я счастіемъ живу въ одномъ воспоминаньи —
И только смерть меня съ нимъ можетъ разлучить.

Габріель (въ сторону). Я слышу теперь тотъ же голосъ, который такъ растрогалъ и плѣнилъ меня.

Маркизъ. Накажите меня, баронесса!.. Какъ бы ни было жестоко ваше наказаніе, любовь мнѣ поможетъ перенесть его спокойно.

Габріель. Опять любовь, маркизъ?... Но кто любитъ искренно, тотъ не прибѣгаетъ къ хитрости, не пользуется чужими именами... Зачѣмъ вы скрывали отъ меня истину?

Маркизъ. Богъ свидѣтель, она тысячу разъ была на устахъ... но я не имѣлъ смѣлости ее произнесть... съ нею рисковалъ я потерять все, что составляло мое счастіе.

Габріель. И вы для того только удерживали чужое имя, чтобы вынудить мою любовь?

Маркизъ. Безъ громкаго имени я не надѣялся привлечь на себя вниманія той,

которая обладаетъ столь высокимъ умомъ и такой красотою.

Габріель. Но чѣмъ же въ послѣдствіи думали вы оправдываться передо мною?

Маркизъ. Я надѣялся пріобрѣсти нѣкоторую славу, которая могла меня сдѣлать болѣе достойнымъ васъ.

Габріель (*рѣшительно*). Знаете ли, маркизъ... вы поставили себя въ такое положеніе, что я должна или вѣчно ненавидѣть васъ, или любить болѣе всѣхъ въ мірѣ.

Маркизъ. Баронесса, что я слышу!

Габріель. Да, маркизъ, сегодня должная избрать что нибудь одно для васъ—ненависть, или любовь...

Маркизъ. Ненависть,—тягостное чувство.

Габріель. Мщеніе считаютъ многіе пріятнѣйшимъ удовольствіемъ... я желала бы испытать.

Маркизъ. Испытайте... Герцогъ близко отсюда.

Габріель. О, это мщеніе слишкомъ коротко... я хочу не такъ вамъ отмстить.

Маркизъ. Какъ же, баронесса?

Габріель (*смотря на него пристально*). Вы не догадываетесь?

Маркизъ (*съ восторгомъ*). Неужели... вы согласитесь отдать мнѣ вашу руку?

Габріель. Да, маркизъ.

Маркизъ. Габріель!... о, какое мщеніе!

Габріель. Сильнѣйшаго я не нахожу... оно будетъ медленнѣе... но я желала бы, чтобъ нашъ бракъ совершился скорѣе...

Маркизъ. Этого я самъ желаю.

Габріель. Сегодня же... нынѣшнимъ же вечеромъ...

Маркизъ. Я сейчасъ бѣгу къ герцогу испросить позволенія.

Габріель. О, берегитесь!

Маркизъ. Но оно мнѣ необходимо.

Габріель. Если онъ узнаетъ—вы погибли... мое письмо къ нему... смущеніе при свиданіи съ нимъ... поспѣшность нашего брака... все это можетъ возродить подозрѣніе и открыть ему вашъ необдуманный проступокъ... Герцогъ такъ жестокъ, такъ непреклоненъ...

Маркизъ. Это правда.

Габріель. Нѣтъ; нашъ бракъ долженъ совершиться въ тайнѣ; о немъ никто не долженъ знать до тѣхъ поръ, пока не минуютъ всѣ опасности!... Это необходимо для васъ... для меня...

Маркизъ. Я все устрою... полковой священникъ мнѣ преданъ; менѣе чѣмъ черезъ часъ все можетъ быть приготовлено въ часовнѣ здѣшняго замка... и непроницаемая тайна...

Габріель. Тс... кажется, идетъ герцогъ... ступайте же скорѣе. Пока вы займетесь приготовленіемъ, я постараюсь завладѣть имъ... я задержу его и при первой возможности прибѣгу къ вамъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Герцогъ Вандомъ, (*входитъ изъ глубины театра*).

Герцогъ. Какъ мнѣ досадно, баронесса, что я потерялъ столько времени... насилу отвязался отъ этихъ несносныхъ людей... Наконецъ я свободенъ и снова весь принадлежу вамъ. (*Въ полголоса маркизу*) Надѣюсь, что твои разговоры нисколько не уменьшили въ ней того расположенія, съ какимъ я ее оставилъ?

Маркизъ (*такъ-же герцогу*). О, дай Богъ, чтобы она сохранила его на вѣкъ!

Герцогъ (*такъ-же*). Я самъ этого желаю!... Ну, теперь сдѣлай мнѣ еще удовольствіе; поди отсюда: ты мнѣ болѣе не нуженъ.

Маркизъ (*съ безпокойствомъ*). Ваше высочество!...

Герцогъ (*въ слухъ*). Маркизъ!... я не привыкъ повторять своихъ приказаній.

Габріель (*съ нетерпѣніемъ*). Кажется, маркизъ не любитъ поспѣшности.

Маркизъ. Повинуюсь и иду. (*Уходитъ въ глубину сцены*).

Герцогъ. Слава Богу!

Габріель (*въ сторону*). Я должна скрыть свое безпокойство и выиграть время... Смѣлѣе!...

=

ЯВЛЕНІЕ X.

Габріель, Герцогъ Вандомъ.

Герцогъ. Теперь мы одни, баронесса, и я могу говорить съ вами откровенно.

Габріель. О чемъ же, ваше высочество?

Герцогъ. О моихъ чувствахъ... Я нахожу, что вы прекрасны.

Габріель. Вы не первые это находите.

Герцогъ. Я желалъ бы быть послѣднимъ.

Габріель. Позвольте же мнѣ не раздѣлять вашего желанія.

Герцогъ. А! вы кокетка!... я этого никакъ въ васъ не подозрѣвалъ.

Габріель. Женщинѣ не трудно быть кокеткой.

Герцогъ. Вы не довольствуетесь одной любовью!

Габріель. А вы довольствуетесь ли одной побѣдой?

Герцогъ. Выслушайте меня, баронесса. До свиданія съ вами, я былъ занятъ одними важными дѣлами, вовсе не думалъ ни о женщинахъ, ни о любви!... Но вдругъ ваша красота и вашъ умъ разрушили всѣ мои мысли... теперь я занятъ только вами; мнѣ кажется, я уже люблю васъ...

Габріель. Мнѣ это очень лестно; но одной любви вашей для меня недостаточно... надобно...

Герцогъ. Надобно нравиться, не правда ли?

Габріель. Этого я не говорила... вы сказали сами...

Герцогъ. Могу-ли я надѣяться, что достигну до того?

Габріель. Не знаю, герцогъ; но...

Герцогъ. Но я еще теперь не достигъ?

Габріель. Этого я не говорила... вы сказали сами...

Герцогъ. Но что же я долженъ дѣлать?... научите меня.

Габріель. Вамъ надобно взять много уроковъ и въ вѣжливости и въ любезности...

Герцогъ. О, я согласенъ, съ удовольствіемъ!... и чтобъ сократить время, готовъ брать по два урока въ день... начните ихъ съ нынѣшняго же дня... Да! вы говорили мнѣ, что имѣете еще какую-то просьбу до меня... время уже приближается къ сумеркамъ... и съ моей стороны было бы неблагоразумно, еслибъ вы теперь отправились чрезъ завоеванный городъ, наполненный солдатами... Останьтесь лучше въ этомъ замкѣ.

Габріель. Но, ваше высочество...

Герцогъ. Вы колеблетесь?... чего вы боитесь?

Габріель. Выслушайте... вы, побѣдоносный генералъ...

Герцогъ, (перебивая.) Позвольте... въ вашемъ присутствіи я ничто иное, какъ смирный ученикъ.

Габріель. Но справедливо ли это?

Герцогъ. Испытайте... вы мнѣ не вѣрите... Я къ этому не привыкъ... отложите въ сторону на время ваши свѣтскія правила, будьте снисходительнѣе къ моей откровенности... согласитесь безъ церемоній и позвольте мнѣ раздѣлить съ вами мой солдатскій ужинъ...

Габріель. Вотъ ужъ вы до чего дошли!

Герцогъ. Я вамъ предлагаю гостепріимство, и, будьте увѣрены, какъ честный человѣкъ, не забуду моего долга.

Габріель. А что скажутъ въ вашей арміи?

Герцогъ. Что же могутъ сказать? Въ арміи моей такъ-же, какъ и везлѣ: кто хочетъ спать, тотъ ложится, кто голоденъ, тотъ ужинаетъ... ну, вы согласны?

Габріель. Я этого не сказала.

Герцогъ. Я замѣтилъ, что вы не любите ни съ чѣмъ соглашаться.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и офицеръ.

Офицеръ, (взойдя въ дверь на лѣво.) Ваше высочество!...

Герцогъ. Опять?... Что вамъ угодно?

Офицеръ. По вашему приказанію, схватили сію минуту и привели сюда какого-то человѣка, который украдкою хотѣлъ пробраться въ замокъ... Подозрѣваютъ, что это шпіонъ.

Герцогъ. Нѣтъ вовсе покоя отъ дѣлъ.

Габріель, (*въ сторону.*) Какое счастіе!

Герцогъ. Приведите его ко мнѣ... Извините меня, баронесса! (*Офицеръ уходитъ.*)

Габріель. Позвольте мнѣ отправиться, ваше высочество.

Герцогъ. О, зачѣмъ!... войдите въ этотъ залъ... (*Показываетъ на дверь съ правой стороны.*) Я въ минуту освобожусь.

Габріель. Вы дѣлаете изъ меня все, что хотите.

Герцогъ. Желалъ бы, чтобъ это была правда.

Габріель. До свиданія, ваше высочество.

Герцогъ. До скораго свиданія?

Габріель. Да, конечно... (*Въ сторону, уходя.*) Поспѣшимъ въ часовню.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Каннгу, Герцогъ Вандомъ, офицеръ. Каннгу вводятъ двое солдатъ въ дверь на лѣво; офицеръ является изъ глубины сцены.

Каннгу. Оставьте меня! я вамъ говорю ясно, что я вовсе не шпіонъ!... Да вотъ, позвольте... Г. офицеръ! вы должны меня узнать... помните, я приходилъ давича къ вамъ... еще хотѣлъ видѣть его высочество... ну, какъ не вспомнить!... Ужъ, ссли привели меня сюда, такъ извольте представить къ нему... я долженъ съ нимъ переговорить.

Герцогъ, (*садясь на правой сторонѣ.*) Ну, говори.

Каннгу. Съ другими мнѣ нѣтъ надобности говорить... Я хочу видѣть самаго герцога Вандома.

Герцогъ. Герцогъ не глухъ, онъ тебя слушаетъ.

Каннгу. Герцогъ Вандомъ!... вы?... Подите, вотъ выдумали! какъ будто я не знаю герцога!

Герцогъ. Ты его знаешь?

Каннгу. Еще бы мнѣ не знать его, послѣ той пощечины, которую я имѣлъ честь получить изъ его рукъ!

Герцогъ. Ты получилъ отъ него пощечину?

Каннгу. Преполновѣсную, вполнѣ достойную руки герцога... въ то самое время, какъ онъ загасилъ мою свѣчу... у меня искры посыпались изъ глазъ.

Герцогъ. Но когда это случилось?

Каннгу. Два мѣсяца тому назадъ.

Герцогъ. Гдѣ?

Каннгу. Въ замкѣ моей госпожи, баронессы Нанжи.

Герцогъ, (*поспѣшно, вставая.*) Въ замкѣ баронессы Нанжи? Развѣ у нея былъ герцогъ Вандомъ?

Каннгу. Онъ останавливался у насъ на одинъ только день и на одну ночь, проѣздомъ чрезъ нашъ прекрасный городъ въ Беарнъ.

Герцогъ (*про себя.*) О, я теперь догадываюсь!... Это письмо... ея смущеніе при встрѣчѣ со мною... все это доказываетъ ясно... Кто-нибудь воспользовался моимъ именемъ, чтобъ безпрепятственно достичь до нея... чтобъ пріобрѣсть, безъ сомнѣнія, ея любовь!... О, кто бы онъ ни былъ, дерзость обойдется ему дорого. (*Каннгу*) Подойди сюда; скажи мнѣ, узнаешь ли ты герцога Вандома, того самаго, который былъ у твоей госпожи?

Каннгу. Не могу вамъ сказать утвердительно... впотьмахъ я не разглядѣлъ его фигуры... и полагаю, что это обстоятельство нѣсколько затруднитъ меня.

Герцогъ, (*про себя.*) Кто же это осмѣлился?... о, вѣрно кто-нибудь изъ моихъ офицеровъ!... какъ же его отыскать?

Офицеръ, (*съ которымъ только что разговаривалъ другой офицеръ, приблизясь къ герцогу, говоритъ ему въ полголоса.*) Ваше высочество! дозорный офицеръ увѣдомилъ меня сію минуту о странномъ происшествіи, которое открылъ ему случай.

Герцогъ. Что такое?

Офицеръ. Въ часовнѣ здѣшняго зам-

ка сдѣланы приготовленія для тайнаго брака.

Герцогъ. Для тайнаго брака?

Офицеръ. Онъ, однакоже, не могъ узнать имя жениха и невѣсты.

Герцогъ. А! одно имя мнѣ извѣство,— я узнаю скоро и другое. (*Въ сторону.*) Тайный бракъ!... теперь все для меня ясно!... вѣроломная женщина!... она играла мною какъ глупцомъ!... она участница этого обманщика!... О, мы посмотримъ, чѣмъ еще все кончится!... (*Въ слухъ*) Г. офицеръ! соберите сію минуту всѣхъ офицеровъ моего главнаго штаба... скажите имъ, чтобъ они явились ко мнѣ, но только всѣ, безъ исключенія... слышите? (*Офицеръ уходитъ въ глубину сцены.*)

Канигу. Но для чего жъ меня заставляютъ ожидаться? отчего не представятъ меня его высочеству?

Герцогъ. Выведите отсюда этого человѣка и наблюдайте за нимъ.

Канигу. Вѣрно ужъ судьбою написано не видать мнѣ герцога Вандома. (*Уходитъ, въ сопровожденіи солдатъ, въ дверь на лѣво.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Герцогъ Вандомъ, потомъ Габріель.

Герцогъ, (*одинъ.*) Я думалъ, что она поощряла мои надежды... я полагалъ, что она предана мнѣ искренно... а все это дѣлала она для того, чтобъ выйти за мужъ за другаго... и за кого же? за того, кто осмѣлился воспользоваться моимъ именемъ!... (*Входитъ Габріель.*) А, вотъ и вы, баронесса!... Удивляюсь вашей точности!

Габріель. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго!... (*Въ сторону*) Постараемся поискуснѣе выпросить его прощеніе; теперь я должна стараться за своего мужа.

Герцогъ. Нынѣшній день, баронесса, для меня очень несчастливъ.

Габріель. И это говорите вы мнѣ, тогда, какъ я только что вошла сюда?... И это говоритъ мнѣ тотъ человѣкъ, который хотѣлъ учиться у меня вѣжливости!

Герцогъ. Я имѣю на это причины... сейчасъ, узналъ я новость.

Габріель. Непріятную?

Герцогъ. Можетъ быть... но, главное, вовсе неожиданную.

Габріель. И по этому, вѣрно, должна я опять удалиться отсюда?

Герцогъ. О, нѣтъ! напротивъ... Мнѣ нужно рѣшить одно дѣло, для котораго ваше присутствіе необходимо.

Габріель. Вашему высочеству не угодно-ли ужъ посовѣтоваться со мною о планѣ какого нибудь сраженія?...

Герцогъ. О, еслибъ дѣло коснулось до хитрости въ нашихъ дѣлахъ, то, навѣрное, такая прекрасная дама превзошла бы въ опытности всѣхъ генераловъ... Не правда ли, баронесса?

Габріель. Слишкомъ много чести для насъ!

Герцогъ. А, вотъ мой штабъ!

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же, Графъ д'Обиньи, Маркизъ д'Ерталь, Офицеры. Дѣйствующіе расположены такъ: маркизъ, Габріель, герцогъ, графъ; офицеры во второмъ планѣ.

Герцогъ. Приближьтесь, господа. Я увѣренъ, что вы всѣ примете участіе въ радости, которую доставляетъ мнѣ вовсе неожиданное происшествіе. (*Габріели*). Представляю вамъ, баронесса, моихъ храбрыхъ офицеровъ: они усердно помогали мнѣ въ покореніи Барнелоны... (*Офицерамъ*). Вы, вѣрно, не угадываете причины, по которой я призвалъ васъ сюда, и для которой приготовляется праздникъ?... это, господа, свадьба!

Графъ. Свадьба!

Маркизъ. О, Боже!

Габріель. Что я слышу!

Герцогъ. Да, свадьба! Ее хотѣли сохранить въ тайнѣ, но я этого никакъ не позволю!.. Баронесса Напжи должна произнесть имя того счастливаго существа, которое удостоилось заслужить ея руку... Это таинственное существо можетъ вполнѣ гордиться своей побѣдой... и я надѣ-

юсь, что оно не замедлитъ явиться предъ нами.

Маркизъ (*въ сторону*). Намъ измѣнили!

Графъ (*въ сторону*). Что это значитъ?

Герцогъ (*тихо Габріели*). Предметъ вашей любви здѣсь... я его наконецъ узнаю...

Габріель (*въ сторону*). А! онъ его еще не знаетъ?

Герцогъ. Офицеры мои не имѣютъ права безъ моего позволенія вступать въ бракъ... но я готовъ дать позволеніе.

Графъ (*про себя*). Неужели?

Герцогъ. Я ожидаю только, баронесса, чтобъ мнѣ представился тотъ человѣкъ, который такъ давно занятъ вами...

Графъ (*про себя*). Нѣтъ болѣе сомнѣнія! Маркизъ д'Ериталь устроилъ все...

Герцогъ. Который имѣлъ счастіе заслужить вашу любовь...

Графъ (*про себя*). Этакой злодѣй! и не предупредилъ меня!

Герцогъ. Наконецъ, тотъ, который долженъ быть вашимъ супругомъ... Я отъ души желаю его поздравить.

Графъ. О, ваше высочество! я не знаю какъ благодарить васъ!

Герцогъ (*въ сторону*). А! вотъ онъ!

Графъ (*Габріели*). А вы, баронесса!.. я не нахожу словъ высказать того, что чувствуетъ мое сердце... Я удивляюсь только одному, что вы могли испросить у его высочества такое соизволеніе, въ которомъ онъ всѣмъ отказываетъ.

Габріель (*въ сторону*). О, глупецъ!

Графъ (*про себя*). Это слишкомъ для меня лестно.

Маркизъ (*Габріели*). Нѣтъ, я этого не потерплю!

Габріель (*тихо маркизу*). Молчите!

Графъ. Говорите... утвердите мое счастіе!...

Габріель. Что мнѣ вамъ сказать, графъ?... Вы измѣнили тайнѣ, успѣли передать всѣмъ свои надежды... его высочество принялъ участіе въ вашей судьбѣ и спѣшитъ нашимъ бракомъ... весь штабъ собрался сюда для того, чтобъ быть при этой церемоніи... но, признаюсь вамъ, это великолѣпіе меня пугаетъ... я желала бы лучше, чтобъ вы нѣсколько подождали... и явились за моимъ согласіемъ въ мой замокъ, тогда какъ миръ дастъ вамъ свободу отъ службы...

Маркизъ (*въ сторону*). Она хочетъ выиграть время...

Герцогъ. Извините, баронесса... ни я, ни графъ д'Обиньи не согласны на такія условія... счастіе его почти въ рукахъ и при нашемъ положеніи было бы неблагоразумно откладывать... не правда ли, графъ?

Графъ. Совершенная правда, ваше высочество!... Я не замедлю воспользоваться вашимъ милостивымъ позволеніемъ.

Герцогъ. Прекрасно! воспользуйтесь же имъ скорѣе... а по совершеніи брака, вы тотчасъ же будете отданы подъ военный судъ, который такъ-же не замедлитъ воздать вамъ должную награду за то, что вы изволили два мѣсяца тому назадъ оставить свой постъ и завладѣть именемъ вашего генерала.

Графъ (*въ испугѣ*). Ваше высочество... помилуйте, неужели...

Герцогъ. По всей вѣроятности, васъ разстрѣляютъ черезъ двадцать четыре часа; но за то вы будете уже прежде супругомъ баронессы... такое счастіе не должно дешево достаться.

Графъ (*въ сторону*). Нѣтъ, ужъ это дорого... слишкомъ дорого!...

Герцогъ. Что-жъ вы еще медлите?...

Графъ. Нѣтъ, позвольте ужъ лучше, ваше высочество, отказаться мнѣ отъ этого счастія.

Маркизъ (*приближаясь къ герцогу*). А мнѣ согласиться!

Герцогъ. Вамъ?

Графъ. Что такое?

Маркизъ. Я одинъ виноватъ во всемъ, ваше высочество, и долженъ быть наказанъ!... но я благословляю мою судьбу... я готовъ!

Габріель. Благородная душа!

Маркизъ. Не графу, а мнѣ соглашалась баронесса отдать свою руку... Одно имя героя могло побѣдить ея сердце и я осмѣлился воспользоваться вашимъ... Могъ ли я выбрать другое?... Но я вполь-

нъ доволенъ вашимъ приговоромъ... онъ загладитъ мои преступленія.

Герцогъ. Я думаю, что вамъ въ моемъ приговорѣ болѣе нравится первое условіе... о бракѣ?... (*Габріели*). Что вы скажете, баронесса?

Габріель. Онъ сказалъ правду, ваше высочество.

Графъ. Неужели это точно правда?

Герцогъ (*въ полголоса*). Гм... И онъ воспользовался моимъ именемъ для того только, чтобъ побѣдить ваше сердце?

Габріель (*въ полголоса*). Только именемъ, ваше высочество... языкъ былъ не вашъ...

Герцогъ. И фигура не моя!... Теперь...

Габріель. Теперь я жду, чѣмъ рѣшитъ нашу участь внукъ Генриха IV.

Герцогъ. А! понимаю!... ну, маркизъ, вы обязаны всѣмъ вашему откровенному признанію... моимъ именемъ пользовался по крайней мѣрѣ храбрый человѣкъ.

Габріель. Вы его прощаете?

Герцогъ. Я долженъ его простить, иначе вы будете меня ненавидѣть...

Маркизъ. Ахъ, ваше высочество!

Габріель (*протягивал руку герцогу*). Мой герой воспользовался первымъ моимъ урокомъ.

Графъ. Кажется, я былъ одураченъ.

Герцогъ (*тихо Габріели*). И я такъже...

Габріель (*улыбаясь*). При васъ, герцогъ, осталась слава.

Герцогъ. И вы совѣтуете мнѣ держаться славы?

Габріель. О, конечно!... по крайней мѣрѣ она вамъ не измѣнитъ... вы ей хорошо извѣстны.

Всѣ.

Все окончилось безъ боя,
Миновалася бѣда! —
Чувствамъ нашего героя
Честь и слава навсегда!

Габріель, (къ публикѣ).

Я клялась маркизу мщеньемъ;
Герцогъ намъ бѣдой грозилъ, —
Но я кончила прощеньемъ, —
Герцогъ также намъ простилъ.
Намъ чуждаться должно мщенья, —
Совершенства въ мірѣ нѣтъ,
На взаимномъ снисхожденьи
Существуетъ цѣлый свѣтъ.
Потому-то въ заключенье
Просимъ мы и въ этотъ разъ,
Чтобы ваше снисхожденье
Поддержало нынче насъ.

Всѣ.

По обычью, въ заключенье;
Просимъ мы и въ этотъ разъ,
Чтобы ваше снисхожденье
Поддержало нынче насъ!

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ТЕАТРА.

Іюнь, іюль.

Дочь вора, *водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французскаго.* — Жизнь за жизнь, *драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч.* Беклемишова.—Ночь на Новый Годъ, *драма въ двухъ отдѣленіяхъ, переведенная съ нѣмецкаго.* — Кумъ Иванъ, *оригинальная русская быль, соч.* Е. В. А.—Женихъ при шпагѣ, *комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго.*—Вотъ что иногда бываетъ за кулисами, *фарсъ-водевиль для окончанія спектакля, въ одномъ дѣйствіи, соч.* Поль-де-Кока, *переводъ съ французскаго.*

Въ бенефисъ г-жи Орловой, мы видѣли двѣ новыя піэсы: водевиль «Дочь вора» и драму «Жизнь за жизнь.»

Въ какомъ-то приморскомъ городѣ жила дѣвушка Нелли; у нея, по странному сцѣпленію обстоятельствъ, не было ни отца, ни матери, ни роду, ни племени; въ нее влюбленъ Вилліамъ и хочетъ на ней жениться, но дядя его не позволяетъ ему сдѣлаться мужемъ безродной сиротки, не позволяетъ изъ опасенія быть родственникомъ какого нибудь ничтожнаго человѣка. Вдругъ онъ узнаетъ изъ газетъ о смерти знаменитаго вора, прощеннаго еще при жизни, (уже не знаю за что), послѣ котораго осталось огромное богатство, и что оно должно достаться его единственной дочери, мѣстопребываніе которой неизвѣстно. Но по какому-то стеченію обстоятельствъ, начинаютъ подозрѣвать, что эта богатая наслѣдница есть Нелли; дядя Вилліама въ восхищеніи, сей часъ изъявляетъ свое согласіе на бракъ племянника съ нею, и преналвно утверждаетъ, что человѣкъ, умѣвшій составить себѣ такой огромный капиталъ, есть предостойный человѣкъ. Впрочемъ не онъ первый, не онъ послѣдній, при перемѣнѣ обстоятствъ перемѣнялъ свои мнѣнія. Да и какъ устоять противъ искушенія овладѣть несмѣтнымъ богатствомъ?—Вилліямъ готовъ выполнить волю дяди, съ радостью готовъ жениться на Нелли; но она, подслушавъ ихъ разговоръ и узнавъ, что она дочь вора, рѣшительно отказывается отъ счастія быть женою любимаго человѣка. Вотъ примѣрное великодушіе! что прикажете дѣлать съ ней, чѣмъ отвратить бѣду? — Дѣло совсѣмъ было пошло на разлалъ, какъ вдругъ откуда ни возьмись братъ Нелли, капитанъ корабля, стоящаго въ гавани; онъ доказываетъ, что она и не бывала дочерью вора, а что она его сестра и больше ничего. Нелли этому очень рада, сей часъ соглашается выти за Вилліяма, а дядя остается въ дуракахъ. Піеса эта, какъ видите, не можетъ похвалиться содержаніемъ, за то въ ней есть чувствительные куплеты, но и они не спасли водевиль отъ торжественнаго паденія.

«Жизнь за жизнь», драма въ че-

тырехъ актахъ, дѣйствіе въ Парижѣ. Жоржъ Треланъ, послѣ продолжительнаго путешествія по морю, возвращается къ женѣ своей, которую онъ страстно любитъ, и находитъ ее при смерти. Онъ, какъ слѣдуетъ добропорядочному супругу, бросается къ ней и видитъ, что она прижимаетъ къ холодѣющимъ губамъ своимъ портретъ; вотъ рѣдкая жена, думаетъ онъ,—и умираетъ цѣлуя портретъ мужа. Глядь—а портретъ-то чужой. Можете себѣ представить, какъ это озадачило Жоржа. Онъ вышелъ изъ себя, пришелъ въ совершенное изступленіе и далъ клятву отмстить своему сопернику. Но вотъ еще новая бѣда: какъ узнать, кто этотъ соперникъ; къ счастію, на портретѣ было подписано имя живописца, писавшаго его. Жоржъ къ нему, и узнаетъ, что этотъ похититель его супружескаго благополучія есть молодой повѣса д'Эпернозъ. Жоржъ Треланъ сейчасъ составляетъ планъ мщенія, въ слѣдствіе котораго, подъ именемъ Сорделя, вкрадывается въ дружбу д'Эпернова, волочится за женою его Клеменціею и влюбляетъ ее въ себя. Клеменція, выведенная изъ терпѣнія невѣрностію своего мужа, и не желая оставаться у него въ долгу, назначаетъ въ полночь свиданіе Жоржу. Онъ въ назначенное время влѣзаетъ въ окно ея спальни, но Клеменція смущается, въ ней пробуждается чувство супружеской вѣрности, она даритъ Жоржу свой портретъ и умоляетъ его удалиться. Онъ колеблется, но наконецъ, побѣжденный ея чистою любовію, уходитъ. На другой день, онъ поражаетъ кинжаломъ д'Эпернова, но, чтобъ доконать его совершенно, въ самую послѣднюю минуту жизни его показываетъ ему портретъ его жены, который она ему подарила, и д'Эпернозъ умираетъ въ ужасныхъ мученіяхъ. Вотъ вамъ и «Жизнь за жизнь!» Въ ней есть нѣчто похожеена характеры, есть нѣсколько эффектныхъ сценъ; но жаль, что авторъ не далъ себѣ труда даже перефразировать діалоги, заимствованные имъ изъ повѣсти «Право возмездія» Оттого произошли длинноты и такіе разсказы, которые совсѣмъ не соотвѣтствуютъ требованіямъ драмы.

Въ бенефисъ 16 іюля, представлена была одна піеса оригинальная и три переводныхъ; двѣ съ нѣмецкаго и одна съ французскаго.

Начнемъ съ оригинальной русской были «Кумъ Иванъ». Алексѣй, сынъ старосты, и Дуня, сестра Петровича, любятъ другъ друга. Но староста не позволяетъ сыну своему жениться на Дунѣ, по причинѣ ея бѣдности; а самъ всячески притѣсняетъ ея брата за неплатежъ оброчной суммы. Вотъ, въ одну ненастную ночь, Петровичъ толкуетъ съ матерью своей Маѳою, о томъ, что не кому быть крестнымъ отцомъ у его новорожденнаго младенца. Вдругъ въ дверь стучится прохожій и просится переночевать; его принимаютъ съ радушіемъ, тогда какъ другіе жители деревни не хотѣли дать ему ночлега. Петровичъ угощаетъ его чѣмъ Богъ послалъ и прохожій вызывается быть кумомъ добраго хозяина. Во второмъ актѣ, староста съ толпою крестьянъ приходитъ самъ за оброкомъ; но увидѣвъ, сына своего вмѣстѣ съ Дунею, съ гнѣвомъ спрашиваетъ, зачѣмъ онъ пришелъ къ тѣмъ людямъ, съ которыми онъ ему и знаться не велѣлъ. Алексѣй отвѣчаетъ, что его просили притти, чтобы заплатить чрезъ него оброчныя деньги, которыя и отдаетъ отцу. Входитъ Петровичъ и говоритъ, что ему денегъ негдѣ взять.—Какъ такъ? восклицаетъ староста — да деньги отданы сполна. — Петровичъ утверждаетъ, что онъ не отдавалъ. Вотъ честная-то душа! Такимъ образомъ хитрость Алексѣя, заплатившаго свои деньги, открывается; староста приходитъ въ бѣшенство. Въ это самое время входятъ бояре и вся царская свита; одинъ изъ бояръ, увидѣвъ прохожаго, спрашиваетъ: «ты здѣсь, нашъ Надежа Государь», и всѣ преклоняютъ колѣна. Иванъ Васильевичъ

Грозный (это былъ онъ), устроиваетъ судьбу Алексѣя и Дуни; и піеса кончается народною пѣснію. Быль эта, какъ видите, имѣетъ претензію на народность, что показываетъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ, заслужившихъ одобренія; только жаль, что составлена-то она не очень искусно и обнаруживаетъ въ авторѣ совершенное незнаніе сцены. При всемъ томъ, ей должно отдать пальму преимущества предъ всѣми піесами этого бенефиса.

Впрочемъ и драма такъ-жехороша, развѣ немногимъ уступитъ этой были; самое названіе, «Ночь на новый годъ» уже располагаетъ въ ея пользу. Первый актъ называется «Хижина въ дремучемъ лѣсу»; въ этой хижинѣ «Лѣсничиха» качаетъ въ колыбели ребенка своего, оплакиваетъ его болѣзнь и упрашиваетъ пришедшую къ ней «старуху» спасти ея сына; старуха отвѣчаетъ, что для спасенія его надо ей самой итти въ полночь въ «долину мертвецовъ» и набрать моху со священнаго дупла, тамъ находящагося. Лѣсничиха рѣшается на этотъ подвигъ. Въ долинѣ мертвецовъ находитъ она нѣсколько стрѣлковъ, пришедшихъ освобождать своего товарища, посаженнаго лѣсничимъ въ башню за стрѣляніе чужой дичи. Лѣсничиха благополучно достигаетъ священнаго дупла и собираетъ съ него мохъ; въ это время входитъ лѣсничій съ цирюльникомъ, котораго ведетъ для леченія своего сына. Уставшій и перезябшій цирюльникъ садится и не хочетъ больше сдѣлать шагу, хочетъ лучше замерзнуть въ долинѣ мертвецовъ, въ зимнюю полночь, чѣмъ спѣшить скорѣе въ теплую хижину. Вотъ странный человѣкъ! Надобно сказать, что это самая эффектная сцена и роль цирюльника самая интересная во всей піесѣ. Наше участіе возбуждаетъ этотъ полузамерзшій бѣднякъ, дрожащій отъ холода и страха! какъ сильно дѣйствуетъ на зрителя рѣшительность его — лучше замерзнуть на мѣстѣ, чѣмъ слѣдовать за своимъ спутникомъ. Но лѣсничій знать ничего не хочетъ, тащитъ его насильно. Тогда нападаетъ на нихъ толпа стрѣлковъ, которые ужъ давно хотѣли извести врага своего, лѣсничаго; вдругъ видятъ они у священнаго дупла стоящую лѣсничиху. Они принимаютъ ее за духа долины мертвецовъ и разбѣгаются въ разныя стороны. Лѣсничій ни съ того, ни съ другаго прицѣливается изъ ружья въ жену свою; но видно у нея отъ испугу языкъ отнялся, что она, бѣдная, видя, что мужъ въ нее цѣлится, даже не вскрикнула, что она его жена; онъ спускаетъ курокъ и кладетъ на повалъ супругу свою. Что-жъ дѣлать? Ужъ видно на роду ей такъ написано. Лѣсничій, увидѣвъ, что палилъ не духа долины, а жену свою, выходитъ изъ себя, и проклинаетъ суевѣріе. Тогда приходитъ «служанка» и объявляетъ о выздоровленіи ребенка. Лѣсничій сообщаетъ эту радостную вѣсть умирающей супругѣ, и она въ минуту исцѣляетъ ее; она утверждаетъ, что будетъ здорова, а онъ заключаетъ эту прекрасную драму прекрасными стихами, въ которыхъ торжественно выхваляетъ материнскую любовь.

За этою драмою слѣдовала комедія, также переведенная съ нѣмецкаго, «Женихъ при шпагѣ». Въ ней главное то, что Масленковъ, женихъ Лидіи, дочери г. Гурскаго, пріѣзжаетъ на званый обѣдъ въ мундирѣ и съ огромною шпагою. Онъ, изволите видѣть, немножко глуховатъ и очень неловокъ, хотя и очень много путешествовалъ. Надъ нимъ трунятъ и осыпаютъ разными остроумными насмѣшками на счетъ его вооруженія. Масленковъ, желая притупить ихъ жало остреемъ шпаги своей, рѣшается скрыть ее отъ взоровъ насмѣшниковъ и прячетъ подъ подушку дивана. Когда всѣ разошлись, съ нимъ остается Агафоклея Карповна Гурская; она садится на диванъ, подъ подушкой котораго спрятана шпага, и не знаетъ какъ выжить надоѣвшаго ей гостя; а онъ не знаетъ, какъ

достать свою шпагу. Она зѣваетъ, и наконецъ засыпаетъ. Онъ, желая воспользоваться сномъ ея, вытаскиваетъ изъ-подъ нея свое смертоносное оружіе, но видно сдѣлалъ это не слишкомъ осторожно. Гурская просыпается; Масленковъ остается съ обнаженною шпагою въ рукѣ, потому-что ножны остались подъ подушкою. Она, думая, что онъ ее хочетъ убить, въ ужасѣ кричитъ изо всей силы: на крикъ ея всѣ сбѣгаются, кричатъ «держи, держи!» но Масленкова и слѣдъ простылъ. А невѣста его выходитъ за Погорѣльскаго, котораго она любитъ. Неправдали, что очень мило? Ну чему тутъ было шикать? Удивительные люди!—Въ заключеніе спектакля былъ данъ фарсъ-водевиль соч. *Поль-де-Кока*, да и съ какимъ еще замавчивымъ названіемъ: «Вотъ что иногда бываетъ за кулисами», Поль-де-Кокъ и такое заглавіе — да это прелесть, чего тутъ можно ожидать!

Дѣйствіе въ театральной уборной. Передъ представленіемъ какой-то піэсы, Флорикуръ, первый любовникъ, въ большомъ затрудненіи: у него нѣтъ хорошаго фрака для роли посланника. Подгалстучникъ онъ сдѣлалъ изъ бумаги, платокъ досталъ у бутафорши; а фрака все нѣтъ, какъ нѣтъ. Ну что тутъ дѣлать? Бѣда! На его счастіе приходитъ Гроселъ, смотритель рыбнаго рынка; ему, извольте видѣть, хочется тутъ закинуть сѣти другаго рода. Онъ ужасный франтъ и любитъ волочиться за актрисами. Флорикуръ сей часъ же составляетъ планъ, чтобы воспользоваться прекраснымъ фракомъ рыбака; обѣщаетъ ему доставить случай, не только говорить но даже поцѣловать предметъ его страсти. Для приведенія этого въ исполненіе, Гроселъ долженъ нарядиться обезьяной и влѣзть въ шкуру этого животнаго на сцену, вмѣсто актера, которому была назначена эта роль. Какъ не согласиться рыбаку на такое лестное предложеніе. Флорикуръ надѣваетъ фракъ Гроселя; а тотъ является въ костюмѣ обезьяны; всѣ хохочутъ, до... вы себѣ не можете представить, какъ это смѣшно! Надобно сказать, что актеръ Бельпозъ, принимая Гроселя за того, кому была назначена эта роль, и бывши на него сердитъ еще за прошедшее представленіе, нападаетъ на рыбака и бьетъ его безъ всякаго милосердія, такъ что Гроселъ едва достигаетъ уборной, гдѣ избитый, изувѣченный и въ изнеможеніи падаетъ въ кресла. Къ довершенію всеобщаго удовольствія приходитъ жена Гроселя и начинается новая суматоха. Ну прелесть да и только. Гроселъ, увидѣвъ свою дражайшую половину, торопится надѣть обезьянью морду и узнаетъ, что она пришла для свиданія съ изувѣчившимъ его актеромъ Бельпозомъ. Рыбакъ, какъ слѣдуетъ мужу въ подобномъ положеніи, сердится. А жена беретъ съ него клятву никогда не ходить въ бутафорскую. Тѣмъ и оканчивается этотъ миленькой водевиль, а вмѣстѣ съ нимъ и занимательный спектакль, въ которомъ было соединено все для доставленія полнаго удовольствія публикѣ: и ужасное, и чувствительное, и смѣшное; да еще какое смѣшное-то, уморительное. Нельзя не остаться довольнымъ, нельзя не поблагодарить за выборъ піесъ, какихъ бываетъ мало.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ.

ТЕАТРЪ ВЪ САРАТОВѢ.

Характеристика губернскихъ театровъ можетъ быть любопытна и даже относительно полезна. Сверхъ того нигдѣ такъ не проявляется умственное развитіе общества, какъ въ театрѣ, тамъ, гдѣ иногда по неволѣ высказываются мнѣнія, вѣрованія и убѣжденія. Поговоримъ-же о театрѣ.

Въ Саратовѣ,—почтивъ центръ города, недалеко отъ базара, на площади, вы увидите деревянное, не слишкомъ чистое отъ времени зданіе, немного похожее на театръ, и очень много непохожее ни на что. Но первое слово наше о театрѣ должно быть данью благодарности памяти русскаго барича, который всегда готовъ былъ жертвовать своимъ состояніемъ, когда рѣчь шла о пользѣ управляемаго имъ края; я говорю о прежде бывшемъ здѣсь начальникѣ губерніи А. Д. Панчулидзевѣ, который выстроилъ этотъ театръ до 12 года и дѣлалъ все, что могъ, для усовершенствованія его.— Протекло болѣе десятилѣтія, какъ театръ состоитъ подъ опекою цѣлой публики. —Самое же строеніе нынѣ принадлежитъ инспектору шелководства Саратовской и Астраханской губерній И. К. Шепіану.

Репертуаръ игранныхъ піесъ въ нынѣшнюю зиму очень богатъ: актеровъ такъ-же много,—но мы будемъ снисходительны къ нашимъ читателямъ и ограничимся замѣчаніями относительно только тѣхъ лицъ, которыя или сами по себѣ хороши, или нравятся публикѣ. Первое мѣсто долженъ занимать *г. Борисоглѣбскій*, въ которомъ, вопреки всѣмъ толкамъ, есть безспорное дарованіе. Онъ не только довольно отчетливо исполняетъ всѣ трагическія роли, но даже и тѣ, въ которыхъ такъ превосходенъ М. С. Щепкинъ. Сравненіе въ искусствѣ менѣе нежели гдѣ нибудь должно быть допущено, а потому и Борисоглѣбскій долженъ быть избавленъ отъ сравненій. Можетъ быть даже оно не послужило-бы въ его пользу; но не смотря на то, вы будете смотрѣть на его игру безъ скуки и по временамъ онъ васъ заинтересуетъ, увлечетъ, допуская даже въ васъ и знаніе сценическаго искусства и прихотливость въ этомъ дѣлѣ эстетическаго вашего чувства; въ особенности г. Борисоглѣбскій хорошъ въ «Кинѣ»; во многихъ мѣстахъ, онъ даже увлекаетъ васъ своею игрою.

Роль городничаго въ «Ревизорѣ» Гоголя онъ исполняетъ довольно отчетливо и обдуманно, съ немногими исключеніями. Желательно, чтобы г. Борисоглѣбскій подумалъ побольше надъ этою ролью.

Романовскій играетъ у насъ первыя роли въ драмахъ и трагедіяхъ. Съ несчастнымъ голосомъ въ немъ соединяется самая неправильная декламація. Актеру, сколько нибудь мыслящему, не надобно воображать, что огромный ростъ и громкій голосъ даютъ право коверкать Шекспира. Посягнуть на выполненіе роли Гамлета, не имѣя къ тому даже небольшихъ средствъ, не только не дозволяется предъ зрителями губернскаго театра,—въ числѣ которыхъ, вѣроятно, найдутся люди очень образованные, но даже передъ жителями острова Уналашки.— Такая смѣлость и странна и смѣшна.

Въ трагическихъ жевскихъ роляхъ замѣчательна дѣвица *Завидова*, въ которой есть чувство и даже знаніе сцены.

Мочалова - Францына актриса уже давно извѣстная. Какъ образецъ старой школы, произносившей свои роли на распѣвъ,—она замѣчательна; но какъ актриса 1841 года... Впрочемъ, не она виновата въ своей принужденной декламаціи, въ своихъ завываніяхъ на сценѣ: виновна та школа, которая ее воспитала, виновны были требованія того времени,—которыя уже умерли и даже можетъ быть безъ надежды когда либо воскреснуть.

Перейдемъ къ комедіи и прямо къ актеру, болѣе другихъ любимому публикою, ученику Живокини и Щепкина (какъ говорятъ здѣсь; за справедливость я не ручаюсь), — ученикъ, замѣтьте, съ дарованіемъ, имѣетъ полное право требовать, чтобъ о его игрѣ высказали истину.—Я говорю о молодомъ *Залѣсскомъ*.—Слово мое будетъ искренно. Г. Залѣсскій прибѣгаетъ къ невыносимымъ фарсамъ, чтобъ быть вызваннымъ. — Видѣть прекрасный характеръ простодушнаго Петра Ивановича Бобчинскаго изуродованнымъ фиглярствомъ актера для потѣхи райка, для скуднаго аплодисмента нѣсколькихъ лицъ,—нестерпимо досадно. Впрочемъ, самые недостатки г. Залѣсскаго изобличаютъ въ немъ дарованіе. Онъ молодъ; ему еще есть время исправиться и сдѣлаться очень замѣчательнымъ комическимъ актеромъ.

Гусева для сцены губернскаго театра очень замѣчательна въ роляхъ нянюшекъ, матушекъ и т. п.; она говоритъ хорошо,—постъ выразительно, декламація ея неизысканна.

Михайловъ, актеръ комическій, который, не прибѣгая ни къ какимъ фарсамъ, исполняетъ свои роли довольно отчетливо.—Въ неблагодарной роли суфлера, въ Кинѣ, — онъ доходитъ до игры самостоятельной и обдуманной.

Косяковскій и *Порѣцкій*, два актера совершенно губернскіе, которые въ состояніи исполнить роли старыхъ подъячихъ,—характеры, дошедшіе къ намъ по преданію,—актеры съ самостоятельною губернскою игрою,—правда тяжеловѣсною,—но за то всегда вызывающею улыбку. Позы ихъ наивны,—декламація родится во время игры.

Заключимъ нашъ краткій обзоръ дѣвицею *Николаевою*, нашею водевильною актрисою; она въ легкихъ роляхъ довольно замѣчательна для провинціальной сцены и недурна собою,—а это большое достоинство. Здѣсь говорятъ, что она вырвала вѣнокъ изъ рукъ публики своею игрою.—Такъ говорилъ однажды въ театрѣ мой сосѣдъ по кресламъ,—смотря на свои брегетовскіе часы. Пожелаемъ же ей поболѣе вѣнковъ до одного прочнаго вѣнца, который подастъ ей судьба въ награду за то удовольствіе, которое она доставляетъ злѣшней публики.

Въ нѣкоторыхъ роляхъ замѣчательны *г-жи Александрова*, *Романовская*, *г. Баженова* и *Васильковъ*,—да извинятъ насъ остальныя лица (а ихъ такъ много) за наше о нихъ молчаніе и такъ-же великодушно,—какъ и мы слушали по цѣлымъ вечерамъ ихъ длинные монологи,—въ ожиданіи чего нибудь лучшаго.

=

ТЕАТРЪ ВЪ САРАНСКѢ.

Развалившись небрежно съ креслахъ Большаго Театра, полъ очарованіемъ звуковъ вашего Петрова, подъ магическимъ вліяніемъ вашей воздушной Тальони, — думаете ли вы иногда гг. петербургскіе жители о насъ, бѣдныхъ провинціялахъ, осужденныхъ *только читать* восторженныя и иногда даже вдохновенныя строки ваши о Брейтигахъ, Олебуляхъ и другихъ *художникахъ*, — или нашихъ собственныхъ, или пришлецовъ за русскимъ золотомъ, за русскими восторгами и рукоплесканіями. Приходитъ ли вамъ иногда, господа петербургцы или петербуржцы, въ голову, что за 1000, 1500 верстъ и далѣе отъ васъ живутъ такіе же люди, съ тѣми же чувствами, съ тѣми же понятіями, съ тѣмъ же сердцемъ для всего прекраснаго, съ тѣми же восторгами для Тальони, Липинскаго и другихъ. Вамъ можетъ быть покажется забавнымъ, если я скажу, что эти люди съ памятью Каратыгина и Мочалова, съ ихъ звуками, выпытанными у искусства и страсти; съ впечатлѣніями Воробьевой и Брей-

тинга, Тальони и Санковской, — этимъ людямъ, у которыхъ по временамъ еще дрожатъ въ ушахъ слова Гамлета и Людовика XI,—еще видятся въ нелѣпыхъ сновидѣніяхъ полеты сильфидъ, ихъ воздушныя вереницы и фантастическія группы хитанъ: еще слышатся звуки Зонтагъ и Каталани, — могутъ, сидя въ тесовомъ балаганѣ, при сквозномъ вѣтрѣ, довольствоваться едва заученными мотивами *доморощенной*, оборванной капели *мальчишекъ-музыкантовъ*, — плакать и смѣятся, восхищаться и рукоплескать отъ всей глубины сердца. Вы не повѣрите этому, какъ не вѣрятъ видѣніямъ спа, лепету французскихъ фурналовъ, столичнымъ вѣстямъ; — какъ же удивитесь вы, ежели, положа руку на сердце, я вамъ скажу, что при слабомъ освѣщеніи едва сколоченной на-скоро сцены, — я смѣялся отъ души, и не отъ глупости безграмотнаго *актера* и странныхъ ужимокъ его, приличныхъ трактиру и лакейской, не смотря на то, что сценическіе сподвижники, называютъ его то графомъ, то княземъ, то маркизомъ. Нѣтъ, господа! я смѣялся также, какъ смѣивался бывало надъ Щепкинымъ, актеромъ по преимуществу, такъ истинно и глубоко понимающимъ свое призваніе. Да! то были не фарсы Воротникова и Живокини, — лубочное гаерство, недостойное сцены, но игра таланта юнаго, неопытнаго, незнакомаго съ образцами, только что нелишеннаго дѣвственнаго пропитанія, безъ малѣйшаго сознанія призванія своего; робкаго—какъ бываютъ всѣ бѣдняки, недовѣрчиваго къ себѣ самому, боящагося грознаго приговора уѣздной публики, — между нами говоря,—толпы, для которой Живокини былъ бы геніемъ. Вотъ гдѣ нашелъ я его; среди хлама и грязи бродячей труппы; среди лишеній, нищеты, разврата, — кажется готоваго къ тому, чтобъ воспринять истины образованія, ежели бъ кто захотѣлъ заняться имъ.

Ежели вы будете слушать, я вамъ пожалуй разскажу какъ это случилось.

Судьба занесла меня въ Саранскъ — маленькій, грязненькій городокъ Пензенской губерніи, лучшій, однако, какъ говорятъ, между своими уѣздными братьями. Въ этомъ Саранскѣ, ежели это еще не дошло до вашего свѣдѣнія, 30 августа бываетъ двухъ-недѣльная ярмарка, — а какая же ярмарка обойдется безъ театра? На выгонѣ города, въ виду импровизованнаго подвижнаго городка ярмарочнаго, по волшебному манію брадатаго волшебника, воздвигся неуклюжій балаганъ изъ тёсу—кіатръ, какъ сказалъ мнѣ съ важностію плотникъ, рубившій помостъ для его сцены.

Давно желанное время наступило. Грохотъ барабана возвѣстилъ продавцамъ и покупщикамъ ихъ право на торговлю. И вотъ, между безчисленнымъ множествомъ телѣгъ и повозокъ, всякихъ возрастовъ и наименованій, закипѣла эфемерная жизнь, красиво и пестро развѣсились узорчатые наряды на очарованіе уѣздныхъ плутовскихъ глазокъ; хрусталь и бриліанты, деготь и невыдѣланныя кожи, пенька и желѣзо, сапоги и котъ, чугунные листы и деревянныя чашки и ложки, все этостѣснилось, сгруппировалось, приняло опредѣленную форму и мѣсто. Дерновый помостъ подъѣзда огласился стукомъ колесъ — подкатилась карета, другая; за ними рядъ экипажей, которымъ я еще не придумалъ названія, составляющихъ что-то среднее между столичными дрожками и дрогами, на которыхъ возятъ тягости и мертвыхъ. Изъ этихъ каретъ и экипажей, большею частію

Времень Очакова и покоренья Крыма,

выползли, вылѣзли, слѣзли, выпрыгнули розовые наряды, шляпки, прекрасныя личики, огненные глазки, щеголеватые манто, уродливые чепчики съ желтыми лентами и миріадами отцвѣтшихъ цвѣтовъ. Брякнули шпоры, мелькнулъ аксельбантъ, развѣялось бѣлое перо и длинныя вереницы фрачниковъ потянулись по рядамъ, толкаясь между разрумяненными и увѣшанными всѣми возможными побрякушками татарокъ, кумачными красными сарафанами нашихъ русскихъ бабъ и дѣвокъ, и пестрымъ, нарядным шитьемъ мордо-

вокъ (*). Все закипѣло новою мгновенною жизнію: лица просвѣтлѣли, улыбки скрасили уста; тысячи восклицаній, аханій, вопросовъ безъ отвѣта, отвѣтовъ безъ вопроса; чоканье поцѣлуевъ, крикливые возгласы привѣтствій, милліоны поклоновъ, пожатія рукъ, подыманій и опусканій шляпъ,—и безконечная выторговля (**), все это полилось, посыпалось, раздалось подъ лубочными сводами.

Наслушавшись и насмотрѣвшись вдоволь, на столбѣ—поддерживающемъ ярмарочный Пале-Рояль, увидѣлъ я печатную афишку. Театръ, афишка, пустота уѣздной жизни, — кто жъ не повѣритъ, что я бросился къ ней, какъ голодный бросается на *обѣденный столъ*, ласкающій его гастрономическую прихоть, какъ человѣкъ, изнуренный жаждою при 30° жара, бросается на освѣжающее питье. Это будетъ понятно всякому, кто прожилъ нѣсколько времени въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ сплетни замѣняютъ газеты, —и гдѣ всякому, какъ бы онъ ни ненавидѣлъ это, поневолѣ извѣстно, что дѣлается въ цѣломъ городѣ.

Я пріѣхалъ въ театръ, когда тамъ не было ни души, кромѣ полицейскихъ офицеровъ, да несчастныхъ оборванныхъ музыкантовъ, съ заклепанными сургучемъ инструментами — и терпѣливо слушалъ три раза одну и ту же увертюру, которой всѣ ноты были въ явной враждѣ между собою. Но вотъ собралась уѣздная публика. Не стану разсказывать изъ кого она состояла—это занялобы много мѣста да и не интересно столичнымъ жителямъ; довольно того, что всѣ усѣлись чинно, тихо, съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ—а это добрый знакъ *для* антрепренера.

Въ афишкѣ было напечатано: съ дозволеніемъ начальства. Труппою актеровъ содержателя *Голощапова*, представлено будетъ: *Параша Сибирячка*, драмма (а далѣе весь титулъ и обстановка) и *Его Превосходительство*, водевиль. Занавѣсъ поднялась, пьеса началась.

Говорить о томъ, какъ шла Параша, считаю излишнимъ—не для этого я началъ писать мою статью. Довольно, ежели скажу, что она шла плохо, по уѣздному, потому что никто не зналъ своихъ ролей, суфлеръ кричалъ громче актеровъ. Буду говорить только о томъ, о чемъ началъ, т. е. о молодомъ человѣкѣ, удивившемъ меня неожиданностію игры своей.

Г. Быстровъ, едва-ли 22 лѣтъ, попавшій въ эту бродячую труппу кажется изъ труппы Каменскаго, невеликъ ростомъ, худъ, блѣденъ, застѣнчивъ, говоритъ тихо, — но во всемъ этомъ есть зародышъ таланта свѣжаго, юнаго, хотя и неразвитаго ни образованіемъ, ни образцами. Ежелибъ вы взглянули на его согнутыя колѣнки, на его жалкое лицо передъ особою его превосходительства, его униженный тонъ—и потомъ: «*иностранныхъ языкамъ необучался*» о! вы расхохотались бы, говорю вамъ, точно такъ-же, какъ расхохотался я, смотря на эту изогнутую крючкомъ фигуру, на безконечный фракъ, на эту страдательную позу глупца, чувствующаго все свое ничтожество предъ его превосходительствомъ и дерзающаго приближаться къ нему только съ величайшимъ подобострастіемъ. *Г. Быстровъ* такъ хорошо понялъ роль свою, такъ вошелъ въ сферу этого класса людей, чуждыхъ всякаго образованія и считающихъ за обязанность изгибаться передъ сильными, съ такимъ искусствомъ усвоилъ себѣ эти ухватки неуклюжія, нелѣпыя, комическія до невозможности, и столь приличныя деревенскому глупцу, являющемуся впервые въ гостиной, — что я вздохнулъ о немъ невольно: зачѣмъ онъ здѣсь, на тесовомъ полу — а не на щеголеватой столичной сценѣ? Онъ морилъ меня постоянно во все время пребыванія своего на сценѣ; онъ дивилъ меня глубокою отчетливостію игры, отчетливостію безсознательною, инстинктивною, —непонятною въ человѣкѣ, начавшемъ свое поприще такъ низко. И —что всего удивительнѣе, такъ это то, что въ немъ не было

(*) Въ Саранскомъ уѣздѣ Мордвы много. Мнѣ удалось собрать нѣкоторыя изъ ихъ идолопоклонническихъ обрядовъ, — нынѣ почти уже совершенно вымершихся. Они занимательны въ высочайшей степени.

(**) Прошу прощенія за новое слово: но какъ назвать иначе это желаніе покупщика, *выторговать*, т. е. вытянуть хоть одну копеечку, *поторговаться*.—Это вещь искусства и терпѣнія только однихъ провинціаловъ.

ни тѣни фарсовъ, ни малѣйшей натяжки, — а все такъ естественно и просто, какъ-будто бы онъ дѣйствительно благоговѣлъ предъ бумажною звѣздою его превосходительства, увѣренный, что это существо рода высшаго, особеннаго. И до конца піесы, онъ выдержалъ роль свою — выдержалъ превосходно, хотя все окружающее его было ниже посредственности.

Нѣсколько лней спустя, видѣлъ я его опять въ *Дезертирѣ, или возвращеніи на родину* — и опять восхищался имъ. Сколько прямодушія и наивности было въ этомъ питомцѣ горъ, чуждомъ лести и обмана. Какъ отъ души смѣялся онъ въ веселыя минуты; какъ былъ истинно печаленъ и грустенъ, когда Жанета сказала ему, что выдетъ за другаго. Это была грусть непритворная, вылившаяся прямо изъ сердца; грусть человѣка, дѣвственнымъ вышедшаго изъ рукъ матери-природы. Какъ изящно-свободны были его движенія, какъ граціозна поза; сколько любви искрилось въ глазахъ, слышалось въ звукѣ голоса, выражалось въ улыбкѣ самодовольной и счастливой своимъ самодовольствомъ. Да! это былъ самъ Жакъ — какъ швейцарецъ свободный, какъ онъ прямой и откровенный, несвязанный приличіями, модами, тягостными условіями большаго свѣта. Онъ былъ хорошъ до нельзя, этотъ Жакъ; я полюбилъ его отъ души во время его эфемернаго существованія; я хотѣлъ бы видѣть всѣхъ людей такими — простыми, безъискусственными, свободными, — на языкѣ съ тѣмъ, что у нихъ на душѣ. И какая была невообразимая разница, какое неизмѣримое разстояніе между этимъ Быстровымъ-помѣщикомъ и этимъ Быстровымъ-швейцарцемъ-горцемъ.

Еще разъ видѣлъ его въ *Полковникѣ старыхъ временъ*, въ роли управителя, и еще въ собственный бенефисъ — и остался имъ недоволенъ. Почему такъ — я вамъ скажу сейчасъ. Въ его движеніяхъ было еще болѣе замѣшательства, робости, неувѣренности въ себѣ самомъ. Не поручусь, чтобы этому не былъ причиною *прекрасный* пріемъ, ему, бѣдному бенефиціанту, осужденному въ утро этого дня скитаться по переднимъ и быть жертвою аристократической спѣси уѣздной знати; предметомъ снисхожденія, выдавленной улыбки или отвратительной грямасы скупаго невѣжи. Не поручусь, говорю я, — я видалъ и слыхалъ, что значитъ художникъ на ихъ языкѣ: кукла, созданная для ихъ забавы; презрѣнный бѣднякъ, имѣющій нужду въ ихъ деньгахъ....

Здѣсь кончаю разсказъ мой о неожиданномъ явленіи, порадовавшемъ меня внезапно, и съ тѣмъ вмѣстѣ оставившемъ во мнѣ такое грустное впечатлѣніе. Труппы нѣтъ болѣе въ Саранскѣ — она снова начала бродячую жизнь свою, тщетно отыскивая сочувствія и денегъ. И она стóитъ своей жалкой участи — но таковъ ли долженъ быть жребій художника, понимающаго свое назначеніе и съ тѣмъ вмѣстѣ осужденнаго изнывать подъ бременемъ своей тяжкой доли. Будемъ надѣяться, что жалкая судьба молодаго артиста найдетъ себѣ отзывъ, — что, *можетъ быть, гдѣ нибудь* она тронетъ могущественное снисхожденіе какого нибудь превосходительнаго и тысячедушнаго мецената, и онъ укажетъ ему на столичной сценѣ его настоящее мѣсто....

Да, господа! не среди блеска и золота зрѣетъ художникъ — но часто, какъ жемчужное зерно среди сорной кучи, таится во мракѣ неизвѣстности. Дайте дѣлателя этому камню, покрытому грубою корою, и изъ него выдетъ драгоцѣнный алмазъ. Вспомните Щепкина — великаго Щепкина, въ бродячей труппѣ Тульскаго театра — и Щепкина на сценѣ Московской, украшеніе ея и славу...

Avis aux lecteurs!...

Прощайте, господа, до новой ярмарки.

Саранскъ. И. Селивановъ.

ТЕАТРЪ ВЪ КІЕВѢ И НѢЖИНѢ.

Недавно на контрактахъ въ Кіевѣ видѣлъ я la trop fameuse M-lle George. — Вотъ тебѣ о ней свѣдѣнія. Она была два раза въ Петербургѣ — первый разъ, кажется, въ 1808, а второй въ 1814 году,

въ блистательное время ея таланта и красоты. Не знаю, когда она дебютировала на театрѣ de la Comedie française. Въ то время она была очень хороша. Вотъ одинъ анекдотъ о ней: первый ея любовникъ былъ нѣкто Dumoulin, не тотъ, однако жъ, который былъ редакторомъ журнала Constitutionnel. Онъ былъ богатъ, расточителевъ и она умѣла пользоваться этою слабостью; ибо ея расточительность превосходила красоту ея.

Родители Дюмулена, которыхъ пугала эта связь, ведущая ихъ къ разоренію, принудили его оставить Парижъ и выѣхать въ Брюссель, въ ту самую минуту, когда должна была играть на сценѣ M-lle George; но она узнаетъ о его отъѣздѣ, оставляетъ театръ, садится въ коляску и летитъ вслѣдъ за нимъ. Представленія, въ этотъ вечеръ, разумѣется, не было и ее принудили къ уплатѣ убытковъ; но она, передъ границею, нагнала Дюмулена и возвратилась съ нимъ въ Парижъ. Онъ очень радъ былъ заплатить за нее присужденный штрафъ.—Въ послѣдствіи, она имѣла связь съ Гаводаномъ, de l'Opéra Comique.

Обращаюсь къ новѣйшему времени. И такъ, я отправился въ театръ въ теплыхъ сапогахъ и медвѣжьей шубѣ. — Въ немъ очень холодно! Но партеръ полонъ, ложи всѣ заняты, въ райкѣ тоже были зрители, къ удивленію моему, я замѣтилъ одну русскую бороду. Оркестръ изъ 8 человѣкъ играетъ убійственныя французскія кадрили; наконецъ зававѣсъ поднимается. Въ тотъ вечеръ давали «Меропу.» Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я выхода знаменитости — и вотъ она явилась. Высокая, полная, черезъ-чуръ полная женщина, въ длинной, малиноваго цвѣту, мантіи, съ золотыми цѣпями на шеѣ, съ короткими рукавами, съ батистовымъ платкомъ въ рукахъ. По крайней мѣрѣ, послѣднее мнѣ кажется анахронизмомъ; но, можетъ быть, она потому держала платокъ въ рукахъ, что, въ то время, страдала насморкомъ — да и немудрено! быть съ короткими рукавами, когда только медвѣжья шуба въ пору!—Несмотря на то, что лицо ея было слишкомъ натерто разными красками, морщины — неумолимое время! — все-таки видѣлись слишкомъ отличительно, слишкомъ рѣзко; ей, говорятъ, около 60.—И слѣдовъ нѣтъ прежней красы!

Я привыкъ къ Каратыгину, къ его дикціи, къ его декламаціи, и мнѣ странно было слышать M-lle George, съ ея пѣвучестью, съ ея драматическою икотою и съ пѣнистовыми размахиваніями рукъ. Она современница Тальмы—можетъ быть, и онъ такъ дѣлалъ, но, признаюсь, мнѣ это несовсѣмъ по вкусу. — M-lle George не имѣетъ голосу и старается кричать, долго втягивая въ себя полною грудью воздухъ—это дѣлаетъ какой-то особенный эффектъ. Вообще, она играла очень холодно, или, лучше, слишкомъ горячилась некстати. Можетъ быть, она считала русскую провинціальную публику недостойною видѣть вполнѣ ея таланта и неумѣющею оцѣнить его достоинствъ:—иностранцы до сихъ поръ имѣютъ о насъ дурное мнѣніе. Она, можетъ быть, полагала, что довольно съ насъ будетъ и того, чѣмъ она заблагоразсудитъ подарить насъ, что броситъ намъ.... Послѣдніе, прекрасные стихи перваго акта:

Quand on a tout perdu et qu'on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre et la mort un devoir!

были произнесены чрезвычайно неудачно; вслѣдъ за ними раздались аплодисменты—я вышелъ изъ театра. О другихъ актерахъ не стоитъ говорить;—хвалятъ Mondidier въ роли Ефеста, но мнѣ онъ не понравился.

28-го января давали Alix, ou les deux mères, drame, par Denoyers. Піеса эта есть въ репертуарѣ Михайловскаго театра—вотъ ея содержаніе вкратцѣ.

Морисъ, ювелиръ, за какое-то оскорбленіе, убиваетъ на дуэли публициста Рафаэля Мюллера, у котораго осталась дочь, Режина, взятая баронессою Ренфельдъ и которую, не знаю какъ и почему, баронесса выдастъ за свою законную дочь. Проходитъ 16 лѣтъ. Молодой адвокатъ Эрнестъ влюбленъ въ Режину и любимъ ею взаимно—баронесса не противится ихъ соединенію. Является какая-то старуха; она встрѣчаетъ Режину и имѣетъ подозрѣніе, что это ея дочь, ро-

дившаяся въ тотъ день, какъ убитъ ея мужъ, Рафаэль Мюллеръ. Она проситъ баронессу возвратить ей дочь, но та выгоняетъ ее изъ дому и уѣзжаетъ въ свой отдаленный замокъ. Старуха и тамъ является. Режина находитъ ее въ паркѣ, лежащую въ безпамятствѣ и приводитъ въ чувство. Между тѣмъ приходитъ въ садъ баронесса и отсылаетъ Режину. Алиса проситъ ее позволить ей видѣть иногда свою дочь, обнять ее, ласкать, хоть изрѣдка. Баронесса оставляетъ ее у себя въ замкѣ, съ тѣмъ, чтобы она не говорила Режинѣ, что она мать ея.... Она даетъ Алисѣ какую-то бумагу, гдѣ сознается въ подлогѣ, что Режина не дочь ея и отдаетъ ей половину своего имѣнія; но Алиса разрываетъ эту бумагу.—Въ одинъ прекрасный вечеръ, Алиса и Режина сидѣли вмѣстѣ въ комнатѣ; но уже поздно—старуха уходитъ къ себѣ, молодая дѣвушка остается на сценѣ и засыпаетъ въ креслѣ. Въ эту минуту влѣзаетъ въ окно Эрнестъ. Режина спитъ, но, вѣрно, ей видится дурной сонъ—она зоветъ къ себѣ на помощь. Алиса выходитъ изъ своей комнаты и, тѣмъ же путемъ, проводитъ Эрнеста. —Режина все спитъ. — Раздается выстрѣлъ. Это Бенедиктъ, садовникъ, котораго молодая жена, Юлія, горничною у баронессы.— Давно уже замѣтилъ онъ молодого человѣка, бродящаго вокругъ замка и, какъ онъ очень ревнивъ, то вообразилъ, что это долженъ быть любовникъ его жены и подстрѣлилъ его, когда тотъ спускался изъ окна. Раненнаго Эрнеста приносятъ въ замокъ. Режина въ отчаяніи. Является отецъ Эрнеста—лицо его незнакомо Алисѣ... Наконецъ, она узнаетъ въ немъ Мориса, убійцу ея мужа. Докторъ увѣряетъ, что рана Эрнеста неопасна; но баронесса, узнавъ, что отецъ его убійца отца Режины, не соглашается на бракъ ихъ. Режина приходитъ еще въ большее отчаяніе. Алиса, увидя, до какой степени Режина любитъ Эрнеста, увѣряетъ баронессу, что она не мать ея и проситъ ее не препятствовать счастію молодыхъ людей, прощается съ ними и уходитъ, чтобы никогда уже не возвращаться....

M-lle George исполнила роль Алисы превосходно; мнѣ только показался нѣсколько страннымъ костюмъ ея—черная блуза, чрезвычайно смѣшнаго фасона.—Въ особенности, она была хороша въ сценѣ съ отцомъ Эрнеста, гдѣ она припоминаетъ себѣ черты его: она гдѣ-то видѣла этого человѣка... Она еще не узнаетъ его, но, по какому-то невольному побужденію ужаса, боится его. «Ne vous approchez pas de moi» говоритъ она, когда тотъ хочетъ подойти къ ней ближе. Это «Ne vous approchez pas de moi» было произнесено удивительно.—Но послѣдняя сцена—верхъ совершенства,—когда она отказывается отъ Режины, чтобы не препятствовать ея счастію, и прощается съ нею навсегда.—Вообще, вся піеса шла очень хорошо; особенно мнѣ понравилось, что всѣ актеры и актрисы твердо знали свои роли, что рѣдко случалось мнѣ встрѣчать на провинціяльныхъ театрахъ. Режина (M-lle Eugenie Sen), Юлія, горничная баронессы (M-me Mondidier), садовникъ Бенедиктъ, мужъ ея (Emile Dupuis), были натуральны и вообще вели хорошо свои роли. Только я замѣтилъ, что большая часть, въ особенности женщины, стараются подражать M-lle George и какъ можно болѣе къ ней приблизиться; особенно M-me Moralès (баронесса Ренфельдъ) копируетъ ее рабски во всемъ, даже въ ея драматической икотѣ. Послѣ драмы давали водевиль: Un pont neuf, но я не видалъ его.

31-го давали безхарактерную драму Делавиня: les Enfans d'Edouard. Вотъ распредѣленіе главныхъ ролей: Elisabeth, reine, veuve d'Edouard IV—M-lle George; Edouard—roi actuel—M-me Moralès; Richard—duc d'York—M-lle Eugénie Sen; Richard, duc de Glocester, régent—Mondidier; Iames Tirrel—Auguste; duc de Buckingam—Brevannes.—M-lle George мнѣ не понравилась: проклятые александрійскіе стихи много портили — классицизмъ — размахиваніе руками—неизбѣжная драматическая икота—крики... M-me Moralès и M-lle Sen были довольно хороши, особенно послѣдняя. Mondidier тоже мнѣ не понравился,—игра его очень принужденна; Auguste былъ слишкомъ свободенъ въ обращеніи съ регентомъ; лучше всѣхъ былъ Brevannes—игра его свободна и натураль-

на.—Водевиль, le Protégé, довольно пустой, шелъ, однако-жъ, порядочно. — Кромѣ этихъ піесъ давали еще Tartuffe и Mademoiselle de Belle-Isle, но я не видалъ ихъ.

«Скажи мнѣ, что такое слава?»—Первая актриса de la Comedie Française ѣздитъ теперь, съ своею труппою, по русскимъ провинціямъ!...

Перейдемъ къ музыкѣ. Я сказалъ уже, что я пріѣхалъ въ Кіевъ 25-го января и въ тотъ-же вечеръ былъ въ концертѣ Леопольда Мейера.

Кто изъ петербургскихъ жителей не знаетъ Л. Мейера? Кто не восхищался его игрою и не согласится со мною, что этотъ молодой человѣкъ артистъ перваго класса?— Въ бытность мою въ Петербургѣ, я слышалъ его на частныхъ вечерахъ. Онъ играетъ чрезвычайно легко и съ пріятностію самые трудные пассажи — чистота необыкновенная, можно слышать каждую ноту; чрезвычайная гибкость рукъ, ловкость! — Ему дѣлали и дѣлаютъ упрекъ, что онъ играетъ сильно и крѣпко бьетъ. Нельзя въ этомъ не согласиться, но надо сказать, что онъ много позанимствовалъ къ улучшенію своей игры отъ Гензельта и Карла Мейера, отъ котораго занялъ блистательность. Прошедшимъ лѣтомъ онъ жилъ нѣсколько времени съ Тальбергомъ въ Москвѣ и, конечно, съ пользою употребилъ это время. Еще не достаетъ ему того, что французы называютъ un style large, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ скоро пріобрѣтетъ это; онъ теперь путешествуетъ — будетъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ и будетъ имѣть случай слышать лучшихъ фортепьянистовъ. Я замѣтилъ, что онъ иногда шарлатанитъ и пускаетъ пыль въ глаза, но это видно только знатокамъ, и я нахожу, что онъ очень хорошо дѣлаетъ, ибо, говоритъ латинская пословица: Mundus vult decipi, ergo decipiatur. Надобно при этомъ замѣтить, что собственныя сочиненія онъ играетъ лучше. Въ этотъ вечеръ онъ игралъ фантазію Тальберга изъ Нормы; варіяціи на цыганскую пѣсню «ты не повѣришь»; свой этюдъ; этюдъ Гензельта, «Si oiseau j'étais», Свою фантазію изъ Роберта. Мнѣ кажется, онъ хорошо сдѣлалъ, что изъ фантазіи Тальберга выпустилъ, въ срединѣ, довольно скучную фугу и, вмѣсто ея, вставилъ собственныя варіяціи, которыя очень хорошо шли къ піесѣ. Варіяціи на цыганскую пѣсню—небольшая, превосходная піеска, въ as-дурномъ тонѣ. Этюдъ Гензельта мнѣ не понравился по исполненію—далеко нѣтъ сравненія съ игрою самаго Гензельта; но собственные его этюды очень хороши и были сыграны превосходно; фантазія изъ Роберта тоже прекрасна и великолѣпна. — Тальбергъ также сочинилъ фантазію на мотивы изъ Роберта и въ фантазіи Л. Мейера есть нѣсколько мыслей одинакихъ съ мыслями Тальберга, но это мелочь.—Онъ далъ въ Кіевѣ четыре концерта, но не понравился здѣшней публикѣ—странно и смѣшно сказать, почему!—Онъ носитъ гофрированные нарукавники, и поэтому его называютъ фигляромъ!... Въ первомъ концертѣ, до моего пріѣзда, въ которомъ онъ игралъ свой галопъ, говорятъ, очень трудный и очень хорошій, было особъ до 50; во второмъ, въ которомъ былъ и я, болѣе 300, потому, что генералъ-губернаторъ принялъ въ немъ участіе; въ третьемъ 60, а въ четвертомъ только 15. На другой день, 26-го, далъ музыкальное утро, на скрыпкѣ, Феликсъ Липинскій, братъ знаменитаго Липинскаго. Смычекъ его очень хорошъ и свободенъ и рука тверда, игра чиста, со вкусомъ, съ чувствомъ, правильна, отчетлива, и я думаю, что природный талантъ у него выше чѣмъ у брата его, Карла, который достигъ до степени совершенства, на которой стоитъ теперь, усильными упражненіями и трудомъ, и ежели Феликсъ будетъ столь-же постоянъ въ своихъ занятіяхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что пріобрѣтетъ гораздо болѣе славы.—Онъ игралъ *военный концертъ* и адажіо своего брата и Reminiscences de Norma, своего сочиненія.—Я забылъ сказать тебѣ, что, въ антрактахъ, играла военная музыка увертюры, достойныя слезъ!—Нѣтъ надобности говорить о концертѣ Карла Липинскаго,— я полагаю, онъ извѣстенъ всему музыкальному міру,—исполненіе же его было превосходное. Адажіо тоже прекрасное, и въ исполнителѣ его можно видѣть великаго артиста, ибо очень трудно сыграть адажіо съ такимъ чувствомъ, которое

такъ говорило бы сердцу.—Тема изъ Нормы обдѣлана очень хорошо, блистательно; паріяціи очень трудны и есть прекрасные пассажи для скрыпки. — Липинскій намѣренъ побывать въ Парижѣ и Лондонѣ,—желаю ему всякаго счастія.

Въ другихъ концертахъ я не былъ. Было въ Кіевѣ много артистовъ, между прочими, миссъ-Мази, которую я слышалъ прежде, и которая, мнѣ кажется, начинаетъ спадать съ голоса, и старая моя знакомка Фричь, бывшая prima donna одесской оперы. Она теперь не въ первой молодости, но была очень хороша собой, голосъ имѣетъ сильный и пріятный, довольно гибкій, такъ-же гаммы и трели выдѣлываетъ несовсѣмъ хорошо.

Что сказать тебѣ о кіевскомъ обществѣ?... — Интересно побывать одинъ разъ въ контрактовой залѣ—тутъ ты увидишь вавилонское столпотвореніе, но большая часть, разумѣется, дѣтей Израиля и поляковъ, въ разнохарактерныхъ костюмахъ. Мнѣ попадались презанимательныя физіономіи, съ отчаянными усами и бородами. Я замѣтилъ, что, въ особенности, старались отличаться шапками. Наши пословицы: всякій баронъ имѣетъ свою фантазію; что голова, то умъ,—значатъ здѣсь: Każden Polak ma swoia czapke; Co głowa, to czapka..... Съ началомъ масляной я выѣхалъ изъ Кіева и пробылъ почти двѣ недѣли въ Нѣжинѣ.—Былъ такъ-же и театръ въ Нѣжинѣ; онъ помѣщался въ манежѣ; я не былъ въ немъ, но, на память, сберегъ писанную аффишку — вотъ она:

Городъ *Нѣжинъ.*

СЪ ДОЗВОЛЕНІЯ НАЧАЛЬСТВА.

Въ пользу Юлій Грунвальдъ

Сего 1841 года февраля 7 ч. въ Субботу

Компанія Артистовъ драмматическихъ, подъ дирекціею Доната Грунвальда будутъ имѣть честь представить комедію въ 1 дѣйствіи *подъ названіемъ*

Гдѣ-то наши мужья ходятъ.

Окончить спектакль комедія опера въ 2-хъ дѣйствіяхъ на Малороссійскомъ діалектѣ *подъ заглавіемъ*

Козакъ Стихотворецъ.

цѣна мѣстамъ:

1-е мѣсто
2-е мѣсто } отъ великодушія.
3-е мѣсто

—

Я располагалъ пробыть въ Нѣжинѣ не болѣе двухъ дней, но встрѣтилъ многихъ знакомыхъ, которые уговорили меня остаться, и я ни мало объ этомъ не жалѣю. Здѣсь я нашелъ такъ-же молодаго фортепіяниста Т. Бертольда, недавно пріѣхавшаго изъ Дрездена. Поговорю о немъ подробнѣе.

Это молодой человѣкъ, лѣтъ 23, ученикъ Отто, Шнейдера и Рейсигера, отъ которыхъ имѣетъ аттестаты чрезвычайно удовлетворительные, такъ-же отъ Морлаки и барона Мальтица, члена музыкальныхъ академій въ Стокгольмѣ и Мангеймѣ.

Бертольдъ чрезвычайно хорошо знаетъ музыку во всѣхъ ея частяхъ теоретическихъ и практическихъ, т. е. знаетъ въ совершенствѣ генералъ-басъ, контрапунктъ и фугу, ноты читаетъ съ удивительною бѣглостію, играетъ правильно, чисто. Я часто съ большимъ удовольствіемъ слушалъ его игру, но особенное впечатлѣніе на меня сдѣлалъ большой концертъ Гуммеля, А-мольный. Съ какимъ чувствомъ онъ разыгрываетъ эту великолѣпную поэму! Онъ игралъ его не такъ, какъ онъ написанъ — начинаетъ, разумѣется, съ перваго соло *Allegro*, вдругъ переходитъ въ *Adagio* и потомъ оканчиваетъ *Allegro*, перехоля во второе соло. Многимъ, слышавшимъ Фильда, игравшаго сей концертъ, онъ напомнилъ знаменитаго артиста и, мнѣ кажется, онъ передаетъ его такъ, какъ желалъ бы самъ композиторъ.

Бывши въ Дрезденѣ, онъ сочинилъ обѣдню, съ акомпаньементомъ оркестра, которую исполняютъ въ церквахъ Божіей Матери и Креста, и эта-то обѣдня доставила ему прекрасные аттестаты знаменитыхъ артистовъ. Всѣ они рекомендуютъ его, какъ хорошаго дирижера и композитора. Рейсигеръ не хотѣлъ-было выпустить его изъ Дрездена.—Я слышалъ его увертюру и романсы на слова разныхъ нѣмецкихъ авторовъ, въ особенности мнѣ

понравилась музыка на слова Гёте das Veilchen. Во всѣхъ его романсахъ видна національность и оригинальность — мнѣ напоминаютъ они мелодіи Шуберта. Девріенъ, первая пѣвица королевской оперы въ Дрезденѣ, позволила ему посвятить ихъ ей.

Увертюру слышалъ я исполненную оркестромъ сосѣда моего П. Г. Г—ва. подъ дирекціею капельмейстера г. Краузе, воспитанника Прагской Консерваторіи, человѣка съ большими музыкальными познаніями. — Оркестръ Г. Г—на очень хорошъ—и неудивительно! Кромѣ такого капельмейстера, самъ хозяинъ, ученикъ Штейбельта, прекрасно играетъ на фортепьяно и на скрыпкѣ и имѣетъ необыкновенное музыкальное чувство. Первая скрыпка оркестра, онъ же и солистъ, учился у г. Данилевскаго, ученика знаменитаго Лафона, потомъ у Ремерса и Гаумана. Инструменты богатые—есть скрыпки Николая Аматы, Страдуарія и Гварнеріуса, стоящія, каждая, болѣе 3000 руб. — Здѣсь есть еще другой прекрасный оркестръ, у г. С. Т—го; первая скрыпка его—ученикъ Шпора: этого одного довольно, чтобы рекомендовать съ хорошей стороны оркестръ и музыкальность Нѣжина.

П. Мартосъ.

=

ОДЕССКІЙ ТЕАТРЪ.

Труппа русскихъ актеровъ, подъ управленіемъ г. *Зелинскаго*, отправилась отсюда въ Херсонъ. Счастье неблагопріятствовало здѣсь этой труппѣ, и она, давъ здѣсь 15-ть представленій, поспѣшила выѣхать изъ Одессы. Не хотимъ высказывать причинъ неуспѣха ея, которыхъ было много и которыя отчасти не зависѣли отъ актеровъ. Въ Херсонѣ и въ другихъ городахъ Южной Россіи она, вѣроятно, будетъ имѣть больше успѣха; и это уже не первый примѣръ равнодушнаго пріема, какой встрѣчаютъ здѣсь русскіе актеры, и, право, не совсѣмъ по нашей винѣ. Только однажды, въ бытность здѣсь московскаго артиста *Щепкина* съ его семействомъ, русскія піесы, въ представленіи которыхъ онъ дѣятельно участвовалъ, имѣли успѣхъ неслыханный. И тогда не всѣ актеры, за исключеніемъ даровитаго *Солецкаго*, были хороши; но геніальный Щепкинъ, своею художническою игрою, умѣлъ поддержать весь ходъ пьесы, такъ-что нелѣпости прочихъ лицедѣевъ обнаруживались не слишкомъ рѣзко и были почти незамѣтны въ цѣломъ. Впечатлѣніе, производимое его игрою, было такъ могущественно, что вся піеса представлялась воображенію зрителей не иначе, какъ въ образахъ, сообщенныхъ ей Щепкинымъ. Мы были свидѣтелями восторга, возбужденнаго имъ въ Одессѣ и Вознесенскѣ (во время бывшихъ тамъ въ 1837-мъ г. великолѣпныхъ маневровъ): каждое слово его являлось не только звукомъ, но и образомъ, въ высокой степени изящно-истиннымъ и простымъ, и многіе помнятъ еще, какъ нѣкоторые изъ образованныхъ зрителей, очарованные неотразимой силою его игры, забывшись, довольно-громко повторяли за нимъ его рѣчи; это случилось въ Вознесенскѣ, во время представленія «Ревизора».

Труппа г. Зелинскаго тоже давала на Одесскомъ театрѣ «Ревизора». Г. Генделевичъ, въ роли Городничаго, былъ относительно довольно-хорошъ, и былъ-бы еще лучше, еслибы на этой-же сценѣ и въ той-же самой роли мы не видѣли Щепкина. Сравнивать ихъ было-бы съ нашей стороны жестоко и не совсѣмъ прилично. Повторяемъ, у Щепкина не было потеряно рѣшительно ни одного слова, даже въ самыхъ ничтожныхъ мѣстахъ піесы, а здѣсь—самыя характеристическія сцены остались незамѣченными. Какъ глубоко, напримѣръ, было чувство смѣшнаго, производимое разсказомъ Щепкина о томъ, что недаромъ снились ему двѣ необыкновенныя крысы.... Но, не сравнивая г. Генделевича съ Щепкинымъ, по всей справедливости должно замѣтить, что многія мѣста своей роли онъ исполнилъ умно и просто, нигдѣ не впадая въ фарсъ, по примѣру большей части своихъ товарищей.

Вообще, труппа г. Зелинскаго, отличавшаяся нѣкоторыми достоинствами, ли-

шева была возможности выполнять женскія роли, и это во многомъ повредило ей. Можно такъ-же пожелать, чтобы артисты ея чище выражались по-русски.

Послѣдняя піеса «Козакъ-Стихотворецъ», представленная этою труппою, дана была, 28-го іюля, уже не на сценѣ Одесскаго театра, а въ Восточномъ циркѣ. Такъ называется большой деревянный балаганъ, построенный на Театральной площади, и въ которомъ ежедневно даются представленія труппою вольтижеровъ г. Сулье и г-жи де-Бахъ. Комедія, или водевиль, разыгранные подъ открытымъ небомъ,—это событіе довольно оригинальное, отчасти напоминающее собою старыя шекспировскія времена, когда драматическая муза являлась не иначе, какъ въ предѣлахъ смиреннаго балагана. Мы жалѣемъ, что не могли быть на этомъ представленіи, данномъ въ пользу русскихъ актеровъ, и которое, при содѣйствіи труппы г. Сулье, и при стеченіи многочисленной публики, имѣло, говорятъ, блистательный успѣхъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

В. ПОЛЯКОВА,

На Невскомъ Проспектѣ, на углу Михайловской улицы, въ домѣ графини Строгановой и въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, № 17, поступили въ продажу:

ОПИСАНІЕ ПОХОДА ВО ФРАНЦІЮ ВЪ 1814 ГОДУ, соч. ген.-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго, изданіе 2-е, исправленное, съ XXIII картами и планами сраженій. СПб. 1841 г. Ц. 4 р. сер.

ХИМІЯ, составленная по порученію Его Императорскаго Высочества Михаила Павловича для военно-учебныхъ заведеній, И. Т. Щегловымъ; со многими чертежами. СПб. 1841 г. ц. 3 р. сер.

НАБЛЮДЕНІЯ И ОПЫТЫ по части усовершенствованія всѣхъ отраслей Сельскаго Хозяйства въ Россіи, изд. барона Унгерна-Штернберга; съ таблицами. СПб. 1841 г. ц. 1 р. 50 к. сер.

ЛѢТНЯЯ ПРОГУЛКА по Финляндіи и Швеціи, сочиненіе Ѳад. Вен. Булгарина,—2 части, съ видомъ Стокгольма. СПб. ц. 3 р. сер.

ЛѢСНАЯ МАТЕМАТИКА, съ изложеніемъ правилъ межеванія, таксаціи и исчисленія цѣнности лѣсовъ, съ присовокупленіемъ вспомогательныхъ таблицъ для лѣсныхъ таксаторовъ. Соч. Кеппа, съ чертежами и таблицами, изд. Обществ. Лѣснаго Хозяйства. СПб. 1841 г. ц. 3 р. сер.

ФАУСТЪ, соч. Гёте, переводъ риѳмованными стихами Эдуарда Губера. СПб. цѣна на лучш. бумагѣ 2 р. 85 к. сер.

РАЗСКАЗЪ о томъ какъ Іафетъ ищетъ отца, соч. капитана Марріэта. 2 части. СПб. ц. 3 р. сер.

РУССКІЕ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ П. Каменскаго. 2 части, содержащія повѣсти: Калитъ-бей, Кавказская повѣсть; Майко; Письма Эпскаго; разсказъ Лупскаго, путешествіе и приключенія художника Гмелина на Кавказѣ; Боржомъ; Конецъ міра; и проч. съ картинами. СПб. ц. 2. р. 85 к сер.

НОВОГОДНИКЪ. Собраніе сочиненій въ стихахъ и прозѣ лучшихъ русскихъ авторовъ, собран. И. Кукольникомъ. СПб. ц. 2 р. 85 к. сер.

ХЕВЕРЬ. Драматическая поэма, В. Соколовскаго, автора Міроздапія и проч. СПб. ц. 2 р. сер.

ПРАВИЛА игры преферансъ. СПб. 1841 г. ц. 50 к. сер.

ПРАВИЛА игры въ шестъ. СПб. ц. 60 к. сер.

ИСТОРІЯ жизни, путешествій, открытій и приключеній въ Новомъ свѣтѣ Колумба и его спутниковъ, соч. Вашингтона-Ирвинга. 2 части. СПб. ц 2 р. сер.

Принимается подписка на VII-й томъ

ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ достопамятныхъ предметовъ Наукъ, Искуствъ, Художествъ, и проч. и проч., со множествомъ политипажныхъ рисунковъ. Цѣна за 50 листовъ въ годъ 5 р. 75 к. сер. Вышедшіе листы раздаются

— То же прежде-вышедшіе томы: I, II, III, IV, V и VI, цѣна по 5 р. 75 к. сер.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ о состояніи городовъ Россійской Имперіи, составленныя по послѣдней переписи при министр. внутр. дѣлъ. СПб. 1841 г. ц. 2 р. сер.

Иногородныя особы благоволятъ адресоваться какъ за сими, такъ и за другими книгами, журналами и газетами, издаваемыми на 1841 годъ, и публикуемыми прочими издателями и книгопродавцами, на имя Василья Петрова Полякова.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ.

I. **СЕМНАДЦАТЬ И ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ.** Комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *П. С. Ѳедорова.*

II. **ИТАЛІЯНСКІЙ ТЕАТРЪ.** Четыре маски италіянскаго театра.

III. **НЕСЧАСТЛИВЕЦЪ ВЪ ЛЮБВИ,** или чудныя любовныя похожденія русскаго Граціозо.

IV. **СТИХОТВОРЕНІЯ И КУПЛЕТЫ:**

1. **КАРТИНА.** *Аб. Пороховаго.*
2. **ДВА ТОСТА.** *Родильдѣева.*
3. **НА СМЕРТЬ МЕРИ.** *Ѳ. Кони.*
4. **ЭЛЕГІЯ.** (Въ альбомъ). *Н. Грекова.*
5. **РОМАНСЪ.** *Н. Грекова.*
6. **ТАБАКЪ.** *В. Б-аго.*
7. **СОЛОВЕЙ.** *Н. Грекова.*
8. ******* *Н. Грекова.*
9. **СТАНСЫ.** (Изъ В. Гюго.) *Н. Грекова.*

V. **КАЛЕЙДОСКОПЪ:**

1. Одно изъ представленій Льва Гурыча Синичкина.
2. Характеристическій урокъ Бертини.
3. Что значитъ покровитель драмъ во Франціи.
4. Придворный Театръ.

VI. **ПРИЛОЖЕНІЯ:**

I. **ПОРТРЕТЪ МЕЙЕРА-ВЕРА.**

II. **НОТЫ:** Nocturne par Eduard Wolff.

III. N 5-й **ТЕКУЩАГО РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ,** котораго содержаніе слѣдующее:

1. **ГАБРІЭЛЬ ИЛИ АДЪЮТАНТЫ,** комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ французскаго *П. Ѳедоровымъ.*
2. **ЛѢТОПИСЬ РУССКАГО ТЕАТРА.** С. Петербургъ. Іюнь, іюль.
3. **ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ В'Ъ РОССІИ.**